

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF HISTORICAL STUDIES**

№ 1 (61)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2026**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Геворкян Е. Н.** доктор экономических наук, профессор, академик РАО,
председатель и. о. ректора ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
- Агранат Д. Л.** доктор социологических наук, доцент,
заместитель проректор ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
председателя
- Комаров Р. В.** кандидат психологических наук, доцент,
заместитель проректор ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
председателя

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Кириллов В. В.** кандидат исторических наук, директор, профессор
главный редактор Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
- Омельяничук И. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор департамента
заместитель истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва,
главного редактора Россия
- Андреев И. Л.** кандидат исторических наук, доцент, профессор департамента
истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва,
Россия
- Брэдли Дж.** доктор философии по истории (PhD), заслуженный профессор
Университета Талса, Александрия, Вирджиния, США
- Васильев Д. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор департамента
истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва,
Россия
- Вишняков Я. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
всемирной и отечественной истории МГИМО, Москва,
Россия
- Гагкуев Р. Г.** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН, Москва, Россия
- Гайда Ф. А.** доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории
России XIX – начала XX века МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия
- Демин В. А.** доктор исторических наук, доцент, профессор департамента
истории МГПУ, Москва, Россия
- Жангуттин Б. О.** доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой
истории Казахстана им. академика Т. С. Садыкова КазНПУ
им. Абая, Алматы, Казахстан
- Иванов А. А.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
новейшей истории России Института истории СПбГУ,
Санкт-Петербург, Россия
- Козловская Г. Е.** доктор исторических наук, профессор, директор
Самарского филиала МГПУ, Самара, Россия
- Копелев Д. Н.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
истории Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург,
Россия

- Малышева О. Г.* доктор исторических наук, профессор, профессор департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
- Матвеев Г. Ф.* доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- Михайловский Ф. А.* доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семёнова МПГУ, Москва, Россия
- Николаев А. Б.* доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
- Орлов С. В.* кандидат экономических наук, доцент, заместитель председателя Московской городской думы, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- Пазин Р. В.* кандидат исторических наук, главный редактор научно-методического журнала «Преподавание истории в школе», Москва, Россия
- Рокки Э. К.* магистр исторических наук (PhD), Канада, Торонто
- Ртищева Г. А.* кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
- Селезнев Ф. А.* доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
- Сорокин А. А.* кандидат педагогических наук, доцент, начальник департамента методики преподавания социальных и гуманитарных наук Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
- Токарева Е. А.* кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе и качеству образования Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
- Черникова Т. В.* доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО, Москва, Россия

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

- Емельянова А. А.* Типология побегов крепостных в России начала XIX в. по материалам объявлений в «Московских ведомостях»..... 6
- Орчакова Л. Г., Савитский Г. А.* Владимир Григорьевич Чертков в жизни и творчестве Льва Николаевича Толстого 20
- Иванов А. А., Пыстина П. А.* А. И. Гучков и «Союз 17 октября» в оценках С. И. Смирновой-Сазоновой: по материалам неопубликованного дневника писательницы (1905–1907)..... 35
- Пленкин О. И.* Губернские съезды и конференции владимирской организации Конституционно-демократической партии (1905–1918) 55
- Кармов Т. М.* Озокеритовая монополия в Российской империи..... 72

Новейшая история России

- Кискидосова Т. А.* Борьба с инфекционными заболеваниями в Хакасии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)..... 82

Всеобщая история

- Шеркова Т. А.* Формирование пантеона в додинастическом и раннединастическом Египте 96
- Гусарова С. В.* Отношения патриарха Николая I Мистика с союзниками из клерикальной среды в период раскола Константинопольского патриархата на почве четвертого брака императора Льва VI..... 118
- Павлов К. В.* Франческо Гвиччардини — приближенный Льва X (1516–1521) 129

Критика. Рецензии. Библиография

- Щеголихина С. Н.* Рецензия на учебное пособие: Нечипорук Д. М., Макурин А. И. Источниковедение истории США и американо-российских связей: учебное пособие. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2025. 108 с..... 148

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Исторические науки»,

2026, № 1 (61)..... 154

Требования к оформлению статей..... 157

C O N T E N T S

History of Russia: from Ancient Times to 1917

- Emelyanova A. A.* Typology of serf escapes in early 19th-century Russia based on advertisements in “Moskovskie vedomosti” 6
- Orchakova L. G., Savitsky G. A.* Vladimir Grigorievich Chertkov in the life and work of Leo Nikolaevich Tolstoy..... 20
- Ivanov A. A., Pystina P. A.* A. I. Guchkov and “the union of October 17” in the assessments of S. I. Smirnova-Sazonova: based on the writer’s unpublished diary (1905–1907) 35
- Plenkin O. I.* Provincial congresses and conferences of the Vladimir organization of the Constitutional Democratic Party (1905–1918)..... 55
- Karmov T. M.* Ozokerite monopoly in the Russian Empire..... 72

Modern History of Russia

- Kiskidosova T. A.* Control of infectious diseases in Khakassia during the Great Patriotic War (1941–1945) 82

General History

- Sherkova T. A.* The formation of the pantheon in predynastic and early dynastic Egypt 96
- Gusarova S. V.* The relations of Patriarch Nicholas I Mystic with his clerical allies during the schism of the Patriarchate of Constantinople on basis of the fourth marriage of Emperor Leo VI 118
- Pavlov K. V.* Francesco Guicciardini — a close executor of Leo X (1516–1521)..... 129

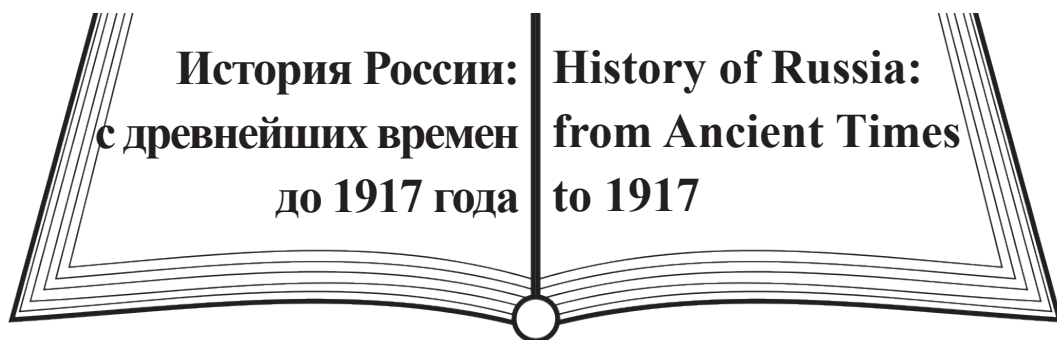
Criticism. Reviews. Bibliography

- Shchegolikhina S. N.* Review of the study guide: Nechiporuk D. M., Makurin A. I. Source studies of the history of the USA and US-Russian relations: a study guide. Tyumen: Tyumen State University Press, 2025. 108 p..... 148

Authors of the MCU Journal of Historical Studies,

2026, № 1 (61)..... 154

Requirements for the Style of Articles..... 157

Научная статья

УДК 94(470) «1804/1806»

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-6-19

Емельянова Александра Андреевна

кандидат исторических наук

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

platonovac@mgrpu.ru; ORCID: 0000-0003-4673-5558

**ТИПОЛОГИЯ ПОБЕГОВ КРЕПОСТНЫХ В РОССИИ
НАЧАЛА XIX в. ПО МАТЕРИАЛАМ ОБЪЯВЛЕНИЙ
В «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЯХ»**

Аннотация. Тема бегства помещичьих крестьян в России имеет обширную историографию, но сам акт побега как феномен истории повседневности практически не привлекал внимания исследователей. В XVIII – первой половине XIX в. существовала практика публикации объявлений о побегах крепостных в газетах. В статье предпринята попытка разработать типологию обстоятельств побегов крепостных по материалам объявлений, размещенных в «Московских ведомостях» (раздел «Известия») в течение трех лет, с 1804 по 1806 г. Несмотря на то что в газете отражался незначительный процент всех реально происходивших в стране крестьянских побегов, объявления раскрывают географическое местоположение и обстоятельства бегства крепостных от своих владельцев.

Ключевые слова: крепостные крестьяне, дворовые люди, побеги, «Московские ведомости», газетные объявления.

Для цитирования: Емельянова А. А. Типология побегов крепостных в России начала XIX в. по материалам объявлений в «Московских ведомостях» // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 1 (61). С. 6–19. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-6-19>

Original article

UDC 94(470) «1804/1806»

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-6-19

Emelyanova Alexandra A.

Candidate of Historical Sciences

Moscow City University

Moscow, Russia

platonovaE@mgpu.ru; ORCID: 0000-0003-4673-5558

**TPOLOGY OF SERF ESCAPES
IN EARLY 19th-CENTURY RUSSIA BASED
ON ADVERTISEMENTS IN “MOSKOVSKIE VEDOMOSTI”**

Abstract. The flight of landowner peasants in Russia has an extensive historiography, but the act of escape itself, as a phenomenon of everyday history, has hardly attracted the attention of researchers. In the 18th and first half of the 19th centuries, there was a practice of publishing advertisements about serf escapes in newspapers. The article attempts to develop a typology of the circumstances of serf escapes based on the materials of advertisements posted in the “Moskovskie Vedomosti” (“Izvestia” section) for three years from 1804 to 1806. Despite the fact that the newspaper reflected a small percentage of all peasant escapes that actually took place in the country, the ads reveal the geographical location and circumstances of the serfs’ escape from their owners.

Keywords: serfs, household servants, escapes, «Moskovskie Vedomosti», newspaper ads.

For citation: Emelyanova A. A. Typology of serf escapes in early 19th-century Russia based on advertisements in “Moskovskie vedomosti”// MCU Journal of Historical Studies. 2026. № 1 (61). P. 6–19. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-6-19>

Введение. Бегство крепостных людей от владельцев наблюдалось весь период существования крепостного права в России. Сыграв заметную роль в таких ключевых процессах, как хозяйственное освоение новых территорий и формирование рынка рабочей силы, побег крепостных многократно и в различных ракурсах рассматривались в исторической науке.

Еще в дореволюционный период начинает складываться традиция изучения роли беглых в экономической жизни страны и географической мобильности населения XVII–XIX вв. (работы Н. Г. Серповского¹, Н. Н. Фирсова², М. В. Ключкова³ и др.). Тогда же появляется интерес к побегам частновладельческих крестьян

¹ Серповский Н. Г. Переселения в России в древнее и новое время и их значение в хозяйстве страны. Ярославль, 1885.

² Фирсов Н. Н. Политическое и финансовое значение колонизационной деятельности Ивана Ивановича Неплюева. Казань, 1894.

³ Ключков М. В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Переписи дворов и населения: Т. 1. СПб., 1911.

как к социальному и социально-психологическому феномену. В 1890 г. вышла не потерявшая своего научного значения работа В. И. Снежневского «К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII и в XIX столетиях»⁴. В исследовании, написанном на судебном материале Среднего Поволжья, автор определяет причины, заставлявшие крепостных уходить от помещиков, и характеризует судьбы людей в бегах.

В советское время бегство крепостных рассматривалось как одна из форм социального протеста в феодальной России. Приоритетное внимание уделялось роли беглых крестьян в становлении рынка рабочей силы, зарождении капиталистических отношений, освоении Урала и Сибири (А. А. Новосельский⁵, И. А. Булыгин⁶, А. А. Преображенский⁷ и др.). В 1983 г. вышла фундаментальная монография Н. В. Козловой⁸, ставшая самым крупным специальным исследованием бегства крепостных крестьян в советской историографии. Н. В. Козлова изучала данное явление в эпоху Петра I и его ближайших преемников, работая главным образом с судебными материалами. Побег исследовался с точки зрения классовой борьбы и формирования капиталистического рынка. Касаясь обстоятельств ухода крестьян от помещиков, Н. В. Козлова отмечала выбор крепостными благоприятного времени для побега, предварительную разведку будущего места поселения, сговор участников побега, организацию отдельными крестьянами побегов их односельчан, подготовку подложных паспортов⁹.

В российской историографии начала XXI в. побег крепостных начали рассматривать с позиций исторической антропологии и микроистории. Основными источниками по-прежнему выступают судебные материалы, прежде всего протоколы допросов пойманных беглецов. К теме крестьянских побегов обращалась О. Е. Кошелева — один из ведущих современных специалистов в области исторической антропологии России XVIII в. В статьях, написанных на основе расспросных речей беглых первой половины XVIII в., О. Е. Кошелева стремится проследить цели и стратегии обмана арестантами чиновников, проводивших допрос, и через ряды фрагментов жизни беглецов определить в целом стратегии выживания людей в бегах¹⁰. Исследователь отмечает,

⁴ *Снежневский В. И.* К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII и в XIX столетиях // Нижегородский сборник. Т. 10 / изд. Нижегородским губернским Стат. ком. под ред. действ. чл. и секретаря комитета А. С. Гациского. Нижний Новгород, 1890. С. 517–595.

⁵ *Новосельский А. А.* Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй пол. XVII в. // Труды института РАНИОН. Вып. 1. М., 1926. С. 327–354.

⁶ *Булыгин И. А.* Положение крестьян и товарное производство в России: Вторая половина XVIII в.: (По материалам Пенз. губ.). М., 1966.

⁷ *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972.

⁸ *Козлова Н. В.* Побег крестьян в России в первой трети XVII в. (из истории социально-экономической жизни страны). М., 1983.

⁹ Там же. С. 65.

¹⁰ *Кошелева О. Е.* Беглые крестьяне в документах провинциальных учреждений России первой половины XVIII в. // Study Group on Eighteenth-Century Russia. <https://www.sgcr.co.uk/>

что обстоятельства побега раскрываются в расспросных речах в редких случаях¹¹, обращает внимание на то, что «многие крестьяне уходили от помещика легально — с выписанным на время отходничества паспортом, но затем его срок годности истекал, и они становились беглыми»¹².

В последние годы появляются исследования, освещающие судьбы беглых крепостных женщин XVIII в. (диссертации А. О. Видничук¹³, Э. В. Ченчиковой¹⁴).

Продолжается изучение роли беглецов в социально-экономической истории России. Работающий в Канаде историк А. В. Горностаев защитил докторскую диссертацию (2020), в которой провел комплексный анализ бегства русских крестьян в XVII–XVIII вв.¹⁵ В центре внимания автора — социальная и географическая мобильность бежавших.

Можно заметить, что фокус внимания исследователей при обращении к теме крестьянских побегов и в советской, и в современной российской историографии сосредоточен на побегах крестьян-земледельцев; побег дворовых людей исследованы весьма слабо. В хронологическом отношении наиболее изученным периодом является XVII – середина XVIII в.; побег крепостных в XIX в. — в поздний период существования крепостного права в России — явно находятся на периферии внимания исследователей.

Несмотря на богатую историографию темы бегства крепостного крестьянства, *сам акт побега*, т. е. акт ухода зависимого человека от помещика *как феномен истории повседневности*, практически не изучался. В современной историографии, при явном интересе к жизненным траекториям человека в бегах, не предпринималось попыток типологизировать обстоятельства побегов крепостных от владельцев.

Изучение историко-бытовых реалий, связанных с побегами крепостных, ведется на судебном материале, в первую очередь на допросах беглых крестьян, что, безусловно, в ряде случаев оправдано. Но колоссальный объем этого массового источника заставляет выбирать достаточно узкие географические рамки исследования.

---

newsletter/newsletter2015/kosheleva.html (дата обращения: 31.01.2026); *Ее же*. Стратегии обмана в допросах беглых крестьян // Стратегии обмана в обществах Средних веков и Нового времени: сб. статей. М., 2017. С. 202–225.

¹¹ Кошелева О. Е. Беглые крестьяне в документах провинциальных учреждений России... <https://www.sgccr.co.uk/newsletter/newsletter2015/kosheleva.html> (дата обращения: 31.01.2026).

¹² Кошелева О. Е. Стратегии обмана в допросах беглых крестьян. С. 206.

¹³ Видничук А. О. Женская преступность в послепетровской России: дис. ... канд. ист. наук. М., 2023.

¹⁴ Ченчикова Э. В. Беглые крестьянки в XVIII в. (по материалам судебных дел Суздальской, Шацкой и Короченской провинциальных канцелярий): магистер. дис. М., 2024.

¹⁵ Gornostaev A. Peasants “on the run”: state control, fugitives, social and geographic mobility in imperial Russia, 1649–1796: PhD dissertation. Georgetown University, 2020.

Ход и результаты исследования. В XVIII – первой половине XIX в. существовала практика публикации объявлений о побегах крепостных людей в газетах, в том числе в «Московских ведомостях». До настоящего времени газетные объявления почти не привлекались как источник о побегах крестьян и дворовых людей. Сообщения о беглых составлялись самими помещиками или служащими помещичьей конторы, если бежавший человек принадлежал богатому вотчиннику. Тексты строились по близкой схеме, обычно включали следующие пункты: имя вотчинника; дата побега; имя бежавшего человека; возраст и приметы бежавшего; некоторые обстоятельства побега; сообщение о том, что явочное прошение о побеге подано в государственные органы; требование при обнаружении задержать беглого и сдать властям для пересылки законному владельцу; указание места (городской или сельской усадьбы), в которое должен быть возвращен беглец. Впрочем, объявления были вариативными текстами, писавшимися в свободной форме: могли дополнительно содержать описание костюма беглеца; мастерства, которым он владеет; включать обещание вознаграждения за помощь в возвращении крепостных людей и т. д. Если побег сопровождался кражей хозяйских вещей или денег («сносом»), это также указывалось в объявлении.

В начале XIX в. периодичность издания «Московских ведомостей» составляла два номера в неделю, в год выходило 104 или 105 номеров. Частные объявления, в том числе объявления о побегах крепостных людей, за редким исключением, публиковались в разделе «Известия».

В «Московских ведомостях» количественно преобладают объявления о побегах крепостных из Москвы и Московской губернии, что кроме очевидной причины географического размещения газеты, на наш взгляд, связано с колоссальной концентрацией представителей «крепостного сословия» в Первопрестольной столице. Накануне войны 1812 г. дворовые люди составляли 32,5 %, помещичьи крестьяне — около 15 %, в целом крепостными являлись около 47,5 % населения Москвы¹⁶.

Однако география объявлений о побегах в «Московских ведомостях» охватывала всю Европейскую Россию. Например, в 1806 г. на страницах «Московских ведомостей» появлялись объявления о крепостных людях, бежавших в Санкт-Петербурге, Смоленске, Симбирске, Кременчуге, Тирасполе, из уездных городов и деревень Смоленской, Калужской, Орловской, Вологодской, Воронежской, Ярославской, Рязанской и других губерний.

Автором были собраны объявления о побегах, опубликованные в 1804–1806 гг. Выявлено 146 объявлений о розыске беглых крепостных, из них 109 объявлений об индивидуальных побегах и 37 объявлений о групповых побегах, в которых участвовали два и более человек. В общей сложности в объявлениях за три года содержалась информация о побегах 219 людей.

¹⁶ Сьтин П. В. История планировки и застройки Москвы: материалы и исследования. Т. 3. М., 1972. С. 34.

Необходимо подчеркнуть, что в «Московских ведомостях» находила отражение весьма незначительная доля побегов крепостных людей. Для сравнения: по подсчетам В. И. Снежневского, работавшего с явочными прошениями помещиков о побегах, за три года, с 1804 по 1806 г., только на территории одного Арзамасского уезда сбежал 141 крепостной¹⁷. Таким образом, в популярной столичной газете мы находим информацию о количестве побегов, которое будет меньше, чем могли дать два уезда в Поволжье за тот же период.

Объявления о побегах в «Московских ведомостях» не являются случайной выборкой, так как не все побегии крепостных имели равные шансы попасть в газету. Объявления подавались о побегах людей, в возвращении которых помещики были особенно заинтересованы, поэтому любые количественные данные, полученные на основе анализа объявлений, могут иметь серьезные искажения по сравнению с генеральной совокупностью, т. е. всеми случаями побегов крепостных за рассматриваемый период. Весьма ярко особенности количественных данных, полученных на основе газетных объявлений, проявляются в соотношении дворовых и крестьян среди беглых. По оценке В. И. Снежневского, дворовые составляли не более 5 % всех крепостных¹⁸. В газетных объявлениях 1804–1806 гг. побегии дворовых людей абсолютно преобладают над побегами крестьян (70/30 %): среди совершивших индивидуальный побег доля дворовых достигает 82 %. Определенное влияние здесь оказал высокий процент объявлений о беглых дворовых из Москвы, но главное, что обеспечило преобладание дворовых в объявлениях о побегах, — это причины, побуждавшие вотчинников обращаться в газету. Публикуя объявления, они стремились поймать слуг, похитивших деньги и вещи из хозяйского дома; вернуть людей, на обучение которых были потрачены деньги; людей, приносящих хороший оброк; лично знакомых крепостных. Как правило, такими крепостными оказывались дворовые люди, а не пашенные крестьяне. Разумеется, доля бежавших «со сносом», доля похитивших помещичью печать, документы и т. д. должна быть значительно выше в объявлениях, чем имела место среди всех случаев бегства крепостных. Было бы грубой ошибкой экстраполировать любые количественные данные, полученные на основе объявлений в «Московских ведомостях», на все случаи бегства крестьян и дворовых в России, тем не менее они представляют интерес в качестве сравнительного материала.

При этом объявления о побегах являются ценным историческим источником. В частности, они позволяют выявить возможные обстоятельства бегства крепостных от своих владельцев в начале XIX в. Преобладание объявлений о бегстве дворовых в данном случае может являться преимуществом. Во-первых, бегство дворовых людей является проблемой слабоизученной. Во-вторых, виды деятельности дворовых людей (домашние слуги, ремесленники, ученики ремесленников, барские поверенные) были разнообразнее, чем у крестьян-

¹⁷ Снежневский В. И. Указ. соч. С. 584.

¹⁸ Там же. С. 585.

землепашцев; следовательно, и спектр ситуаций, при которых мог быть совершен побег, теоретически должен быть шире. Отсюда — источник с преобладанием сообщений о побегах дворовых над побегами крестьян, должен давать более широкий спектр обстоятельств побегов крепостных в целом.

Задача автора в данной статье типологизировать обстоятельства побегов крепостных в объявлениях, выходявших в «Московских ведомостях» в 1804–1806 гг.

Побеги крепостных можно разделить на индивидуальные и групповые.

За период 1804–1806 гг. выявлены объявления об индивидуальных побегах 109 человек: 104 мужчин и 5 женщин. Вотчинники не были заинтересованы в возвращении «женок» и «девок», в той же степени как и в возвращении мужских ревизских душ, что определило редкость объявлений о женских побегах. Характерно, что из пяти случаев индивидуальных побегов женщин четыре случая сопровождалось кражей господских денег или ценных вещей. Доля объявлений об индивидуальных побегах «со сносом» у мужчин составляет около 16 % (17 случаев из 104), а у женщин — 80 %.

Путем групповых побегов от помещиков ушли 110 человек. Среднее количество участвующих в групповом побеге — 2,9 человека. Бежавшие в группе могли состоять в близком родстве (братья, мать с детьми, отец с сыном и т. д.), но могли и не являться родственниками или их родство было дальним. Зафиксировано девять случаев побегов, в которых бежали вместе муж и жена (ок. 6 % от всего количества побегов). Женщины приняли участие в 15 групповых побегах (ок. 40 % групповых побегов). Интересно, что в восьми случаях из 15 женщины бежали с детьми. Всего же в выборку попало 10 случаев побегов с малолетними. Точный возраст детей от года до 14–15 лет приводится в объявлениях относительно редко. Однако, если крепостные бежали с младенцем, это обстоятельство, как правило, указывается. Младенец на руках являлся дополнительной приметой, позволяющей идентифицировать беглецов. «Сносом» сопровождалось девять случаев групповых побегов (24 %).

Примерно в половине объявлений обстоятельства побега указаны следующим образом: «из дома\сельца\вотчины... бежал крепостной...». За этой предельно лаконичной формулировкой могут скрываться как непосредственно самовольные уходы (отлучки) людей из господского дома или деревни, так и более сложные обстоятельства побега, которые податель объявления не нашел нужным раскрывать. Вот характерный пример такого текста: «Сего 1806 года июля 24-го в Кремичуге из дома состоящего там отставного майора Ивана Иванова Дессениера бежал крепостной его человек Иван Савельев Девятченко... При побеге снес 200 р., о чем и о побеге его явочное прошение в Кременчугский Земский Суд подано...»¹⁹

Иногда в объявлении уточняется, что побег был совершен в ночное время, «в ночи». Например, в ночь с 26 на 27 ноября 1806 г. из дома своего барина

¹⁹ Московские ведомости. 1806. № 74. С. 1409.

П. Г. Левицкого бежали крепостные люди — девка Аграфена Абрамова и 21-летний мужской портной Антип Иванов. Аграфена ушла в крытой темно-зеленым атласом, «опушенной собольками» на заячьем меху шубе, принадлежавшей жене хозяина. Оба беглеца «снесли разное платье и белье», кроме того, похитили ассигнациями 850 р. и две табакерки — серебряную с вензелем императора Павла I на крышке и украшенную розовым жемчугом черепаховую табакерку с дамским портретом²⁰.

В объявлениях за 1804–1806 гг. «сносом», т. е. похищением имущества барина, сопровождается примерно 35 % индивидуальных и около 33 % групповых побегов. Кроме денег беглые брали господскую одежду, белье, столовое серебро, небольшие дорогостоящие предметы (табакерки, карманные часы), а также лошадей, сани, телеги.

В объявлениях мы находим упоминания о таком явлении, как «сманивание» людей ранее бежавшими крепостными данного помещика. Например, в августе 1805 г. из сельца Анкино в Симбирской губернии, принадлежащего Н. А. Шувалову, бежал крестьянин Ефим Иванов 30 лет; известно, что он «плотничает и делает деревянную посуду изрядно». Ефим был «сманен» 60-летним беглым крестьянином Иваном Федоровым, который «крив» и «ходит сгорбившись». Сам Федоров находился в бегах с 1794 г., т. е. уже около девяти лет, что не мешало ему тайно появиться, и, возможно, неоднократно, в сельце Анкино. В газете сообщается, что Федоров «увез с собой сына своего родного, уroda, небольшого роста», сын «от болезни корпусом скрючен, руки и ноги кривые, пальцы к ладоням пригнуты». Из объявления неясно, увез ли Федоров сына-инвалида в 1805 г. или в предыдущие годы. Помещик обвинял Федорова и сманенного им Иванова в краже «разного имущества и денег на 3000 р.»²¹

Другой тип побегов — невозвращение крепостных дворовых людей и крестьян, отпущенных баринном на оброк. Из 109 объявлений об индивидуальных побегах примерно треть объявлений сообщает о том, что крепостной служитель был отпущен вотчинником для заработка с официальным документом (плакатным или домовым паспортом, письменным видом, покормежным письмом) на разные сроки, чаще всего на 11 месяцев, по истечении этого времени человек не вернулся «и где пребывает неизвестно». Для 21 беглеца из этой категории указано мастерство. Самым распространенным промыслом (у пяти крепостных с просроченными документами) оказалось профессиональное приготовление пищи (кухмистер, повар, кондитер). У троих беглых были навыки, связанные с уходом за телом и внешностью: 20-летний «искусный подлекарь», дворовой, знавший парикмахерское искусство, и человек, владевший «фершалным мастерством». Среди крепостных с просроченными паспортами также оказались кузнец, каретник, резчик, медник, печник, он же штукатур, токарь, золотарь, обойщик, столяр, слесарь, портной, живописец и музыкант (валторнист).

²⁰ Московские ведомости. 1806. № 101. С. 1969.

²¹ Там же. 1805. № 76. С. 274.

Приведем типичный пример объявления о пропаже оброчного человека: «Прошлого 1805 года июля 28-го дня был отпущен дворовой человек, повар, Степан Исаев с данным пашпартом на 11 месяцев; но как он в срок не явился, почему и благоволено б было его нигде не держать и почитать за беглого. Приметами он: росту 2 арш[ина] 4 вершк[а], лицом смугл, нос прям, волосы темно-русые, 24 лет; а доставить его Пресненской ч[асти] в дом г-жи девицы Аграфены Петровны Озеровой»²².

Чуть менее четверти случаев побегов из объявлений не относятся к двум вышеописанным типам. Это относительно редкие в объявлениях обстоятельства побегов, которые также можно постараться типологизировать.

Около 4,5 % всех побегов в объявлениях 1804–1806 гг. совершили крепостные поверенные. Мы относили к данной категории беглецов, про которых известно о наличии у них официальных доверенностей от барина. Эти крепостные люди занимались «хождением по делам» господина в присутственные места, получали деньги по долговым обязательствам, совершали торговые сделки и иные финансовые операции по поручению и от имени помещика. Они должны были хорошо читать, писать и разбираться в делопроизводстве.

Побеги поверенных крепостных людей могли сопровождаться похищением различных документов, в том числе чужих паспортов, заемных писем, даже печати с гербом помещика. Так, в 1806 г. из села Чулково (Рязанской губернии) бежали дворовые люди полковника М. Д. Лихарева. В их числе — крепостной Михайла Гуляев 32 лет от роду, с трехлетним сыном Иваном. При побеге Гуляев похитил «печать стальную герба господ Лихаревых», «разные данные ему доверенности, квитанции, крепость и посторонних людей пашпорты». Кроме того, бывший поверенный снес «господских денег ассигнациями 1500 р.», две табакерки на общую сумму 750 р. и множество «платья господского ему данного»²³.

Доверенные лица помещиков из числа крепостных отправлялись с поручениями в другие города и не возвращались. Например, в 1806 г. львовский помещик М. П. Бахтин послал своего дворового Семена Срывкова «для продажи господского хлеба» в город Севск. Человек «оттоль» бежал «и снес с собой господских денег 5000 р.», а также волчью шубу, сюртуки и другую одежду, данную ему барином²⁴.

В отдельную группу можно объединить побеги крепостных поверенных, проживавших для нужд господина в столичном городе Санкт-Петербурге. В объявлении от 15 июля 1805 г. бежавший из столицы крепостной прямо назван поверенным. Данное объявление показывает, как помещик мог получить информацию о побеге своего доверенного человека: «Курской губернии, Путивльского уезда, от дворянина, подполковника Кирилы Леонтьева сына

²² Московские ведомости. 1806. № 81. С. 1556–1557.

²³ Там же. № 86. С. 1660.

²⁴ Там же. № 30. С. 657.

Черепова, объявляется, что от 8 числа сего месяца статский советник Гаврила Григорьевич Григорьев из Санкт-Петербурга письмом уведомил его г. Черепова, что находившийся в оном городе в доме его крепостной его, г. Черепова, человек, поверенной Гаврила Иванов сын Слипухов, 1 числа сего ж месяца бежал, и где находится неизвестно». «Слипухов, имел порученных от» помещика «на разные покупки денег государственными ассигнациями 4000 р.», которые пропали вместе с человеком²⁵.

Проиллюстрируем побег крепостных поверенных из Санкт-Петербурга начала XIX в. еще несколькими примерами. В июне 1806 г. отставной второго ранга капитан флота П. М. Нестеров объявлял, что в Санкт-Петербурге «находился для надобностей его крепостной служитель», 44-летний Николай Федоров с женой и малолетним сыном. Федорову была в 1802 г. дана «полная доверенность в хождении за делами и прочем, и имелись у него собственные его г. Нестерова деньги... всего 10000 р. и заемное письмо в 2000 р.». «По замечанию дурных поступков» Федорова, барин послал в столицу двух других служителей, которые должны были сменить Федорова и принять у него деньги и заемное письмо. Новые поверенные по приезду в столицу обнаружили, что Федоров скрылся вместе с семьей и барскими деньгами, и «где ныне они находятся, неизвестно»²⁶.

В феврале 1805 г. опекуны малолетних детей майора П. А. Зубкова разыскивали ярославского крестьянина Егора Виденикова, проживавшего в Санкт-Петербурге на Сенной улице. Срок его «пашпорту минул», а за новым он не явился. Крепостной Видеников имел поручения от покойного помещика Зубкова на взыскание долгов «на немалую сумму», а затем уже опекуны давали Виденикову «препоручения, к собственности малолетних принадлежащие». Отчета по «препоручениям» крепостной человек не дал и скрылся²⁷.

В конце 1802 г. дочь статского советника, девица А. Ф. Булыгина из Нижегородской губернии отправила в Санкт-Петербург своего крепостного человека, «крестьянина» Афанасия Калинина «с полной доверенностью для хождения за ея делом, производящимся... во Временном Межевом Департаменте, о землях». Калинин имел при себе документы, необходимые для доказательства «правости» своей помещицы, но через какое-то время «хождение» в казенное учреждение прекратил, «самовольно из Санкт-Петербурга отлучился» и скрылся. Явочное прошение о его побеге было подано в январе 1804 г.²⁸

Еще одна категория беглых — люди, бежавшие не из дома своего вотчинника, но ушедшие от лиц (купцов, мещан, ремесленников), у которых жили и работали по воле господина, в том числе по так называемым «верющим письмам» от барина. Смысл «верющего письма» заключался в том, что помещик,

²⁵ Московские ведомости. 1805. № 56. С. 222.

²⁶ Там же. 1806. № 45. С. 929–930.

²⁷ Там же. 1805. № 12. С. 50.

²⁸ Там же. 1804. № 10. С. 52.

отдавая своего крепостного якобы для продажи третьему лицу, предоставлял ему право, пока тот не продаст крепостного, использовать его в своих целях. Таким образом маскировалась аренда людей и эксплуатация их труда представителями сословий, по закону не имевшими права владеть крепостными. Как отмечал В. И. Снежневский, «положение этих арендованных людей было часто худшее, чем в дворне помещика, и дел о побегах их от разночинцев встречается сравнительно очень много»²⁹. Приведем пример объявления о побеге данного типа. В 1805 г. один московский купец, объявлял, «что находящийся у него по верующему письму от коллежского секретаря Ивана Анисимова дворовой человек, дворник, Иван Никитин, сего августа 7го числа бежал... Приметами он: росту малого, лицом рябоват, левый глаз крив: на нем кафтан серой, шляпа пуховая старая, волосы на голове русые, борода выбивается, от роду ему 25 лет»³⁰.

Весьма близки по условиям совершения побега крепостные, находящиеся в обучении и жившие у мастера. Например, в 1804 г. коллежский ассессор Н. А. Богданов сообщал, что его 18-летний дворовой человек Прохор Андреев «отдан был в Москве в портные» и, «не дожив у хозяина 9 месяцев, бежал»³¹.

Следующий тип побегов можно назвать «бегством в дороге». Крепостные индивидуально или группой отправляются по воле барина в путь и на каком-то этапе исчезают. Причины, по которым крепостные оказались в дороге, были разнообразными.

В сентябре 1804 г. крестьянин Василий Игнатов был отпущен бурмистром для свидания с родными на 15 дней. Он должен был отправиться из Московской губернии в Орловскую. По всей видимости, до орловских родственников крестьянин не дошел, иначе об этом как об информации, позволяющей локализовать район поисков, упоминалось бы в объявлении. Сообщение о побеге было опубликовано спустя более года после исчезновения крестьянина, только в январе 1806 г.³² В августе 1805 г. помещица А. П. Ковалева из Калужской губернии отпустила от себя, «жившую для обучения детей» иностранку в Москву. С иностранкой «для прислуг ея в пути» отправлены были «девка и 2 человека с повозку». В Москве один из этих людей, 21-летний Афанасий, «отстал» и домой к помещице не вернулся³³. В июле 1805 г. из Германии в Россию возвращалась жена действительного статского советника Тибякина. «По приезде ея... Волынской губернии... бежали от нея 2 человека» из «великороссийских дворовых людей»: повар Василий Петров и кучер Иван Никитин сын Исаев³⁴.

Среди побегов с дороги, вероятно, самым массовыми были побеги при переселении крестьян из одного имения в другое. Происходившее по приказу барина (в том числе нового) переселение могло быть удобным моментом

²⁹ Снежневский В. И. Указ. соч. С. 551.

³⁰ Московские ведомости. 1805. № 67. С. 254.

³¹ Там же. 1804. № 19. С. 98–99.

³² Там же. 1806. № 3. С. 50.

³³ Там же. 1805. № 82. С. 294.

³⁴ Там же. № 96. С. 312.

для осуществления созревшего замысла побега. Но, вероятно, чаще само принудительное переселение являлось главной причиной побега. Характерный пример группового побега крестьян при переселении мы находим в объявлении в июне 1805 г. 20 душ мужского и 20 душ женского пола крепостных крестьян проживали в деревне Нефедовой Медынского уезда Калужской губернии. За короткий период времени они несколько раз меняли господ: владельческие права на этих людей переходили из рук в руки, пока наконец в 1803 г. по купчей не перешли к помещику К. А. Пирамидову. Новый хозяин стал переселять приобретенных крестьян в свою калужскую деревню, «но некоторые с прежнего еще жилища, а другие при переводе, оставя свои семейства, жен, малых детей и стариков увечных... разбежались». Крестьяне бежали в разные месяцы — с августа 1803 по апрель 1804 г. Уходили родственники, группами в 2–3 человека: в августе бежала вдова 47 лет с взрослым сыном и дочерью 15 лет, в сентябре — пожилой плотник с 15-летним внуком, в апреле следующего года — 31-летний крестьянин с 23-летним племянником и т. д. Всего в объявлении сообщается о побеге 10 мужчин и двух женщин. Особо отмечалось, что «Пирамидов потерпел чувствительный убыток» от покупки «таковых дурных людей», которые через побег «потеряв свое имущество, и сами себя и свои семейства расстроили», а ему создают постоянные «убытки в посылках за сыском их, в прокормлении... оставших[ся] старых и малых», в уплате за всех казенных податей³⁵.

Крепостные могли сбежать, выполняя курьерские поручения своих помещиков, в таком случае этот побег нередко мог сопровождаться «сносом». В конце апреля 1806 г. майор Н. А. Позняков послал крепостного человека Данилу Куприянова отнести из сельца Раткина Зарайского уезда в сельцо Элино Коломенского уезда письмо со вложенными в него 50 рублями. В начале мая вышло объявление о побеге крепостного³⁶. Другой пример: в марте 1806 г. титулярный советник П. Токарев из Санкт-Петербурга объявлял, что больше месяца назад «послан был от него мальчик, 13 лет, для покупки на Гостинный двор... и до сих пор не явился»³⁷. В том же 1806 г. девица Е. А. Чемоданова сообщала, что «дворовой ея человек, Наркиз Семенов... послан был в Московский Почтамт, для принятия присланных на имя ея из Арзамаса ста р., которые он получа, к госпоже своей не явился»³⁸.

Заключение. Стремясь типологизировать обстоятельства побегов крепостных в России начала XIX в., мы вынуждены следовать за источником. В газетных объявлениях, как правило, указывается место, откуда крепостной человек совершил побег. Отсюда — в основе нашей типологии — место

³⁵ Московские ведомости. 1805. № 49. С. 200.

³⁶ Там же. 1806. № 36. С. 781.

³⁷ Там же. № 18. С. 385.

³⁸ Там же. № 32. С. 690.

совершения побега. Газетные объявления позволяют говорить о следующих повторяющихся обстоятельствах побегов:

- ✓ уход из вотчины или городского дома помещика, в том числе в ночное время;
- ✓ невозвращение отправившегося на заработки оброчного человека;
- ✓ бегство от купцов и ремесленников, у которых жили по «верующему письму» от барина;
- ✓ бегство от мастеров-ремесленников, у которых находились в обучении;
- ✓ бегство крепостных поверенных, отправленных баринем с поручением (в отдельную группу можно выделить побег крепостных служителей, выполнявших роль поверенных провинциальных помещиков в Санкт-Петербурге);
- ✓ бегство при выполнении курьерских поручений барина;
- ✓ бегство в дороге:
  - при переселении в другое имение;
  - были отпущены для сведения с родственниками;
  - сопровождали господ в путешествии.

Несмотря на то что в газетных объявлениях отражался очень малый процент всех реально происходивших в стране крестьянских побегов, мы имеем спектр жизненных обстоятельств, охватывающий почти все возможные положения крепостного. Как видим, случаи побегов сопровождали буквально любую ситуацию, в которой мог оказаться крепостной человек.

Литература

1. Булыгин И. А. Положение крестьян и товарное производство в России: вторая половина XVIII в. (по материалам Пензенской губ.). М.: Наука, 1966. 212 с.
2. Видничук А. О. Женская преступность в послепетровской России: дис. ... канд. ист. наук. М., 2023. 309 с.
3. Козлова Н. В. Побег крестьян в России в первой трети XVII в. (из истории социально-экономической жизни страны). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 150 с.
4. Кошелева О. Е. Стратегии обмана в допросах беглых крестьян // Стратегии обмана в обществах Средних веков и Нового времени: сб. статей / под ред. О. И. Тогоевой и О. Е. Кошелевой. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 202–225.
5. Клочков М. В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. 1. Переписи дворов и населения (1678–1721). СПб.: Сенат. тип., 1911. 435 с.
6. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М.: Наука, 1972. 392 с.
7. Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы: материалы и исследования. Т. 3. М.: Московский рабочий, 1972. 398 с.
8. Ченчикова Э. В. Беглые крестьянки в XVIII в. (по материалам судных дел Суздальской, Шацкой и Короченской провинциальных канцелярий): магист. дис. М., 2024. 79 с.
9. Gornostaev Andrey. Peasants “on the run”: state control, fugitives, social and geographic mobility in imperial Russia, 1649–1796: PhD dissertation, Georgetown University, 2020. 334 p.

References

1. Bulygin I. A. The situation of peasants and commodity production in Russia: The second half of the 18th century (Based on materials from the Penza province). Moscow: Nauka, 1966. 212 p. (In Russ.).
2. Vidnichuk A. O. Female crime in post-Petrine Russia: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Moscow, 2023. 309 p. (In Russ.).
3. Kozlova N. V. Peasant escapes in Russia in the first third of the 17th century (from the history of the country's socioeconomic life). Moscow: MSU, 1983. 150 p. (In Russ.).
4. Kosheleva O. E. Deception strategies in the interrogations of runaway peasants // Deception strategies in the societies of the Middle Ages and Modern times: Collection of articles. Moscow: IVI RAN, 2017. P. 202 – 225. (In Russ.).
5. Klochkov M. V. The population of Russia under Peter the Great according to the censuses of that time. Vol. 1. Censuses of households and population (1678–1721). St. Petersburg, 1911. 435 p. (In Russ.).
6. Preobrazhensky A. A. The Urals and Western Siberia in the late 16th and early 18th centuries]. Moscow: Nauka, 1972. 392 p. (In Russ.).
7. Sytin P. V. The history of Moscow's planning and development: Materials and research. Vol. 3. Moscow: Moskovskij rabochij, 1972. 398 p. (In Russ.).
8. Chenchikova E. V. Runaway peasant women in the 18th century (Based on court cases from the Suzdal, Shatsk, and Korochen provincial offices]: Master's thesis. Moscow, 2024. 79 p. (In Russ.).
9. Gornostaev Andrey. Peasants “on the run”: state control, fugitives, social and geographic mobility in imperial Russia, 1649–1796: PhD dissertation, Georgetown University, 2020. 334 p.

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-20-34

Орчакова Лариса Геннадьевна

доктор исторических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

orchakovalg@mgpu.ru; ORCID: 0000-0001-9559-9930

Савитский Григорий Алексеевич

студент 2-го курса бакалавриата

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

savitskiiGA250@mgpu.ru; ORCID: 0009-0003-8283-4059

**ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ ЧЕРТКОВ
В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ
ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО**

Аннотация. В. Г. Чертков сыграл особую роль в жизни и творчестве Л. Н. Толстого. Как это произошло, какое место занимали две исторические личности в жизни друг друга, чем обогащали друг друга? Об этом пойдет речь в данной статье. Основанием для рассуждений стала прежде всего переписка Толстого и Черткова, а также воспоминания Черткова, дневники С. А. Толстой, мемуары их ближнего окружения. В выводах отмечается закономерность появления в ближайшем окружении Толстого такой личности, а также значительный вклад Черткова в популяризацию идей Льва Николаевича, создание имиджа великого писателя как глубокого философа.

Ключевые слова: В. Г. Чертков, Л. Н. Толстой, толстовство, общественно-политическая мысль XIX века, русская философия.

Для цитирования: Орчакова Л. Г., Савитский Г. А. Владимир Григорьевич Чертков в жизни и творчестве Льва Николаевича Толстого // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 1 (61). С. 20–34. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-20-34>

Original article

UDC 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-20-34

Orchakova Larisa G.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

orchakovalg@mgpu.ru; ORCID: 0000-0001-9559-9930

Savitsky Grigory A.2nd year undergraduate student

Moscow City University

Moscow, Russia

savitskiiga250@mgpu.ru; ORCID: 0009-0003-8283-4059

**VLADIMIR GRIGORIEVICH CHERTKOV
IN THE LIFE AND WORK
OF LEO NIKOLAEVICH TOLSTOY**

Abstract. V. G. Chertkov played a special role in the life and work of Leo Tolstoy. How did this happen, what place did the two historical figures occupy in each other's lives, and how did they enrich each other? This will be discussed in this article. The basis for the reasoning was, first of all, the correspondence between Tolstoy and Chertkov, as well as Chertkov's memoirs, the diaries of S. A. Tolstoy, and the memoirs of their inner circle. The conclusions note the pattern of such a personality appearing in Tolstoy's inner circle, as well as Chertkov's significant contribution to popularizing Lev Nikolaevich's ideas and creating the image of the great writer as a profound philosopher.

Keywords: V. G. Chertkov, L. N. Tolstoy, Tolstoyism, socio-political thought of the 19th century, Russian philosophy.

For citation: Orchakova L. G., Savitsky G. A. Vladimir Grigorievich Chertkov in the life and work of Leo Nikolaevich Tolstoy // MCU Journal of Historical Studies. 2026. № 1 (61). P. 20–34. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-20-34>

Введение. Лев Николаевич Толстой (1828–1910) — глыба русской культуры, великий русский писатель, создавший свою религиозно-философскую концепцию. Его взгляды, мировоззрение стали идейной основой целого общественно-политического течения — толстовства. Авторитет графа, его влияние на умы прогрессивной общественности настолько были велики, что Св. синод объявляет его лжеучителем и определяет «отпадение» от лона Русской православной церкви¹. Данную реакцию Церкви нужно рассматривать как солидарную с монархией.

¹ Определение Святейшего Синода от 20–22 февраля 1901 года № 557, с посланием верным чадам Православной Греко-российской Церкви о графе Льве Толстом // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующим Синоде. 24 Февраля 1901 года. № 8. С. 45–47.

Таким образом, совершенно обоснованным видится неиссякаемый научный интерес к данной проблематике. На современном этапе толстовцев и философско-религиозные воззрения Л. Н. Толстого стали изучать подробнее, на основе различных методологических подходов. Прежде всего, это философы и литературоведы². Говоря об историках, то можно лишь констатировать увеличение исследовательского интереса к осмыслению самой доктрины³ и к течению последователей писателя — толстовцев⁴. При характеристике мировоззрения выдающегося русского писателя и мыслителя непременно всплывает фамилия его друга, петербургского аристократа Владимира Григорьевича Черткова (1854–1936). В исторической науке до сих пор нет однозначного мнения относительно той роли, которую сыграл В. Г. Чертков в жизни Л. Н. Толстого.

В советский период исследователи творчества Л. Н. Толстого отмечали положительное влияние на него Черткова, ставя ему в заслугу публикации и систематизацию творческого наследия писателя. М. В. Муратов считал Черткова выдающейся личностью, человеком, который помог Толстому завершить духовно-нравственный переворот и сформировал его всемирно известный образ⁵. Л. Я. Гуревич также отмечала положительное влияние, оказанное Чертковым на жизнь и творчество писателя⁶. Однако имелись и иные оценки. Исследователи отмечали моральное давление Черткова на Толстого. М. А. Щеглов подчеркивал: «...нельзя не видеть, что исполнительское “рвение” Черткова, обратившего в догму самые слабые черты толстовского мировоззрения и деятельности, действовало подчас деспотически на Толстого, побуждая последнего к писанию нравоучительных сказочек на заданные темы»⁷.

Современный исследователь П. В. Басинский подчеркивает, что «Толстой не меньше нуждался в Черткове, чем Чертков — в Толстом»⁸. Священник Г. Л. Ореханов, критически относящийся к Черткову, формулирует в своей публикации ряд важнейших дискуссионных вопросов, таких как причины обострения критики

² *Беляева У. П.* Толстовство как религиозно-этический феномен отечественной культуры: теория и практика. Липецк, 2021; *Мелешко Е. Д.* Философия непротивления Л. Н. Толстого: Систематическое учение и духовный опыт: дис. ... д-ра философ. наук. М., 1999; *Сухорукова О. А.* Религиозно-философские взгляды Л. Н. Толстого и секулярная религиозность // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2020. № 3 (35). С. 28–37.

³ *Бунеева Е. Н., Фирсова И. И.* Роль Владимира Григорьевича Черткова в сохранении литературного наследия Л. Н. Толстого // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2023. № 4. С. 118–122.

⁴ *Орчакова Л. Г.* Анархисты в политической жизни России (1903–1928гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008. С. 44–48.

⁵ *Муратов М. В.* Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их переписке. М., 1934.

⁶ *Гуревич Л. Я.* Предисловие к Восемьдесят пятому тому // Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого. Т. 85. М., 1935. С. 7–9.

⁷ *Щеглов М. А.* Предисловие к Восемьдесят восьмому и Восемьдесят девятому томам // Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого. Т. 88–89. М., 1957. С. 24.

⁸ *Басинский П. В.* Лев Толстой — свободный человек. 3-е изд. М., 2024. С. 191.

писателем общественно-политического строя России, связав это с мотивами, побудившими Толстого сделать Черткова своим душеприказчиком. Вывод автора следующий: «Окончательный контроль над личностью писателя В. Г. Чертков получил после подписания Л. Н. Толстым своего завещания... Таким образом, плотное кольцо вокруг Толстого возникло задолго до астаповских дней 1910 г. Это был хорошо организованный контроль с четко отлаженной системой слежения»⁹. Британский литературовед, специализирующийся на русской литературе, Д. Рейфилд также писал, что «по-настоящему подозревать В. Г. Черткова в лицемерии, в стремлении к диктаторской власти над наследием Л. Н. Толстого начали в 1910 г., когда писатель умирал в Астапове, и всем стало ясно, что доступ к его смертному одру, похоронам и наследству зависит от воли Черткова»¹⁰. Канадский литературовед Александр Фодор выдвигает слабо аргументированную гипотезу о том, что царское правительство пыталось использовать Черткова для поддержания контроля над писателем, а сам Чертков еще до встречи с Толстым имел определенные планы, связанные с желанием расчетливого использования его громкого имени¹¹. Даже этот небольшой историографический анализ показывает актуальность заявленной темы.

Исследование построено с опорой на опубликованные источники личного происхождения, благодаря которым можно понять характер взаимоотношений между В. Г. Чертковым и писателем, членами его семьи, а также посмотреть на него глазами как его апологетов, так и критиков. Это многолетняя (1883–1910) переписка Толстого и Черткова¹²; воспоминания самого Черткова¹³, созданные уже после смерти писателя; дневники С. А. Толстой разных периодов ее жизни¹⁴; воспоминания дочери Александры¹⁵, сторонницы Черткова; а также мемуары личного врача, идейного последователя, секретаря и зятя Льва Николаевича. Большой комплекс документов собран в фондах РГАЛИ, непосредственно связанных с Л. Н. Толстым (Ф. 508), В. Г. Чертковым (Ф. 552), Гуревичами (Ф. 131)¹⁶. Обращение к материалам этих фондов позволили показать частности взаимоотношений, глубину мировоззренческого единения Льва Николаевича и Владимира Григорьевича.

⁹ Ореханов Г. Л. Жестокий суд России: В. Г. Чертков в жизни Л. Н. Толстого. М., 2010. С. 155–156.

¹⁰ Рейфилд Д. Новое и старое о Владимире Черткове // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2023. № 3 (47). С. 21.

¹¹ Fodor A. A quest for a non-violent Russia: The partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov. Laham, 1989. P. 23–24; 45.

¹² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 85. Репр. воспр. изд., 1928–1958 гг. М., 1992; Его же. Полное собрание сочинений. Т. 88–89. М., 1957.

¹³ Чертков В. Г. Уход Толстого. М., 1922.

¹⁴ Толстая С. А. Дневник (1910) // Лев Николаевич Толстой: сайт. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/tolstaya-dnevnik/dnevnik-1910.htm?ysclid=m91kh448wq970315543> (дата обращения: 15.04.2025).

¹⁵ Толстая А. Л. Отец. Жизнь Льва Толстого: в 2 т. М., 2001.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 6. Ед. хр. 40; Ф. 552. Оп. 6. Ед. хр. 28; Ф. 131. Оп. 2. Ед. хр. 354.

Ход и результаты исследования. В. Г. Чертков и Л. Н. Толстой познакомились в московской усадьбе писателя в Хамовниках в 1883 г. Чертков об этой встрече писал так: «...мы с ним встретились, как старые знакомые»¹⁷. Черткову к этому моменту было 29 лет, и он уже прошел собственный путь идейных исканий. «Духовный переворот» Черткова произошел в 23 года и зиждился на сильной, хоть и неортодоксальной религиозности (его мать принадлежала к секте пашковцев). По признанию самого Черткова, сильнейший толчок переосмысления жизни произошел с ним в 1877 г. Будучи на дежурстве в госпитале, при виде умирающего солдата Чертков стал читать вместе с ним Евангелие. После этого события он, по собственному признанию, не мог жить как раньше. Он в присутствии ветеранов Крымской войны яростно высказывается о полном непринятии военной службы, при том что сам восемь лет служил в конногвардейском полку.

Толстому было уже за 50, и он с детства не отличался сильной религиозностью. Сам признавался, что окончательно «растерял веру» еще в Казанском университете¹⁸. После службы на Кавказе и Севастопольской обороны 1854–1855 гг. у Льва Николаевича полностью сформировалось неприятие войны, которое оформилось в пацифистские взгляды, отразившиеся в его «Севастопольских рассказах». «Арзамасский ужас» 1869 г. и внезапное осознание смертности положило начало поиска ответа на вопрос о смысле жизни. В «Записках сумасшедшего» (1884) Толстой постфактум дает свою оценку тех переломных событий: «Эта московская ночь (речь о ночевке в гостинице в октябре 1883 г. — Л. О., Г. С.) изменила еще больше мою жизнь, начавшую изменяться с Арзамаса»¹⁹.

Таким образом, к моменту встречи оба наших героя переживали трансформацию взглядов. Очевидно, что у них были различный жизненный опыт, социальный статус и положение (Толстой был к этому моменту известным и уважаемым человеком, к тому же стоявшим выше Черткова по социальной лестнице). В силу среды отличались и фундаменты их мировоззрения. Тем не менее в момент встречи их заботили одни и те же вопросы, на которые они отвечали схоже, что и предопределило их последующую дружбу.

Л. Н. Толстого, безусловно, очень привлекал молодой, увлеченный религиозными и социальными вопросами человек, готовый восторженно внимать его идеям и, главное, реализовывать их. Чертков еще при жизни писателя отмечал: «Насколько мне известно, он [Толстой] также нашел во мне первого своего единомышленника. Понятно, что при этих условиях сразу завязавшаяся

¹⁷ Муратов М. В. Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их переписке. М., 1934. С. 52.

¹⁸ Толстой Л. Н. Исповедь // Весь Толстой в один клик: электронный ресурс. URL: <https://tolstoy.ru/online/online-publicism/ispoved/index.xhtml> (дата обращения: 15.04.2025).

¹⁹ Толстой Л. Н. Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого / под ред. В. Г. Черткова. Т. III. М., 1912. С. 129–130.

между нами тесная духовная связь должна была иметь совсем особенное для нас обоим значение...»²⁰.

Мы полагаем, что, несмотря на ту фактическую случайность их встречи (они были знакомы только через общих приятелей, но никогда до 1883 г. не виделись лично и не переписывались), она все же была закономерна, так как Толстой к тому моменту отчаянно нуждался в человеке, который понимал бы его и смог бы помочь донести свои идеи до масс. Да и сам Чертков искал себе «духовного отца». Чертков умел располагать к себе людей; по натуре он был искренним и последовательным человеком, готовым к тому же посвятить всю жизнь служению идее²¹. Толстовец П. А. Буланже отмечал: «Дружба Л. Н. и Черткова была дружбой двух людей, стремившихся к одному идеалу, чутко прислушивавшихся один к другому, глубоко уважавших духовную работу другого и, разумеется, в виду этого, не считавших возможным вмешиваться в жизнь и поступки один другого»²².

В личности Черткова Толстому импонировали важные для него самого черты — самокритичность, стремление изменить жизнь в соответствии с требованиями Евангелия, как оно им понималось. Несмотря на разницу в возрасте, Владимир Григорьевич прочно вошел в жизнь Толстого и писатель начал как в переписке, так и при личных встречах делиться с Чертковым своими планами, присылать ему на предварительное прочтение свои работы. И хотя, опираясь на анализ источников, до момента ссылки Черткова (1897) встречались они в среднем до десяти раз в год, почти каждую неделю переписывались, причем в 1880-е гг. с особой доверительностью и откровенностью²³. В письмах заметен напор и давление на Толстого. Например, Чертков приглашает писателя в свое имение в Воронежской губернии, в ответ последовал вежливый отказ Толстого. Но Владимир Григорьевич пишет: «Мне грустно, очень грустно, что опять долго не придется вас повидать и повидать так, как я вас никогда не видел, т. е. хорошо, как выдаются братья, родственники, не в виде посещения с приходом и уходом, а деля несколько дней под ряд семейную обстановку...»²⁴. В итоге Толстой приедет в Воронежское имение друга лишь в марте 1894 г., до этого их встречи проходили в Хамовниках, Ясной Поляне или у общих знакомых.

Фактически Чертков в дальнейшем часто будет сетовать на то, что долго не виделся с Львом Николаевичем. Но и Толстой не был рад длительной разлуке: «Что вы делаете? Я не писал вам от того, [что] каждый день ждал вас.

²⁰ Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого по неизд. материалам (воспоминания и письма Л. Н. Толстого). Т. 2. М., 1908. С. 472.

²¹ Буланже П. А. Толстой и Чертков. М., 1911. С. 4.

²² Там же. С. 17.

²³ См. письма за 1884–1886 гг.: Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 85. М., 1935.

²⁴ Толстой Л. Н. — Черткову В. Г., 3 ноября 1884 г. Примечания // Лев Николаевич Толстой: сайт. URL: <https://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/k-chertkovu-1883-1886/letter-32.htm> (дата обращения: 15.04.2025).

Особенно ждал, п[отому] ч[то] очень желал этого. Я две недели прожил один в деревне. Семья вся в Москве»²⁵. В этом письме кроется одна из причин, по которой Толстой так сблизился с Чертковым, а именно духовное одиночество писателя. Супруга занималась образованием детей и часто жила в Хамовнической усадьбе, а писатель московскую жизнь к этому времени не жаловал, находил ее суетной и порочной²⁶, поэтому оставался в Ясной Поляне и страдал от недостатка общения.

Лучше всего людей сближает совместное дело. Таковым и стала активная издательская деятельность Владимира Григорьевича, которая укрепила его дружбу с великим писателем. Осенью 1884 г. начинается подготовительная работа по организации печатания «рассказов для народа» («Где любовь, там и Бог», «Ильяс» и «Упустишь огонь — не потушишь»), которые Толстым пишутся в это время именно под воздействием Черткова: «Лучше всего было бы, если б вы в свободное время писали бы повести и рассказы для народа и позволили бы мне взять на себя издательскую, корректурную и пр. сторону дела»²⁷. В декабре 1884 г. он уже советуется с Толстым относительно перевода на английский язык сочинения «В чем моя вера?»²⁸. Несомненно, тут стоит учитывать атмосферу общественной жизни России 1880-х гг.: реакционный курс правительства, почвенничество, нарастание радикализации. Чертков, как и многие, был в поисках новых идей, поэтому его заинтересовали в первую очередь религиозно-философские и публицистические работы Толстого.

Чертков явно хорошо понимал человеческую психологию, разбирался в злободневных общественных вопросах, умел предугадывать реакцию читателей. Вскоре при поддержке И. Д. Сытина им учреждается издательство «Посредник»²⁹, где будут массово печататься произведения Толстого. Цензура нередко препятствовала изданию произведений писателя³⁰, однако в течение 1885–1889 гг. было издано около 12 миллионов экземпляров³¹.

²⁵ Толстой Л. Н. — Черткову В. Г., 31 октября 1884 г. // Лев Николаевич Толстой: сайт. URL: <https://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/k-chertkovu-1883-1886/letter-31.htm> (дата обращения: 15.04.2025).

²⁶ Дневник Л. Н. Толстого за 1881 год // Лев Николаевич Толстой: сайт. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/dnevnik/1881-1887/dnevnik-1881.htm> (дата обращения: 15.04.2025).

²⁷ Письмо В. Г. Черткова Л. Н. Толстому от 15 сентября 1884 г. // Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого. Т. 85. URL: <https://litlife.club/books/228512> (дата обращения: 15.04.2025).

²⁸ См. письмо Л. Н. Толстого В. Г. Черткову от 17 декабря 1884 г. // Лев Николаевич Толстой: сайт. URL: <https://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/k-chertkovu-1883-1886/letter-40.htm> (дата обращения: 15.04.2025).

²⁹ Лев Николаевич Толстой в изданиях «Посредника» 1885–1908. К 80-летию Л. Н. Толстого. 28 авг. 1908 г. М., 1908.

³⁰ Преследование начнется в 1886 г. с запрета рассказа «Три старца» и фактически продолжится до 1917 г.

³¹ Подсчитано В. К. Лебедевым по архивным материалам в работе: Книгоиздательство «Посредник» и цензура // Русская литература. 1968. № 2. С. 163–170.

С конца 1890-х, будучи в ссылке в Великобритании, Чертков открывает еще два издательства («Свободное слово» и Free Age Press), в которых публиковались философские и религиозные работы Толстого, получившие распространение в Европе (Женева, Берлин), США и даже Новой Зеландии (Крайстчерч). В России же станет сенсацией частичная публикация «Воскресения» в журнале «Нива» в 1899 г., параллельно этот же роман на русском Чертковым издается за рубежом в «Свободном слове»³².

К 1899 г. Чертков становится полномочным представителем Толстого в Европе по литературным делам³³. Вполне можно говорить, что с этого времени Чертков постепенно монополизировал право на издание трудов Льва Николаевича. Однако в этом вопросе он не руководствовался корыстными целями, так как все вырученные (а часто и свои личные) средства направлялись им на дальнейшее издание и распространение произведений писателя, ведь по свидетельству В. Ф. Булгакова «положение Владимира Григорьевича можно было считать совершенно обеспеченным и независимым. За завтрашний день беспокоиться этому “толстовцу” никогда не приходилось»³⁴. Через свою мать Чертков активно контактировал с аристократическими верхами России и Англии. Благодаря этим обширным связям он активно создавал в Европе образ Толстого как оппозиционера правительству и Церкви³⁵. Интересно, что когда Буланже в 1900 г. предложил писателю издавать новый журнал «Утро» и даже нашел для этого крупную сумму денег, он получил грубую отповедь от Черткова только за то, что программа издания предполагала получение разрешения от государственных органов³⁶. Таким образом, Толстой волей-неволей попал в своего рода ловушку Черткова: теперь писатель мог издавать все свои произведения только через него. Это притом, что еще 10 сентября 1891 г. Толстой опубликовал свое заявление об отказе от авторских прав в пользу «всех желающих», речь шла об автоматическом переходе его трудов, созданных после 1881 г. в общественное достояние³⁷.

В Черткове удивительно сочеталась фанатичная вера в идеи Толстого и расчетливый практицизм в отношении издательской деятельности. Зять Толстого М. С. Сухотин отмечал: «Если бы я стал припоминать все те поступки Л. Н., которые вызывали наибольшее раздражение в людях, то оказалось бы, что

³² Всего Чертков издал десятки запрещенных в России произведений Толстого («В чем моя вера?», «Одумайтесь!», «Царю и его помощникам», «Критика догматического богословия» и др.). См. подробнее: Каталог книг и брошюр издательства «Свободное слово», основанного Владимиром Чертковым. Purligh (Maldon Essex): A. Tchertkoff, 1900.

³³ Толстой Л. Н. В редакции иностранных газет // Полное собрание сочинений / под ред. В. Г. Черткова. Т. 72. М., 1933. С. 110–113.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 16.

³⁵ Речь о «Листках Свободного слова», которые издавались Чертковым в Англии в 1898–1902 гг. и содержали толстовские идеи относительно государства, патриотизма, религии и др.

³⁶ Толстая А. Л. Указ. соч. Т. 2. С. 285.

³⁷ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 66. М., 1953. С. 47–48.

они были совершены под давлением Черткова. Например, помещение в «Воскресении» главы с издевательством над обедней...»³⁸. В русском варианте цензура вырезала 39-ю и 40-ю главы первой части романа, но в Англии Чертков выпустил эту книгу без купюр, что «оказало поддержку издательству... так как привлекло к нему общественное внимание, но материальный эффект был незначителен...»³⁹.

Отношения Черткова с членами семьи Толстого были достаточно сложными. Именно семья, и в частности жена писателя, острее всего реагировали на Черткова, выступая неким камертоном изменений, которые происходили во взглядах Льва Николаевича. Стоит сказать, что Софья Андреевна «из-за знатного происхождения Черткова, всегда ей импонировавшего»⁴⁰, сперва не придавала особого значения новому другу ее мужа, но уже в 1887 г. она написала: «Было письмо от Черткова. Не люблю я его: не умен, хитер, односторонен и не добр. Л. Н. пристрастен к нему за его поклонение»⁴¹. Софья Андреевна, которая до середины 1880-х гг. была ближайшим помощником Льва Николаевича, помогала ему в подготовке к публикации его трудов, вдруг оказалась отодвинута на второй план новым другом ее мужа. Чертков регулярно писал Толстому, часто звал его к себе, сам приезжал в Ясную Поляну, а Софья Андреевна фактически потеряла всякое влияние. Домочадцы не могли не заметить, как изменился Толстой под влиянием Черткова. Лев Николаевич все более открыто высказывался против власти и Церкви. Происходило это именно из-за Черткова, который был увлечен не столько морально-философскими, сколько антигосударственными воззрениями писателя⁴². Родственники не понимали и не принимали новых воззрений Толстого: дети и жена продолжали ходить в церковь на праздники, сам же писатель уже давно этого не делал. Жена Черткова, Анна Константиновна, вспоминала, что была просто поражена тем безразличием, которое проявляли дети к своему отцу, к его духовным исканиям⁴³. Непонимание в семье, сужение тем для разговоров способствовали тому, что Толстой уже не мог долгое время обходиться без общения с Чертковым. Толстой смещает акцент (но не отказывается полностью) с самосовершенствования отдельного человека на критику действующего строя в России. Зять Толстого М. С. Сухотин отмечал в 1907 году:

³⁸ Из дневника М. С. Сухотина // Русская литература и фольклор: фундаментальная электронная библиотека. URL: <https://feb-web.ru/feb/litnas/texts/l692/ln2-148-.htm> (дата обращения: 15.04.2025).

³⁹ Муратов М. В. Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их переписке. М., 1934. С. 282.

⁴⁰ Булгаков В. Ф. Как прожита жизнь: воспоминания последнего секретаря Л. Н. Толстого. М., 2012. С. 236.

⁴¹ Толстая С. А. Дневники. 1887 г. // Лев Николаевич Толстой: сайт. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/tolstaya-dnevniki/1887.htm> (дата обращения: 15.04.2025).

⁴² Они изложены по большей части в таких работах Л. Н. Толстого, как: «Одумайтесь!», «Христианство и патриотизм», «Царство Божие внутри вас», «Не могу молчать» и др.

⁴³ См. «Краткий обзор жизни, работы и отношений Л. Н. Толстого к В. Г. Черткову (1883–1886 гг.)», хранящийся в фонде Гуревичей РГАЛИ (РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 2. Ед. хр. 354. Л. 1–28.)

«Л. Н. несколько полевел. Вероятно, это под влиянием его Иоанна, т. е. В. Г. Черткова, поселившегося по соседству с Ясной»⁴⁴. Показателен визит Толстого к соседке, помещице-монархистке А. Е. Звегинцевой, когда Чертков «учил Л. Н., как ему там себя вести, что и как говорить даме»⁴⁵. Однако и сам Толстой не идеализировал друга, так, посетив его дом в Телятинках, он остался недоволен роскошной обстановкой, но готов был простить это несоответствие, так как не хотел потерять единомышленника. Чертков все же многое воплотил на практике: он воздерживался от вредных привычек и мясоедения, занимался просветительской и благотворительной деятельностью в Воронежской губернии, организовал земледельческую коммуну в Телятинках. Еще больше сблизило двух единомышленников переселение духоборов в Канаду, причем это была именно инициатива Черткова, который в 1896 г. написал воззвание⁴⁶ и попросил Толстого помочь ему в этом деле. Буланже отмечал: «Л. Н. Толстой не только следил с живейшим интересом за деятельностью своего друга, но эта деятельность еще теснее сблизжала его с ним, так как интересы их в этом отношении совершенно совпадали. Оба делали одно и то же дело»⁴⁷.

В 1897 г. Чертков под угрозой ссылки в Лифляндию был вынужден эмигрировать в Англию⁴⁸, и в семье писателя надеялись, что Толстой вскоре забудет про своего друга. Однако Чертков продолжил регулярно писать Льву Николаевичу, который в том же году предпринимает первую попытку уйти из дома. Чертков с самого начала их знакомства постоянно говорил ему о мешающей продуктивной работе атмосфере в Ясной Поляне: «...убежать или перевернуть жизнь — в моих глазах вовсе не такие действия, которые сами по себе были бы вперёд предосудительны. Христос так сделал и увлекал других именно по этому пути»⁴⁹. Чертков на склоне лет аргументировал это так: «То, что происходило вокруг него в Ясной Поляне, в особенности в области управления имением, было как будто нарочно рассчитано на то, чтобы все больше и больше огорчать, оскорблять и возмущать его в самых святых его чувствах. <...> По возвращении его в Ясную Поляну С. А. обставила его жизнь новыми стеснениями, окончательно лишившими его даже той ограниченной доли личной свободы, которою он до того времени пользовался»⁵⁰. Владимир Григорьевич считал вполне закономерным

⁴⁴ Из дневника М. С. Сухотина // Русская литература и фольклор: фундаментальная электронная библиотека. URL: <https://feb-web.ru/feb/litnas/texts/1692/ln2-148-.htm> (дата обращения: 15.04.2025).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ *Чертков В. Г.* Напрасная жестокость: о том, нужно ли и выгодно ли для правительства делать мучеников из людей, по своим религиозным убеждениям не могущих участвовать в военной службе? Лондон, 1896.

⁴⁷ *Буланже П. А.* Указ. соч. С. 14.

⁴⁸ *Ореханов Г. Л.* Указ. соч. С. 45.

⁴⁹ Письмо В. Г. Черткова Л. Н. Толстому от 14 июня 1885 г. цитируется по: Толстой Л. Н. — Черткову В. Г. 23–24 июня 1885 г. Примечания // Лев Николаевич Толстой: сайт. URL: <https://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/k-chertkovu-1883-1886/letter-72.htm> (дата обращения: 15.04.2025).

⁵⁰ *Чертков В. Г.* Указ. соч. С. 29, 47.

и отвечающим учению писателя его уход из Ясной Поляны осенью 1910 г.⁵¹ Именно Чертков активно способствовал отдалению Льва Толстого от семьи: непонимание между писателем и его детьми и супругой только росло. Неустановленный автор в статье «Где жил Толстой» 1928 г. в издании «Рассвет» использовал такое сравнение: Л. Н. Толстой незадолго перед уходом «боялся Софьи Андреевны как арестант боится конвойного»⁵².

В конце 1907 – начале 1908 г. начинается интенсивная подготовка к возвращению Чертковых в Россию, в ходе которой Владимир Григорьевич покупает имение Телятинки (рядом с Ясной Поляной). Теперь он виделся со Львом Николаевичем практически ежедневно, что еще больше расшатывало психическое состояние Софьи Андреевны, которая незадолго до смерти мужа писала: «Жизнь моя с Льв. Ник. делается со дня на день невыносимее из-за бессердечия и жестокости по отношению ко мне. И все это постепенно и очень последовательно сделано Чертковым. Он всячески забрал в руки несчастного старика, он разлучил нас, он убил художественную искру в Л. Н. и разжег осуждение, ненависть, отрицание, которые чувствуются в статьях Л. Н. последних лет, на которые его подбивал его глупый злой гений»⁵³. Более того, позже Лев Львович напишет: «На одного Черткова падает поэтому вина преждевременной смерти отца, на его тщеславие, безграничное, одностороннее и неумное влияние, под которым жил последние годы своей жизни, а особенно месяцы, мой старый бедный отец...»⁵⁴.

Но дело было не только в частых визитах Черткова. Толстой в 1910 г. пишет окончательное завещание, в котором делает формальным преемником любимую дочь Александру, а позже составляет пояснительную записку, в которой был такой пункт: «Чтобы все рукописи и бумаги (в том числе: дневники, черновики, письма и проч. и проч.), которые останутся после него, были переданы В. Г. Черткову с тем, чтобы последний, после смерти Льва Николаевича, занялся пересмотром их и изданием того, что он в них найдет желательным для опубликования...»⁵⁵. Тем самым сыновья Толстого и Софья Андреевна остались не у дел, попытки оспорить данное завещание не увенчались успехом. Личный врач Толстого Д. П. Маковицкий описал душевное состояние супруги писателя, когда она узнала о подписанном завещании: «Начались слезы, истерики, убеганье из дома, симуляция самоубийства, инсценировка отъезда, подглядыванья, подслушиванья и проч. Для Толстого все это было

⁵¹ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 6. Ед. хр. 2. Л. 1–3.

⁵² Там же. Ф. 508. Оп. 6. Ед. хр. 2. Л. 2.

⁵³ Толстая С. А. Дневник (1910) // Лев Николаевич Толстой: сайт. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/tolstaya-dnevnik/dnevnik-1910.htm?ysclid=m92s1qxad5954489471> (дата обращения: 15.04.2025).

⁵⁴ Толстой Л. Л. Кто виновник? // Новое время. 1910. 16 ноября. № 12458. С. 4.

⁵⁵ Объяснительная записка к завещанию от 31 июля 1910 г. // Лев Николаевич Толстой: сайт. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1910-maj-noyabr/letter-247.htm> (дата обращения: 15.04.2025)

не только мучительно тяжело, но и ставило перед ним все тот же роковой вопрос: следует ли ему при таких условиях оставаться в Ясной Поляне?»⁵⁶.

Чертков позже оправдывался: «Но совесть моя была чиста, так как я искренно могу сказать, что никаких своих личных желаний не преследовал и ничего своего не искал»⁵⁷. Однако это была явная ложь, ведь еще в 1904 г. он просил Толстого в письме сделать его наследником авторских прав. Манипуляции с завещанием были вызваны желанием Владимира Григорьевича, с одной стороны, не дать пропасть наследию писателя, а с другой — укрепить свои позиции лидера толстовцев и выставить себя главным идейным преемником Льва Николаевича. Чертков был чуть ли не единственным человеком в ближнем окружении писателя, кому действительно было важно сохранить и распространить сочинения Толстого (сыновья, постоянно нуждавшиеся в средствах, скорее всего, продали бы авторские права).

Заключение. Встреча Льва Николаевича с Владимиром Григорьевичем была подготовлена их собственными исканиями и закономерна с точки зрения внутренней необходимости для писателя появления такого человека в его окружении. Важным фактором их сближения стали семейные обстоятельства Льва Николаевича.

Чертков был неоднозначной и противоречивой личностью и его влияние на Толстого было таким же. Безусловно, российское и мировое сообщество знают о Толстом не только как о великом писателе, но и как о религиозном философе во многом благодаря В. Г. Черткову. Владимир Григорьевич может считаться «популяризатором» Толстого: он не просто тиражировал его произведения, но и распространял взгляды и жизненные воззрения, привлекая сторонников. Но не только этим определяется место Черткова в жизни мыслителя. Следует говорить и о его влиянии на взгляды Толстого. Именно Чертков сыграл важную роль в завершении духовно-нравственного переворота писателя, усилении с его стороны критики государственного строя и Церкви, выходе из затяжной депрессии и творческого кризиса (конец 1870 – начало 1880-х). Именно в переписке Толстого и Черткова выкристаллизовалось философское учение писателя; его взгляды становились оформленными и более целостными.

В определенном смысле можно говорить о «симбиозе» Черткова и Толстого — они были, безусловно, друзьями-единомышленниками. Так прочно в жизнь Толстого Чертков вошел по нескольким причинам: это и духовное одиночество писателя, и жажда общения с единомышленником, понимающим его с полуслова, и близкие ему качества Черткова (самокритичность, рационализм, жажда самосовершенствования и обличения пороков). Конечно,

⁵⁶ *Маковицкий Д. П. Уход Льва Николаевича // Русская литература и фольклор: фундаментальная электронная библиотека. URL: <https://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/lg2/Lg23446.htm> (дата обращения: 15.04.2025).*

⁵⁷ *Чертков В. Г. Указ. соч. С. 38.*

его влияние на Толстого то усиливалось (1883–1897 гг. и в конце 1900-х), то ослабевало (период эмиграции Черткова), писатель был вынужден лавировать между семьей и другом. При этом Владимир Григорьевич неоднократно призывал писателя уйти из дома, чем вызывал постоянные конфликты в семье Толстого, способствовал отдалению Льва Николаевича от жены и детей, что в конечном счете и стало одной из главных причин его ухода.

Нельзя согласиться с мнением, что Чертков использовал Толстого только с целью получения прибыли, ведь значительная часть финансирования «Посредника» — средства самого Владимира Григорьевича, да и по завещанию писателя Чертков не получил никакого имущества, а лишь права на издание произведений. Но все же имелась и меркантильная составляющая. Чертков явно хотел монополизировать творческое наследие Толстого, уговорив его подписать окончательное завещание.

Надо сказать, что и Толстой довольно сильно повлиял на взгляды Черткова. Если в 1880-х гг. в их ранней переписке⁵⁸ содержится полемика относительно Воскресения Христа, сущности Бога, существования настоящей любви и честного брака, то к 1900-м гг. Чертков уже смотрит на мир глазами своего наставника⁵⁹.

Знакомство и их дружба были скорее закономерностью, что подтверждают слова самого Толстого: «Бог дал мне высшее счастье, — он дал мне такого друга, как Чертков»⁶⁰. Психологическая поддержка Черткова была необходима писателю, оказавшемуся непонятым в семейном кругу. Думается, что Лев Толстой вряд ли стал бы одним из духовных лидеров оппозиции в России начала XX в. без Черткова. Он ощущал потребность не просто в постоянном собеседнике, но, самое главное, в последователе, который сумеет распространить его взгляды и сохранить идейное наследие после смерти. Толстой не считал (возможно, не хотел считать) Черткова манипулятором и лицемером и дорожил своей дружбой с ним до конца жизни.

Литература

1. Басинский П. В. Лев Толстой — свободный человек. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2024. 302 с.
2. Беляева У. П. Толстовство как религиозно-этический феномен отечественной культуры: теория и практика. Липецк: ЛГПУ, 2021. 178 с.
3. Булгаков В. Ф. Как прожита жизнь: воспоминания последнего секретаря Л. Н. Толстого. М.: Кучково поле, 2012. 862 с.
4. Бунеева Е. Н., Фирсова И. И. Роль Владимира Григорьевича Черткова в сохранении литературного наследия Л. Н. Толстого // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2023. № 4. С. 118–122. https://doi.org/10.47438/2309-7078_2023_4_118

⁵⁸ См. переписку Толстого и Черткова за 1884 г. в издании: *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. Т. 85. М., 1935. С. 26–133.

⁵⁹ См., напр.: *Чертков В. Г.* О революции. М., 2012.

⁶⁰ *Булганже П. А.* Указ. соч. С. 3.

5. Гуревич Л. Я. Предисловие к восемьдесят пятому тому // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. Т. 85. М.: Гослитиздат, 1935. С. VII–IX.
6. Мелешко Е. Д. Философия непротивления Л. Н. Толстого: Систематическое учение и духовный опыт: дис. ... д-ра философ. наук. М., 1999. 378 с.
7. Муратов М. В. Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их переписке. М.: Государственный Толстовский музей, 1934. 329 с.
8. Ореханов Г. Л. Жестокий суд России: В. Г. Чертков в жизни Л. Н. Толстого. Москва: ПСТГУ, 2010. 192 с.
9. Орчакова Л. Г. Анархисты в политической жизни России (1903–1928 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008. 379 с.
10. Рейфилд Д. Новое и старое о Владимире Черткове // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2023. № 3 (47). С. 19–27. <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2023-1-3-19-27>
11. Сухорукова О. А. Религиозно-философские взгляды Л. Н. Толстого и секулярная религиозность // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2020. № 3 (35). С. 28–37. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2020.35.3.03>
12. Щеглов М. А. Предисловие к восемьдесят восьмому и восемьдесят девятому томам // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 88–89 / подгот. текста и коммент. М. В. Муратова. М.: Гослитиздат, 1957. С. V–XXXIII.
13. Fodor A. A quest for a non-violent Russia: The partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov. Laham, MD: University Press of America, 1989. 217 p.

References

1. Basinsky P. V. Leo Tolstoy is a free man. 3rd ed. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2024. 302 p. (In Russ.).
2. Belyaeva U. P. Tolstoyism as a religious and ethical phenomenon of Russian culture: theory and practice. Lipetsk: LGPU, 2021. 178 p. (In Russ.).
3. Bulgakov V. F. How life was lived: Memoirs of Leo Tolstoy's last secretary. Moscow: Kuchkovo Pole, 2012. 862 p. (In Russ.).
4. Buneeva E. N., Firsova I. I. The role of Vladimir Grigorievich Chertkov in the preservation of the literary heritage of L. N. Tolstoy // Izvestia Voronezh State Pedagogical University. 2023. № 4. P. 118–122. (In Russ.). https://doi.org/10.47438/2309-7078_2023_4_118
5. Gurevich L. Ya. Preface to the eighty-fifth volume // Tolstoy L. N. Complete works: in 90 volumes / under the general editorship of V. G. Chertkov. Vol. 85. Moscow: Goslitizdat, 1935. P. VII–IX. (In Russ.).
6. Meleshko E. D. Tolstoy's philosophy of non-resistance: Systematic teaching and spiritual experience: dissertation of the Doctor of Philosophical Sciences. Moscow, 1999. 378 p. (In Russ.).
7. Muratov M. V. L. N. Tolstoy and V. G. Chertkov according to their correspondence. Moscow: State Tolstoy Museum, 1934. 329 p. (In Russ.).
8. Orekhanov G. L. The cruel court of Russia: V. G. Chertkov in the life of Leo Tolstoy. Moscow: STOU, 2010. 192 p. (In Russ.).
9. Orchakova L. G. Anarchists in the political life of Russia (1903–1928): Dissertation of the Doctor of Historical Sciences. Moscow, 2008. 379 p. (In Russ.).

10. Rayfield D. New and old about Vladimir Chertkov // *Gumanitarnyye Vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*. 2023. № 3 (47). P. 19–27. (In Russ.) <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2023-1-3-19-27>

11. Sukhorukova O. A. L. N. Tolstoy's religious and philosophical views and secular religiosity // *MCU Journal of Philosophical Sciences*. 2020. № 3 (35). P. 28–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2020.35.3.03>

12. Shcheglov M. A. Preface to the Eighty-eighth and Eighty-ninth volumes // Tolstoy L. N. *The Complete works: in 90 volumes. Vol. 88-89 / prepared by text and commentary by M. V. Muratov*. Moscow: Goslitizdat, 1957. P. V–XXXIII. (In Russ.).

13. Fodor A. *A quest for a non-violent Russia: The partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov*. Laham, MD: University Press of America, 1989. 217 p.

Научная статья

УДК 94(47).083

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-35-54

Иванов Андрей Александрович

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

andrey.a.ivanov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6438-5200

Пыстина Полина Алексеевна

магистрантка

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

st087537@student.spbu.ru

**А. И. ГУЧКОВ И «СОЮЗ 17 ОКТЯБРЯ»
В ОЦЕНКАХ С. И. СМИРНОВОЙ-САЗОНОВОЙ:
ПО МАТЕРИАЛАМ НЕОПУБЛИКОВАННОГО
ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЬНИЦЫ (1905–1907)**

Аннотация. В статье рассматривается отношение писательницы и журналистки С. И. Смирновой-Сазоновой к «Союзу 17 октября» и его лидерам в период Первой российской революции. Особое внимание уделяется взаимоотношениям Смирновой-Сазоновой с лидером октябристов А. И. Гучковым. В научный оборот вводятся фрагменты из неопубликованного дневника писательницы за 1905–1907 гг., публикации Смирновой-Сазоновой, выходившие в рассматриваемый период в газетах «Новое время», «Голос Москвы» и отдельными брошюрами, а также письма Гучкова к журналистке, отложившиеся в фонде Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. По материалам дневника Смирновой-Сазоновой реконструируется история ее кратковременного сотрудничества с октябристами, показываются причины последовавшего затем разочарования консервативной журналистки в лидерах «Союза 17 октября». Отмечается, что, первоначально отнеся октябристов к правому и даже черносотенному лагерю, Смирнова-Сазонова к концу Первой российской революции изменила свое мнение о них. Придерживаясь умеренно правых политических воззрений, симпатизируя контрреволюционным русским партиям, известная писательница пришла к разочаровавшему ее выводу, что лидеры октябристов свернули с правого пути, дали крен влево и стали превращаться в либерально-оппозиционную партию.

Ключевые слова: Российская империя, политические партии, Революция 1905 г., «Союз 17 октября», октябристы, «Новое время», «Голос Москвы», А. И. Гучков, А. А. Пиленко, С. И. Смирнова-Сазонова.

Для цитирования: Иванов А. А., Пыстина П. А. А. И. Гучков и «Союз 17 октября» в оценках С. И. Смирновой-Сазоновой: по материалам неопубликованного

дневника писательницы (1905–1907) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 1 (61). С. 35–54. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-35-54>

Original article

UDC 94(47).083

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-35-54

Ivanov Andrey A.

Doctor of Historical Sciences, Professor

St. Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

andrey.a.ivanov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6438-5200

Pystina Polina A.

Master's degree student

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

st087537@student.spbu.ru

**A. I. GUCHKOV AND “THE UNION OF OCTOBER 17”
IN THE ASSESSMENTS OF S. I. SMIRNOVA-SAZONOVA:
BASED ON THE WRITER’S UNPUBLISHED DIARY (1905–1907)**

Abstract. This article examines the attitude of writer and journalist S. I. Smirnova-Sazonova toward “The Union of October 17” and its leaders during the First Russian Revolution. Particular attention is given to Smirnova-Sazonova’s relationship with Octobrist leader A. I. Guchkov. Excerpts from the writer’s unpublished diary for 1905–1907, Smirnova-Sazonova’s publications during this period in the newspapers “Novoye Vremya” and “Golos Moskvyy”, and as individual brochures, as well as Guchkov’s letters to the journalist, now housed in the collection of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences, are introduced into scholarly circulation. Based on materials from Smirnova-Sazonova’s diary, the story of her brief collaboration with the Octobrists is reconstructed, and the reasons for the conservative journalist’s subsequent disillusionment with the leaders of “The Union of October 17” are demonstrated. It is noted that, having initially considered the Octobrists to be right-wing and even Black Hundreds, Smirnova-Sazonova changed her mind about them by the end of the First Russian Revolution. Adhering to moderate right-wing political views and sympathizing with counterrevolutionary Russian parties, the renowned writer came to the disappointing conclusion that the Octobrist leaders had turned left, veered left, and begun to transform into a liberal opposition party.

Keywords: Russian Empire, political parties, the 1905 Revolution, “The Union of October 17”, Octobrists, “Novoye Vremya”, “Golos Moskvyy”, A. I. Guchkov, A. A. Pilenko, S. I. Smirnova-Sazonova.

For citation: Ivanov A. A., Pystina P. A. A. I. Guchkov and “The Union of October 17” in the assessments of S. I. Smirnova-Sazonova: based on the writer’s unpublished

diary (1905–1907) // MCU Journal of Historical Studies. 2026. № 1 (61). P. 35–54. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-35-54>

Введение. Имя писательницы Софьи Ивановны Смирновой-Сазоновой (1852–1921) довольно громко звучало в 1870-е гг. благодаря успеху пяти ее крупных романов, вышедших в «Отечественных записках» в 1871–1897 гг. («Огонек», «Соль земли», «Попечитель учебного округа», «Сила характера», «У пристани»). Ее романы и повести получили высокую оценку классиков русской литературы: Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова и др. Литературный критик С. А. Венгеров отмечал, что «по таланту, блескам остроумия и чисто мужскому складу ума» Смирнова-Сазонова занимает одно из первых мест в ряду женщин-писательниц конца XIX в.¹ «Из романисток, самый крупный талант, бесспорно, — г-жа Смирнова», — утверждала писательница Н. Д. Хвоцинская, правда критиковавшая ее при этом за небрежность и «мотовство дарованием»². Вдова Достоевского, обращаясь к Смирновой-Сазоновой с просьбой написать очерк о ее муже для первого тома его сочинений, отмечала: «...ведь Вы знаете, как он Вас уважал и любил, и знаете, как высоко ставил Вашу литературную деятельность и как много ожидал от Вашего прекрасного таланта»³.

Художественные произведения Смирновой-Сазоновой неоднократно переиздавались до революции 1917 г., снискав признание читающей публики. Она также состоялась как драматург (успехом пользовалась ее историческая пьеса «Девятый вал») и публицист⁴. Интересен и круг общения Смирновой-Сазоновой. Она поддерживала контакты со многими писателями, драматургами, артистами (муж писательницы — И. Ф. Сазонов — служил артистом Александринского театра), художниками, литературными критиками, издателями и редакторами газет и журналов, публицистами, видными общественными деятелями конца XIX – начала XX в.; вела переписку с А. П. Чеховым, была знакома с А. Ф. Кони и Ф. Н. Плевако, дружила с А. С. Сувориным. Начав с 1876 г.⁵ сотрудничество с суворинской газетой «Новое время», Смирнова-Сазонова регулярно публиковала на ее страницах свои очерки и фельетоны на злобу дня, часто становившиеся предметом пристального общественного внимания. Как отмечал известный беллетрист и публицист консервативных взглядов

¹ Венгеров С. А. Смирнова Софья Ивановна // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1900. Т. XXXа. С. 531.

² Цит. по: Погребная В. Л. «Женская» критика 60–80-х гг. XIX ст. О женском литературном творчестве // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. 2002. № 4. С. 144.

³ Цит. по: Жукова Г. Г. Романы С. И. Смирновой (Сазоновой): Проблематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. С. 3–4.

⁴ Панфилов А. Ю., Гучков С. М. Смирнова (Смирнова-Сазонова) Софья Ивановна // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5: П–С. М., 2007. С. 678–680.

⁵ 25-летие газеты «Новое время» А. С. Суворина. 1876–1901. Постоянные сотрудники // Новое время. 1901. 28 февраля (13 марта).

К. Ф. Головин, «Г-жа Смирнова... стала заниматься легким, ироническим пересказом будничных жизненных фактов. Она приобрела заметную развязность и уверенность тона, при большой технической ловкости, и, по-видимому, с легким сердцем теперь вышучивает те самые проявления нравственной порчи, какие лет двадцать – пятнадцать назад вызывали и у нее, и у некоторых других из наших писателей несколько преувеличенное негодование»⁶. Фельетоны Смирновой, писал Венгеров, «часто обращали на себя внимание литературностью, остроумием, умением небанально подойти к предмету»⁷.

Помимо этого, Смирнова-Сазонова известна историкам литературы и театра как автор содержательного и интересного дневника, который она вела на протяжении многих лет (69 тетрадей с 1877 по 1919 г.), фиксируя в нем свои встречи с известными людьми, словесные портреты разных лиц, размышления об общественно-политической жизни страны, отклики на происходящие события, слухи, разговоры и многое другое. «С. И. Смирнова (Сазонова) чуть ли не с детства ведет дневник. Прославится», — отмечал в 1907 г. А. С. Суворин⁸.

Дневник писательницы, хранящийся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (РО ИРЛИ РАН), хорошо известен исследователям⁹. Отдельные фрагменты дневника, освещающие жизнь известных актеров, драматургов, публицистов и писателей, использовались в работах историков театра¹⁰, исследователей русской литературы и журналистики¹¹, публиковались в книгах и статьях, посвященных театральному миру Петербурга¹². Специалисты по политической истории России обращаются к дневнику реже, исключение составляют, пожалуй, лишь работы О. А. Патрикеевой, которая использовала дневниковые записи Смирновой-Сазоновой при изучении истории Государственной думы Российской империи уже не столько как писательницы, сколько как журналистки и публицистки¹³.

⁶ Головин К. Ф. Русский роман и русское общество. 3-е изд. СПб., [1914]. С. 477.

⁷ Венгеров С. А. Указ. соч. С. 531.

⁸ Суворин А. С. Дневник. М., 1992. С. 398.

⁹ Кравченко Я. П. Дневник С. И. Смирновой-Сазоновой как пример женской стратегии саморепрезентации // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. 2002. № 4. С. 82–86.

¹⁰ Гордеев П. Н. Государственные театры в 1917 году. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2020.

¹¹ Гитович Н. И. Записи о Чехове в дневниках С. И. Смирновой-Сазоновой // Литературное наследство. Т. 87. М., 1977. С. 304–318; Мостовская Н. Н. Достоевский в дневниках С. И. Смирновой // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4. С. 271–278; Макарова О. Е. А. С. Суворин в дневниках С. И. Смирновой-Сазоновой. Ч. 1 // Новое литературное обозрение. 2014. № 6 (130). С. 112–140; Ее же. А. С. Суворин в дневниках С. И. Смирновой-Сазоновой. Ч. 2 // Новое литературное обозрение. 2015. № 1 (131). С. 167–184.

¹² Вера Федоровна Комиссаржевская: Письма актрисы, воспоминания о ней, материалы / ред.-сост. А. Я. Альтшуллер. Л., 1964; Данилова Л. С., Сомина В. В. Евтихий Павлович Карпов. По материалам «Дневника» С. И. Смирновой-Сазоновой // Театрон. Научный альманах Санкт-Петербургской академии театрального искусства. 2010. № 2. С. 14–37.

¹³ Патрикеева О. А. Повседневная жизнь Государственной думы России (по неопубликованным дневникам С. И. Смирновой-Сазоновой. 1906–1917 гг.) // Новейшая история России. 2015.

Однако из-за большого объема дневника он до сих пор целиком не опубликован и многие интересные сюжеты из него не введены в научный оборот. При этом наименее повезло страницам из дневника Смирновой-Сазоновой, касающимся событий XX в. По сравнению с периодом 1870–1890-х гг. они изучены исследователями значительно хуже. А между тем реакция талантливой консервативной публицистки ведущей газеты Российской империи «Новое время» на революционные потрясения 1905–1907 гг. представляется не менее важной и интересной, чем ее записи предшествующей поры. «Фельетоны Смирновой, — отмечал современник, — отличает тонкий анализ “языка революции” и небезуспешные попытки разрушить хитросплетения политической демагогии, точность исторических прогнозов»¹⁴. «Если бы Вы были радикалкой, Вы попали бы в историю... но в “Вашем” лагере, увы, бессмертия нет», — говорил писательнице известный русский мыслитель В. В. Розанов¹⁵.

В рамках данной публикации авторы затрагивают лишь один из сюжетов, касающийся политических событий периода Первой российской революции, а именно отношения С. И. Смирновой-Сазоновой к «Союзу 17 октября» и ее лидеру А. И. Гучкову.

Ход и результаты исследования. Первая российская революция изменила жизнь Российской империи. Она привела к появлению Государственной думы и политических партий, выборов и сопровождавшей их активной агитации. Ослабла цензура, что способствовало появлению множества новых периодических изданий и развитию публицистики. Общество все активнее вовлекалось в политику. В этот период возникла одна из наиболее известных и влиятельных партий Российской империи — «Союз 17 октября». Ее становление и деятельность в первые годы своего существования вызывают значительный интерес у исследователей¹⁶. Современники революции, интересовавшиеся политикой, также уделяли внимание октябристам. Значительное место эта партия и ее лидер занимают в дневниковых записях С. И. Смирновой-Сазоновой за 1905–1907 гг.

Смирнова-Сазонова внимательно следила за ходом революции 1905 г. и порожденными ею процессами, фиксируя свои мысли и переживания на страницах дневника. Записи в свой дневник она, вероятно, заносила день в день.

№ 2 (13). С. 133–141; *Ее же*. Государственная дума Российской империи на страницах газеты «Новое время» // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 1. С. 160–168; *Ее же*. «Дума не имеет смысла без прессы»: роль газеты «Новое время» в становлении парламентской журналистики в России (1906–1917 гг.) // Клио. 2015. № 1 (97). С. 106–111; *Ее же*. Государственная дума России начала XX в. по неопубликованным дневникам С. И. Смирновой-Сазоновой // Архивы и история Российской государственности: сб. науч. докладов. СПб., 2015. С. 204–209.

¹⁴ Цит. по: *Панфилов А. Ю., Гучков С. М.* Указ. соч. С. 680.

¹⁵ Цит. по: *Патрикеева О. А.* Повседневная жизнь Государственной думы России. С. 133.

¹⁶ *Шелохаев В. В.* Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987; *Шандулин Е. В.* Партия «Союз 17 октября»: процесс идеологического самоопределения: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2004; *Соловьев К. А.* Союз 17 октября. Политический класс России: взлет и падение. М., 2023.

Среди всех дат, относящихся к исследуемому периоду, пропущена лишь одна — 31 марта 1907 г. А 1 апреля в дневнике появилась следующая запись: «Забыла вчера дневник написать, да и не о чем писать было»¹⁷. Таким образом, восстанавливать события вчерашнего дня и записывать их в дневник автор не собиралась. Это подтверждает и другой факт. 12 января 1905 г. Смирнова пишет о своей уверенности в том, что писатель и общественный деятель В. С. Кривенко выступал в городской думе за созыв народного представительства, а на следующий день отмечает, что такого не было. 14 января, после разговора с Кривенко, она утверждает, что описанное ею выше выступление депутата оказалось правдой¹⁸. Фиксация изменения собственной точки зрения подтверждает то, что события записывались в тот же день, что и произошли.

Смирнова-Сазонова не планировала публиковать свои дневниковые записи, знакомить с ними широкий круг читателей. Об этом свидетельствует огромное количество сокращений, малозначащих имен, разобраться в которых порой крайне сложно. Она использовала дневник как писательскую копилку фактов, впечатлений, мыслей; время от времени перечитывала его сама или читала избранные места из дневника родным¹⁹. Таким образом, дневник писался ею для личных целей, а не для широкой публики.

В период Первой российской революции Смирнова-Сазонова много пишет о волнениях рабочих, информацию о которых получает от брата С. И. Смирнова — директора Путиловского завода. Уже в первые дни потрясений писательница выражает уверенность в том, что стране необходимы изменения. 12 января 1905 г. она писала: «Боже, какой сумбур! Войска стреляют в своих, новый генерал-губернатор закрывает рабочие союзы, идут аресты, [Д. Ф.] Трепову даже дали полномочия высылать людей без суда и следствия, а тут рядом дума просит конституции, тайные советники вносят это предложение, и вся Россия требует того же, кричит: так больше жить нельзя!»²⁰ Мнение о необходимости перемен, которые часто связывались с введением народного представительства не покидали журналистку и в дальнейшем²¹. Издание Манифеста 17 октября Смирнова-Сазонова встретила с воодушевлением. Накануне его выхода она писала о скором даровании «настоящей, европейской конституции», а позже поздравляла с этим событием своих близких²². «...Возврата к старому нет. Его убила не революция, а несчастная война. Она раскрыла все язвы России и сделала невозможными прежние порядки. Когда говорят о разбитых цепях рабства, то забывают, что их разбили Цусима, Мукден, Порт-Артур. Вот откуда началось наше освободительное движение, а революция не только не ускорила, но затормозила его, — писала Смирнова-Сазонова

¹⁷ Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук (РО ИРЛИ РАН). Ф. 285. Оп. 1. Д. 50. Л. 263.

¹⁸ Там же. Д. 45. Л. 559, 565, 570–571.

¹⁹ Там же. Д. 51. Л. 194; Д. 52. Л. 134, 176.

²⁰ Там же. Д. 45. Л. 560.

²¹ Смирнова С. Царство толпы // Новое время. 1905. 20 июля (2 августа).

²² РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 47. Л. 236, 287.

в одном из своих фельетонов. — Если б не “товарищи” с бомбами, не беснующаяся печать и не буйный митинг, называвший себя Думой, у нас был бы теперь парламент, свобода слова (но не сквернословия) и не было бы военно-полевых судов»²³. В этот период Смирнова-Сазонова сотрудничала с умеренно-правой Партией правового порядка, написала для нее воззвание²⁴. При этом журналистка относилась к черносотенцам²⁵, но данное понятие трактуется ею достаточно широко. К черносотенцам Смирнова-Сазонова в 1905–1907 гг. относит и октябристов, включая лидера партии А. И. Гучкова²⁶. Отвечая на обвинения ее кадетской печатью в единомыслии с вождями черной сотни, писательница заявляла: «С доктором [А. И.] Дубровиным и г. [В. А.] Грингмутом у меня по вопросу о конституции и по многим другим вопросам ничего общего нет, но у меня есть с ними общее то, что мы принадлежим к национальной партии. И я не вижу, почему одесский еврей [О. Я.] Пергамент должен быть ближе русскому человеку, чем доктор Дубровин»²⁷.

Первые упоминания октябристов в дневнике писательницы относятся к декабрю 1905 г. 6 декабря она сделала запись, в которой отмечала, что промышленники и заводчики заключают соглашение с «Союзом 17 октября» и «главным руководителем» у них будет председатель Санкт-Петербургской городской думы М. В. Красовский²⁸. А спустя 20 дней, назвав Красовского «председателем Союза 17 октября», Смирнова-Сазонова отметила, что получила от него письмо с приглашением начать сотрудничество с ежедневной газетой «Новый путь», ставшей в 1906 г. фактическим печатным органом петербургского отделения партии октябристов²⁹.

Наблюдая за деятельностью представителей различных политических партий, Смирнова-Сазонова в начале февраля 1906 г. отмечала, что на одном из собраний, на котором «кадеты состязались с социал-демократами», от «Союза 17 октября» выступил «какой-то плохой оратор». Октябристы, свидетельствует автор дневника, обращались к публике со словами «милостивые государи и государыни», кадеты просто говорили «господа», а рабочие — «милостивые рабыни и рабы»³⁰. Спустя несколько дней Смирнова-Сазонова посвятила несколько строк своему коллеге — правоведа, корреспонденту «Нового времени» в Государственной думе, члену Литейного участкового комитета «Союза 17 октября» в Петербурге А. А. Пиленко, отметив, что тот «ходит на собрания “кадетов”, слушает [Ф. И.] Родичева и подмечает его слабые стороны, чтобы,

²³ Смирнова С. Ответ нашим уважаемым // Новое время. 1906. 24 ноября (7 декабря).

²⁴ Шевцов А. В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1998. С. 195, 199.

²⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 49. Л. 434; Д. 47. Л. 474–475.

²⁶ Там же. Д. 49. Л. 292.

²⁷ Смирнова С. Ответ нашим уважаемым.

²⁸ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 47. Л. 467.

²⁹ Там же. Л. 552.

³⁰ Там же. Д. 48. Л. 137–138.

дав ему досыта наговориться, выпустить все заряды, потом когда-нибудь со временем сразиться с ним»³¹. По мнению Смирновой, Пиленко, став октябристом, вместе с тем «хочет повернуть влево всю партию», а так как ему мешает Красовский, то он «старается спихнуть его»³². Возвращаясь к политическим взглядам Пиленко в апреле 1906 г., писательница оставила в дневнике следующую запись: «Пиленко держит себя с апломбом крупного политического деятеля. Про Гучкова говорит, что если он пойдет в министры, то он, Пиленко, вышвырнет его из Союза 17 октября. Говорит это злобно и решительно. Член партии не смеет без ее согласия принимать министерский пост»³³.

В декабре 1906 г., передавая рассказ дочери Л. Н. Сазоновой-Шуваловой, артистки Александринского театра, посетившей по приглашению Пиленко³⁴ «турнир» октябристов с кадетами, состоявшийся в Тенишевском училище в Петербурге, журналистка писала: «Он (Пиленко. — *Авт.*) сам там говорил... лучше всех. <...> Октябристы Любе не понравились, кадеты их забили. Первый [Ю. Н.] Милютин, говорил так, что Люба чуть не заснула. Из них один только говорил хорошо — [Л. В.] Половцов. Этот еще кадетов пощипал. Отвечали ему [Ф. И.] Родичев, [П. Н.] Милуков, [И. В.] Гессен, [Н. А.] Гредескул. Все они начинали с благодарностей, что теперь, когда правительство их преследует и не разрешает их собраний, октябристы зовут их к себе и этим дают возможность говорить»³⁵.

При этом, по мнению Смирновой, альянс между «Союзом 17 октября» и кадетами был в те дни решительно невозможен, так как последние относились к октябристам враждебно. Побывав на заседании Государственной думы 4 мая 1906 г., журналистка сделала в дневнике следующую запись: «Весь день провела в Думе. <...> Обсуждался ответ на тронную речь. Шли мелкие поправки по отдельным статьям, но говорили много и долго. Всех почти выдающихся ораторов слышали. Чаще всех выступал Ковалевский, которого называли почтительно по имени, Максим Максимович, но преисправно проваливали его предложения. Он из партии демократических реформ, которая состоит из 10 человек, к кадетской не принадлежит. Одну его поправку очень дельную, провалили только потому, что ее поддержал граф [П. А.] Гейден. С октябристами кадеты идти заодно не хотят»³⁶.

По свидетельствам Смирновой-Сазоновой Пиленко регулярно критиковал руководство партии октябристов, указывал на их бездеятельность, требовал от них постоянного отчета, за что в итоге поплатился членством в партии.

³¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 47. Л. 156.

³² Там же.

³³ Там же. Д. 48. Л. 310–311.

³⁴ Как отмечает О. А. Патрикеева, «с А. А. Пиленко Софью Ивановну связывали непростые отношения: долгое время в него была безответно влюблена ее дочь Люба» (*Патрикеева О. А. Повседневная жизнь Государственной думы России. С. 135*).

³⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 49. Л. 485–486.

³⁶ Там же. Л. 415–416.

«...Пиленко поехал на третейский суд, — записала в дневнике Смирнова-Сафонова. — Октябристы в своих листках назвали его лжецом. Он за это судится с ними. <...> Пиленко так озабочен этим судом, что имеет вид рассеянный и удрученный»³⁷.

Интересно наблюдение Смирновой-Сафоновой, что в провинции отделы «Союза 17 октября» сильно отличались по своему духу от столичных. «В провинции, по-видимому, Союз 17 октября совсем не то, что здесь и в Москве, там он гораздо правее, — отмечала она 14 февраля 1906 г. — Краевский, например, одновременно и в Союзе, и член Русского собрания»³⁸. Позже, вернувшись к той же теме, писательница, передавая мнение одного из ее собеседников об октябристах, записала в дневнике: «В столице у них одна программа, а в провинции другая. В столице они за равноправие евреев, а в провинции и слушать об этом не хотят. Там ненависть к евреям объединяет все правые партии»³⁹. Это наблюдение подтверждается и современными исследователями. «...Региональные комитеты партии заметно отличались друг от друга, что сказывалось на их избирательной стратегии. Кто-то был правее Центрального комитета “Союза 17 октября”, кто-то левее. Кто-то больше напоминал черносотенцев, а кто-то — кадетов. В ряде случаев октябристам сложно было нащупать границу, отделявшую их от правых», — отмечает К. А. Соловьев⁴⁰.

А. И. Гучков обратил внимание на Смирнову-Сафонову после ее очередного фельетона в «Новом времени» — «Наши демократы»⁴¹. Статья была посвящена критике кадетской партии. В ней Смирнова-Сафонова, сравнивая кадетов с редиской («красные снаружи, но белые внутри»), отмечала, что «невинная редиска оказалась ядовитой» и «отравила всю Россию»⁴². Акцентируя внимание на том, что кадеты стараются осуществить революцию чужими руками («посылая на бунт других, сами никогда участия в нем не принимают»), публицистка писала: «Сами по себе люди безобидные, прекрасные юристы, профессора, образцовые земцы, может быть чудные мужья и отцы семейства, кадеты, как политическая партия, внесли в нашу политическую жизнь разлагающее, прямо растлевающее начало. Прежде всего они благословляли убийство, объявив, что террористы — это люди с сильно развитым нравственным чувством и что среди политических убийц трудно отличить безумцев от святых. Благословляя на убийство маньяков, своих тайных союзников в борьбе с правительством, они поощряли их прославлением их подвигов и обещанием им безнаказанности, т. е., полной амнистии»⁴³. Антикадетский пафос статьи явно пришелся по душе лидеру октябристов, поскольку на выборах

³⁷ Цит. по: *Патрикеева О. А.* «Дума не имеет смысла без прессы». С. 107.

³⁸ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 48. Л. 182.

³⁹ Там же. Д. 49. Л. 425.

⁴⁰ *Соловьев К. А.* Союз 17 октября. С. 134.

⁴¹ *Сминова С.* Наши демократы // Новое время. 1906. 10 (23) октября.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

в I Государственную думу в Москве кандидаты от «Союза 17 октября» потерпели фиаско: Гучков, Д. Н. Шипов, Ф. Н. Плевако были забаллотированы и все три места в Думе достались кадетам⁴⁴. Весьма вероятно, что внимание Гучкова также привлекло категорическое неприятие Смирновой-Сазоновой революционного терроризма, ведь именно в это время, в период предвыборной кампании во II Государственную думу, лидеры октябристов делали упор на борьбу с террором⁴⁵.

Близкие взгляды на этот вопрос послужили поводом к сотрудничеству. 11 октября 1906 г. состоялось очное знакомство Смирновой-Сазоновой с лидером октябристов. В тот же день она записала в дневнике: «...Вечером перед отъездом в Москву Гучков заехал ко мне. Он совсем не имеет вид агитатора, главы партии. Худощавый брюнет, с выразительным, но усталым лицом, он говорит спокойно, голос у него тихий. Выпил у меня стакан чаю. В ненависти к лживости кадетов мы с ним сошлись. Я ему напомнила, что слова [К.] Берне, что, не имея в своей партии мошенников, трудно рассчитывать на успех. Советовала и октябристам завести у себя парочку другую мошенников»⁴⁶. В ходе разговора между политиком и журналисткой также был затронут вопрос о I Государственной думе и избирательном законе. «По поводу плохого избирательного закона Государь сказал Гучкову, что он был прав, когда критиковал его. Но теперь уже переделывать его поздно. В основной закон внесли, что переделывать избирательный закон может только Дума. Решено произвести выборы по-старому. Но если вторая Дума будет также плоха, или даже хуже первой, тогда ее быстро распустят, не станут ждать, пока она натворит бед, и тогда уже изменят закон о выборах»⁴⁷.

Спустя две недели Смирнова-Сазонова, комментируя полученное от Гучкова письмо, выражала удовлетворение, что лидера октябристов не испугали ее более правые, чем у него, взгляды. «Письмо Гучкова особенно обрадовало меня, — отмечала журналистка 26 ноября 1906 г. — Я боялась, что он за черносотенную агитацию осуждает меня, а он мой “ответ нашим уважаемым” находит великолепным»⁴⁸. Здесь следует отметить, что во время революции

⁴⁴ Малышева О. Г. А. И. Гучков — «излюбленный человек Москвы»: штрихи к портрету политика // Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. науч. статей: в 2 ч. Ч. 1. СПб., 2021. С. 186–187.

⁴⁵ Портнягина Н. А. «Нельзя совместить конституцию с насилием...»: взгляды октябристов на террор в период революции 1905–1907 гг. // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 2. С. 192.

⁴⁶ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 49. Л. 287–288. Интерес представляет и характеристика Гучкова, записанная Смирновой-Сазоновой со слов ее гостя С. А. Котляревского «...Он (Гучков. — Авт.) совсем не боится смерти, напротив, он всю жизнь как будто искал ее. Он ездил в самые опасные места, например, во время армянской резни в Турции он вдвоем с братом своим Федором, военным, объехал верхом те провинции, где шла резня, рискуя каждую минуту сам быть зарезанным» (Там же. Д. 50. Л. 8–9).

⁴⁷ Там же. Д. 49. Л. 295.

⁴⁸ Там же. Л. 423.

писательница опубликовала в «Новом времени» несколько очерков в защиту черносотенного движения⁴⁹. В одном из них, рассуждая о черной сотне, она отмечала, что оппозиционные и революционные силы «окрестили этим именем все, что активно им противодействует», и «по мере того, как сопротивление им растет, как пробуждается в русском обществе негодование против самозванцев, выдающих себя за лучшую, мыслящую часть России, рамки черной сотни все раздвигаются, и она делается тем, чем она должна быть — русской народной партией»⁵⁰. Но особенную популярность в монархических кругах получила ее статья «Черная сотня», растиражированная многими черносотенными газетами и изданная отдельной брошюрой⁵¹. За этот фельетон Смирнова-Сазонова получила несколько благодарственных писем от отделов Союза русского народа (СРН). В них выражалась признательность за «истинное освещение “Черной сотни”»⁵². Лидеры СРН А. И. Дубровин и В. М. Пуришкевич, как пишет в дневнике журналистка, даже собирались приехать и лично поблагодарить ее, преподнеся в подарок малахитовую чернильницу, но встреча не состоялась⁵³. Кадетская «Речь» отмечала, как на митинге СРН в Михайловском манеже черносотенцы «особенно охотно брали нововременский фельетон г-жи Смирновой, отпечатанный в виде отдельной брошюры»⁵⁴. «Черная сотня — это кошмар революции, — писала Смирнова-Сазонова. — <...> Сделать ее смешной и презренной, как ни старалась об этом печатать... не удалось. Когда кричали черносотенцам: “Вы отбросы, подонки, хулиганы!”, — они отвечали: “Вы нас ненавидите, потому что вы нас боитесь. Наша сила в той кровной, вековой связи с русским народом, которой нет у вас. У нас все с ним общее — вера, предания, история, нам одинаково дорого имя России; мы все, бедные и богатые, сильные и слабые, знаем, что мы дети одной матери”. <...> Черная сотня тем и страшна еврейству, что она в стойкости не уступает ему. В ней барин и босяк охвачены одним чувством — горячей любви к родине. Отдавать ее на поток и разграбление инородцам они не хотят. За русскими есть огромная нравственная сила — вера в свою родину. И она не обманет их»⁵⁵. Защищая черносотенцев от многочисленных обвинений в насилии, звучавших со страниц либеральной и революционной печати, Смирнова эмоционально писала: «Революция остолбенела, когда с нею заговорили вдруг ее языком. До сих пор никто еще не осмеливался так отвечать ей. Когда она называла монархистов “гадами земли русской”, она никак не ждала,

⁴⁹ Смирнова С. Черная сотня // Новое время. 1906. 16 (29) ноября; *Ее же*. Ответ нашим уважаемым // Новое время. 1906. 24 ноября (7 декабря); *Ее же*. Погромная литература // Новое время. 1907. 10 (23) января; *Ее же*. Наши законодатели // Новое время. 1907. 12 мая.

⁵⁰ Смирнова С. Ответ нашим уважаемым // Новое время. 1906. 24 ноября (7 декабря).

⁵¹ Смирнова С. Черная сотня. СПб., 1906.

⁵² РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 245. Л. 1.

⁵³ Там же. Д. 49. Л. 430–431.

⁵⁴ Собрание Союза русского народа // Речь. 1906. 28 ноября (11 декабря).

⁵⁵ Смирнова С. Черная сотня. С. 13–15.

что они крикнут ей в ответ: “Берегитесь, красноглазые, мы с вами расправимся судом Линча”!»⁵⁶ Кадеты за этот фельетон набросились на именитую писательницу, заявив о том, что она «лживо очищает черносотенцев от обвинения в погромах, уверяя, что погромы возникли стихийно, под влиянием естественного озлобления населения» и участвует во «лживой и клеветнической кампании против всех здоровых сил страны»⁵⁷. Лидер же октябристов отнесся к этой публикации Смирновой-Сазоновой весьма благосклонно.

Выступая сторонницей объединения всех контрреволюционных сил, от черносотенцев до октябристов («все русские партии должны сплотиться»⁵⁸), Смирнова-Сазонова сетовала в конце ноября 1906 г. на то, что «правые партии друг против друга подкапываются»⁵⁹. Комментируя иронические отклики на устроенный 26 ноября 1906 г. Союзом русского народа (СРН) многолюдный митинг в Михайловском манеже, на котором при участии протоиерея Иоанна Кронштадтского состоялось торжественное освящение хоругви и знамени этой черносотенной организации, Смирнова-Сазонова замечала, что написала Гучкову о том, что «монархисты поступают очень умно, они бьют толпу по воображению. Левые поднимают ее марсельезой, а они гимном и молитвами. Фанатики во время революции нужны, это драгоценные союзники. А правовой порядок (Партия правового порядка. — *Авт.*) и октябристы этого не понимают»⁶⁰.

При этом 1 декабря 1906 г. Смирнова-Сазонова отмечала, что Гучков заверил ее, что относится к черносотенцам положительно: «Гучков мне пишет, что он о черной сотне всегда был хорошего мнения»⁶¹. А 27 декабря она получила от лидера октябристов письмо, в котором тот благодарил писательницу за ее антиреволюционные тексты⁶². Прочитав фельетон «Черная сотня», Гучков писал Смирновой-Сазоновой в конце ноября 1906 г.: «Год тому назад, на ноябрьском съезде земских и городских деятелей я указывал кадетам в ответ на их вопли против черносотенных погромов, что это движение при всей жестокости и уродливости форм является только здоровой реакцией народного организма против эксцессов революции. Есть одна черта в этом движении, которая меня подкупает. Преобладающий состав этих “сотен”, несомненно, демократический; это совсем не те люди, которым жилось сладко при старом порядке, на своем хребте выносили они все грыжи этого строя»⁶³. Смирнова-Сазонова и самого Гучкова относил в те дни к черной сотне. Узнав о том, что актриса В. Ф. Комиссаржевская «охладела» к «Союзу 17 октября», она написала: «Еще бы! Он (Гучков. — *Авт.*) черносотенник, а она республиканка...»⁶⁴.

⁵⁶ Смирнова С. Черная сотня. С. 8.

⁵⁷ Изгоев А. С. Промышляющие ложью... // Речь. 1906. 19 ноября (2 декабря).

⁵⁸ Смирнова С. Черная сотня. С. 15.

⁵⁹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 49. Л. 424.

⁶⁰ Там же. Л. 424–425.

⁶¹ Там же. Л. 437.

⁶² Там же. Л. 528.

⁶³ Там же. Д. 119. Л. 2–2 об.

⁶⁴ Там же. Д. 49. Л. 292.

Лидер октябристов, проявив интерес к публицистическому творчеству Смирновой-Сазоновой, предложил ей опубликовать избранные статьи отдельным сборником. Не без оснований считая влиятельное «Новое время» дружественным по духу изданием, лидеры октябристов рассчитывали привлечь его лучших публицистов в свои ряды. В «Союз 17 октября» вступили известные «нововременцы» — А. А. Столыпин (брат премьера), А. А. Пиленко, Л. Л. Толстой (сын писателя); публицист Н. А. Демчинский предложил октябристам свои услуги в деле агитации и пропаганды⁶⁵. Как справедливо отмечает современный исследователь, «поражение октябристов на первых [думских] выборах заставило их в корне пересмотреть отношение к пропагандистскому аспекту своей деятельности, активизировало поиск литературных союзников»⁶⁶. В связи с этим Гучков, указывая А. С. Суворину на «агитационные сокровища», накопленные «Новым временем», просил издателя этой влиятельной газеты выпустить отдельными книжками сборники некоторых «нововременцев», особенно выделив «Маленькие письма» самого Суворина, статьи А. А. Столыпина, М. О. Меншикова и С. И. Смирновой. «Вы оказали бы громадную услугу делу воспитания нашего общественного мнения и дали бы нашему брату, практическому политику, драгоценнейшее оружие в руки», — писал Гучков Суворину 23 августа 1906 г.⁶⁷ А через три месяца, 25 ноября Гучков, обращаясь к Смирновой-Сазоновой с предложением издать сборник ее статей, заверял писательницу: «Поверьте мне, барахтающемся в политической борьбе, что такой сборник, изданный перед выборами, мог бы послужить превосходным агитационным средством»⁶⁸. В декабре того же года Суворин принял решение об издании сборника «нововременских» статей Смирновой-Сазоновой. «Гучков написал Суворину, что мои статьи имеют громадный успех, что они нужны для агитации, и потому он просит Суворина издать их отдельным сборником, — писала Смирнова-Сазонова 3 декабря 1906 г. — Суворин переслал мне это письмо и пишет, что он готов издать мои фельетоны»⁶⁹. Однако журналистка сомневалась в необходимости такого переиздания. «...Издавать свои фельетоны мне не хочется. Кому нужны старые статьи? Но теперь уже неловко перед Гучковым», — отмечала она⁷⁰. «Гучков мне пишет, — отмечала Смирнова-Сазонова 14 декабря 1906 г., — что берет для “Союза” 10 т[ыс]. экземпляров моей брошюры, но под условием, что она будет выслана им немедленно. <...> Я наскоро читаю корректуру, переделываю конец, иду в типографию»⁷¹. В итоге, при финансовой поддержке А. И. Гучкова⁷²

⁶⁵ Зябликов А. В. «Союз 17 октября» и «Новое время» // Интеллигенция и мир. 2009. № 2. С. 63.

⁶⁶ Там же. С. 65.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Цит. по: Шевцов А. В. Указ. соч. С. 172.

⁶⁹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 49. Л. 447.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. Л. 473.

⁷² Там же.

сборник фельетонов Смирновой-Сазоновой вышел в свет⁷³. После выхода сборника Гучков с благодарностью писал Суворину о том, как важна эта книга накануне выборов во II Государственную думу, «подчеркивая ее пропагандистскую ценность не только для октябристов, но и для правых партий»⁷⁴.

Лидер «Союза 17 октября» также приглашал писательницу к сотрудничеству с рупором партии — газетой «Голос Москвы»⁷⁵. «Вы должны знать, как трудно молодой газете, да еще не хулиганского направления, пробивать себе дорогу, — сетовал лидер октябристов 9 апреля 1907 г. в письме к Смирновой. — Тем не менее мы медленно, но все же завоевываем себе аудиторию. Это иной круг читателей, чем тот, к которому обращается “Новое время”. Это более средний, серый, но и более отзывчивый и в политическом отношении более интересный круг»⁷⁶. Почти все письма лидера октябристов к журналистке посвящены просьбе написать что-нибудь для его газеты. «Гучков издает новую газету “Голос Москвы”. На днях выпускает первый номер. Просит, чтобы я сотрудничала», — отметила Смирнова-Сазонова 12 декабря 1906 года⁷⁷. «Глубокоуважаемая Софья Ивановна, — писал Гучков в декабре 1906 г. — На этих ближайших днях предполагаю выпустить первый номер нашей газеты “Голос Москвы”. Усердная просьба дать свое имя в качестве сотрудника и свое действительное сотрудничество. Особенно поддержите нас на первое время»⁷⁸. Но переписка и совместная работа Гучкова со Смирновой-Сазоновой оказались непродолжительными. За период с октября 1906 по лето 1907 г. лидер октябристов отправил писательнице восемь писем, после чего общение между ними, судя по всему, прекратилось. За это время С. И. Смирнова-Сазонова опубликовала в «Голосе Москвы» только одну статью — «Неизвестные»⁷⁹. Причем сама автор невысоко оценивала данную работу: «Провалилась со своим фельетоном. Люба (дочь Смирновой-Сазоновой. — *Авт.*) прямо нашла его неудачным, Ляля (неустановленное лицо. — *Авт.*) молчала, одна Нат[алья] (сестра Смирновой-Сазоновой. — *Авт.*), которая на половине заснула, сказала, что ей понравилось. Это мягко написано, совсем не так как я пишу для “Нового времени”, но для “Голоса Москвы”, по ее мнению, так и нужно. Но дело в том, что интересную тему о “Неизвестных”, которые теперь хозяйничают в России, я выполнила очень плохо. Я разбросалась, сказала много лишнего и не сказала нужного»⁸⁰.

Однако продолжительной и продуктивной работы с Гучковым и октябристами у Смирновой-Сазоновой не получилось. 18 декабря 1906 г. она отмечала в дневнике: «...Меня разозлил Гучков. То настойчиво просит моего сотрудничества,

⁷³ Смирнова С. И. Борцы за свободу: сб. фельетонов. СПб., 1907.

⁷⁴ Ябליков А. В. Указ. соч. С. 65.

⁷⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 49. Л. 469.

⁷⁶ Цит. по: Шевцов А. В. Указ. соч. С. 175.

⁷⁷ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 49. Л. 469.

⁷⁸ Там же. Д. 119. Л. 4.

⁷⁹ Смирнова С. И. Неизвестные // Голос Москвы. 1907. 16 сентября.

⁸⁰ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 51. Л. 72.

а теперь вдруг пишет: “присылайте ваши статьи, но имейте в виду наш несколько более левый против «Нового времени» характер”. Во-первых, тон письма такой, как будто я ему набивалась со своими статьями, а потом что же он думает? Что я в левой газете буду писать одно, а в правой другое? Я ему ответила, что пишу только о том, в чем убеждена, во что верю сама, а будет ли это левое или правое, я никогда об этом не думаю. И в виду этого, пожелав всякого успеха его газете, отказалась от удовольствия сотрудничать в ней. Но ответила в очень деликатной форме и поблагодарила за распространение моей брошюры. Он пишет: “мы создадим ей большой успех”⁸¹. Несколько дней спустя Смирнова-Сазонова, получив очередное письмо от Гучкова, констатировала: «Я не ошиблась, что он боится моего сотрудничества. Сгоряча пригласил меня, а потом испугался. Он хоть и пишет мне, что я понапрасну на него рассердилась, но уже больше не зовет писать в его газете. “Я ведь не боюсь вас, вас целиком. Но в вашем таланте, в ваших симпатиях и антипатиях есть стороны, которые наши противники будут эксплуатировать в своих интересах”. Словом, он радехонек, что я отказалась от сотрудничества в “Голосе Москвы”»⁸².

Между тем разочарование Смирновой-Сазоновой в октябристах и их лидере становилось все сильнее. «Газету его (Гучкова) Котляревский ругает, как безнадежно бездарную. В прошлом году Котляревский наметил ему сотрудников, но после того, как Гучков одобрил военно-полевые суды, никто из них к нему не идет», — отмечала она 9 января 1907 г.⁸³ Описывая свои впечатления от посещения собрания «Союза 17 октября», состоявшегося 4 февраля 1907 г., журналистка писала: «Я на собрание явилась без повестки. Студент-распорядитель не хотел меня пропускать. Я ему предъявила свою карточку, на которой приписала, что я сотрудница “Нового времени”. Пропустил. Собрание октябристское, поэтому полиции не видно. На улице, однако, городской, в зале пристав. Зала не полна. У левых говорят не то. Там все битком, часть публики остается на улице. <...> Первый говорил [П. С.] Чистяков. Из его речи я узнала, что он адвокат, что в адвокатуре много евреев, но все они относились к нему корректно, что ему 45 лет и потому он октябрист, но, если бы ему было 20, он бы был социалист. Он хвалил левых, хвалил евреев, не понимал только кадет, но не помню уже, в чем именно он не понимал их»⁸⁴. Последовавшее затем выступление своего коллеги Смирнова-Сазонова описала так: «...Вышел Пиленко и был как оперный тенор встречен аплодисментами. “Я очень рад такой встрече, — сказал он, — не потому, что мне аплодируют, а потому что это доказательство, что мои старания не пропали даром”. А его старания утопить октябристов. И пошел их трепать. Говорил он с юмором и вызвал взрыв восторга. Вынимал и читал разные документы, большей частью воззвания правых партий, делал

⁸¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 49. Л. 502.

⁸² Там же. Л. 514.

⁸³ Там же. Д. 50. Л. 9.

⁸⁴ Там же. Л. 90.

к ним разные комментарии, ссылаясь и на Петра Великого, и на Николая I, рассказал анекдот о простынях с ажурными метками: на одних были метки Х. Г., на других Г. Г. Х. Г. — это хорошим гостям, Г. Г. — гадким гостям. Налепил эти метки на программы правых партий. И все приставал к октябристам, как они будут бороться за конституцию, если правительство будет ее нарушать. Когда он обругал октябристов, а зала задрожала от рукоплесканий, он обернулся к президиуму. “Вы слышите?” Аплодисменты удвоились. Он пожелал октябристам, чтобы они также провалились и на выборах. И уходя, сказал, что больше он к ним не придет. Не мудрено, через 2 дня выборы. Я ждала, что ему ответит [А. В.] Бобрищев-Пушкин, которого он с особой злобой задевал. Но отвечал Милютин. Этому кричали “Громче!” Он продолжал что-то мямлить. Тогда с дальних скамеек закричали: “Говори шибче!” Теперь я увидела, что левые газеты были правы, что октябристы с треском проваливаются на собственных собраниях. Нельзя с такими ораторами иметь успех»⁸⁵.

Сравнивая стиль выступлений октябристов и их политических противников, Смирнова-Сазонова находила, что хотя октябристы «умнее» кадетов и социалистов, но выступают блекло, не умея увлечь слушателей. Описывая то же собрание, она приводила следующий эпизод: «Но вот вышел <народный социалист В. А.> Мякотин. Гром аплодисментов. Он также бездарен, но порол радикальную чепуху, и зал устроил ему овации. После него вышел октябрист <С. Ф.> Бельский и говорил гораздо умнее, но мякотинская шайка с первого же слова крикнула “довольно” и шумно повалила из зала. Оставшаяся публика слушала Бельского, который объяснял ей, что дать сейчас России парламентское министерство — это значит отдать ее во власть партии. Кончил, жидкие аплодисменты. Вышел <кадет А. М.> Коллюбакин опять все захлопали и застучало. Началась та же радикальная канитель, которой я уже до тошноты читалась в еврейских газетах. Мне стало скучно, и я ушла. Если лавочники так ораторам хлопают, дело плохо. Толпа заряжена и ничем кроме наглядного обучения ее не проймешь. Надо чтобы она прошла через анархию, испытала ее на своей шкуре. Стало не только скучно, но и больно. Свою статью о предвыборных собраниях я решила бросить, всякая охота писать пропала. К чему? Для кого? Левые нас не читают, толпа и подавно»⁸⁶.

Разочарование Смирновой-Сазоновой в октябристах шло в общем русле изменения отношения к ним «Нового времени». Как отмечает современный автор, «в мае – июне 1907 г. А. С. Суворин вел ожесточенную критику практически всех аспектов и направлений деятельности “Союза 17 октября”, не забывая, впрочем, сделать оговорку, что это проистекает из желания партии добра»⁸⁷. Суворин обвинял октябристов в маниловщине, вялости и пассивности, упрекал за отсутствие четкой политической доктрины и за заигрывание с кадетами.

⁸⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 51. Л. 89–91.

⁸⁶ Там же. Л. 90–92.

⁸⁷ Зябликов А. В. Указ. соч. С. 70.

Программу октябристов Суворин охарактеризовал словами «ни Богу свечка, ни черту кочерга»⁸⁸, а ведущий публицист «Нового времени» М. О. Меньшиков, отказавшись от членства в партии Гучкова и редактирования его газеты, окрестил в июле 1907 г. «Союз 17 октября» «кадетами второго сорта»⁸⁹. Представляется, что эволюция взглядов Смирновой-Сазоновой на октябристов и их лидеров была близка к тому, о чем писал в это же время Меньшиков: «Было время, и еще не так давно, на г. Гучкова и его партию возлагались большие надежды. Однако, годы проходят, “все лучшие годы” и ни г. Гучков, ни партия его не спешат сколько-нибудь оправдать репутацию. <...> Октябристы тусклы и бледны, точно снятые с плохого негатива. Кадеты талантливее, образованнее, с более твердыми характерами, с большею способностью хоть немножко что-нибудь делать. <...> Не умеющие *быть* кадетами, октябристы изо всех сил стараются *походить* на них»⁹⁰.

В начале октября 1907 г. Смирнова-Сазонова сетовала на то, что в октябристском «Голосе Москвы» хозяйничают бывшие сотрудники оппозиционных изданий⁹¹, а в середине того же месяца делилась впечатлением от предвыборного воззвания октябристов, которое показал ей брат: «Трудно придумать что-нибудь серее и бездарнее. Это набор слов, под которыми может скрываться что угодно»⁹². Последняя запись в дневнике за 1907 г., касающаяся октябристов, была следующей: «Из “Голоса Москвы” Гучкова, пожалуй, скоро выживут. Там уже хозяйничает приятель <А. В.> Амфитеатрова, эсдек Петров. Гучкова от газеты совсем оттерли. Любопытно, что деньги на нее дает самый горячий русский патриот — помещик Кноп»⁹³.

Заключение. Знакомство С. И. Смирновой-Сазоновой с А. И. Гучковым и некоторыми другими видными октябристами привело к кратковременному сотрудничеству между ними, но не вовлекло публицистку «Нового времени» в эту политическую партию. Первоначально высоко оценив Гучкова и считая «Союз 17 октября» партией правой, Смирнова-Сазонова довольно быстро разочаровалась в октябристах. Это разочарование отчетливо прослеживается на страницах дневника журналистки. Октябристы оказались для нее партией «скучной» (как тут не вспомнить слова издателя «Нового времени» и друга писательницы А. С. Суворина, сказанные о «Союзе 17 октября»: «Это скука, а не партия»⁹⁴), недостаточно правой, их программа — невнятной, а ее лидеры — неспособными увлечь за собой массы. Политические взгляды Смирновой-Сазоновой в этот период можно охарактеризовать как умеренно-

⁸⁸ Суворин А. С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908). М., 2005. С. 665.

⁸⁹ Меньшиков М. О. Кадеты второго сорта // Новое время. 1907. 19 июля (1 августа).

⁹⁰ Там же.

⁹¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 51. Л. 300.

⁹² Там же. Л. 328.

⁹³ Там же. Л. 426.

⁹⁴ Суворин А. С. Русско-японская война и русская революция. С. 662.

консервативные. Таким образом, пока октябристы (особенно правое крыло партии) находились на тех же идейных позициях, заключая предвыборные альянсы с черносотенцами, она рассматривала их как дружественную и созидающую национально-патриотическую силу, допуская сотрудничество с этой праволиберальной партией. Но по мере отступления революции и усиления в партии левого крена октябристы стали превращаться для Смирновой-Сазоновой в партию либеральную и недостаточно национальную.

Литература

1. Гитович Н. И. Записи о Чехове в дневниках С. И. Смирновой-Сазоновой // Литературное наследство. Т. 87. М.: Наука, 1977. С. 304–318.
2. Гордеев П. Н. Государственные театры в 1917 году. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. 856 с.
3. Евтихий Павлович Карпов. По материалам «Дневника» С. И. Смирновой-Сазоновой / публикация, введ., коммент. Л. С. Даниловой, В. В. Соминой // Театрон. 2010. № 2. С. 14–37.
4. Жукова Г. Г. Романы С. И. Смирновой (Сазоновой): Проблематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 190 с.
5. Зябликов А. В. «Союз 17 октября» и «Новое время» // Интеллигенция и мир. 2009. № 2. С. 61–75.
6. Кравченко Я. П. Дневник С. И. Смирновой-Сазоновой как пример женской стратегии саморепрезентации // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. 2002. № 4. С. 82–86.
7. Макарова О. Е. А. С. Суворин в дневниках С. И. Смирновой-Сазоновой. Ч. 1 // Новое литературное обозрение. 2014. № 6 (130). С. 112–140.
8. Макарова О. Е. А. С. Суворин в дневниках С. И. Смирновой-Сазоновой. Ч. 2 // Новое литературное обозрение. 2015. № 1 (131). С. 167–184.
9. Малышева О. Г. А. И. Гучков — «излюбленный человек Москвы»: штрихи к портрету политика // Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. научных статей: в 2 ч. Ч. 1. СПб.: Астерион, 2021. С. 185–192. 1 CD-ROM.
10. Мостовская Н. Н. Достоевский в дневниках С. И. Смирновой // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1980. Т. 4. С. 271–278.
11. Панфилов А. Ю., Гучков С. М. Смирнова (Смирнова-Сазонова) Софья Ивановна // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5: П–С. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. С. 678–680.
12. Патрикеева О. А. Государственная дума Российской империи на страницах газеты «Новое время» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. История. № 1. С. 160–168.
13. Патрикеева О. А. «Дума не имеет смысла без прессы»: роль газеты «Новое время» в становлении парламентской журналистики в России (1906–1917 гг.) // Клио. 2015. № 1 (97). С. 106–111.
14. Патрикеева О. А. Повседневная жизнь Государственной думы России (по неопубликованным дневникам С. И. Смирновой-Сазоновой. 1906–1917 гг.) // Новейшая история России. 2015. № 2 (13). С. 133–141.

15. Погребная В. Л. «Женская» критика 60–80-х гг. XIX ст. о женском литературном творчестве // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. 2002. № 4. С. 139–145.
16. Портнягина Н. А. «Нельзя совместить конституцию с насилием...»: взгляды октябристов на террор в период революции 1905–1907 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. История. № 2. С. 191–200.
17. Соловьев К. А. Союз 17 октября. Политический класс России: взлет и падение. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 343 с.
18. Шандулин Е. В. Партия «Союз 17 октября»: процесс идеологического самоопределения: дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 218 с.
19. Шевцов А. В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века: дис. ... д-ра филолог. наук. СПб., 1998. 557 с.
20. Шелохаев В. В. Партия октябристов в период первой российской революции. М.: Наука, 1987. 157 с.

References

1. Gitovich N. I. Entries about Chekhov in the diaries of S. I. Smirnova-Sazonova // *Literary Heritage*. Vol. 87. Moscow: Nauka, 1977. P. 304–318. (In Russ.).
2. Gordeev P. N. State theaters in 1917. 2nd edition, revised and expanded. St. Petersburg: Herzen University Press, 2020. 856 p. (In Russ.).
3. Yevtikhy Karpov. From the Diaries by Sophia Smirnova-Sazonova / publication, introduction, commentary by L. S. Danilova, V. V. Somina // *Teatron*. 2010. № 2. P. 14–37. (In Russ.).
4. Zhukova G. G. Novels by S. I. Smirnova (Sazonova): Problematics and poetics: dissertation of a Candidate of Philological Sciences. Volgograd, 1999. 190 p. (In Russ.).
5. Zyablikov A. V. “Union of October 17” and “Novoye Vremya” // *Intelligentsia and the World*. 2009. № 2. P. 61–75. (In Russ.).
6. Kravchenko Ya. P. Smirnova-Sazonova’s diary as an example of the female’s self representation strategy // *Bulletin of Zaporozhye National University: Philological Sciences*. 2002. №. 4. P. 82–86. (In Russ.).
7. Makarova O. E. A. S. Suvorin in the diaries of S. I. Smirnova-Sazonova. Part I // *New Literary Review*. 2014. № 6 (130). P. 112–140. (In Russ.).
8. Makarova O. E. A. S. Suvorin in the diaries of S. I. Smirnova-Sazonova. Part II // *New Literary Review*. 2015. № 1 (131). P. 167–184. (In Russ.).
9. Malysheva O. G. A. I. Guchkov — “Moscow’s favorite man”: Touches on the politician’s portrait] // *Tauride Readings 2020. Current issues of parliamentarism: History and modernity: a collection of research articles: in 2 parts. Part 1*. St. Petersburg: Asterion, 2021. P. 185–192. 1 CD-ROM. (In Russ.).
10. Mostovskaya N. N. Dostoevsky in the diaries of S. I. Smirnova // *Dostoevsky. Materials and research*. Leningrad: Nauka, 1980. Vol. 4. P. 271–278. (In Russ.).
11. Panfilov A. Yu., Guchkov S. M. Smirnova (Smirnova-Sozonova) Sofia Ivanovna // *Russian Writers. 1800–1917: Biographical dictionary*. Vol. 5: P–S. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 2007. P. 678–680. (In Russ.).
12. Patrikeeva O. A. The State Duma of the Russian Empire in the newspaper “Novoye vremya” // *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2014. Vol. 4. History. № 1. P. 160–168. (In Russ.).

13. Patrikeeva O. A. The Duma has no sense without press...”: The role of the “Novoye Vremya” Paper in the development of parliamentary journalism in Russia, 1906–1917 // *Klio*. 2015. № 1 (97). P. 106–111. (In Russ.).
14. Patrikeeva O. A. Everyday life of the Russian State Duma (unpublished diaries S. I. Smirnova-Sazonova. 1906–1917) // *Modern History of Russia*. 2015. № 2 (13). P. 133–141. (In Russ.).
15. Pogrebnaya V. L. “Female” critics of 60-80-s XIX century about female literary fiction // *Bulletin of the Zaporozhye National University. Philological Sciences*. 2002. № 4. P. 139–145. (In Russ.).
16. Portnyagina N. A. “It’s impossible to combine the constitution with violence...”: Octobrists’ views on terror during the revolution of 1905–1907 // *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2014. Vol. 4. History. № 2. P. 191–200. (In Russ.).
17. Solovyev K. A. The Union of October 17. Russia’s political class: Rise and fall. Moscow: New Literary Review, 2023. 343 p. (In Russ.).
18. Shandulin E. V. “Union of October 17”: the process of ideological self-determination: dissertation of a Candidate of Historical Sciences. Rostov-on-Don, 2004. 218 p. (In Russ.).
19. Shevtsov A. V. Publishing activities of Russian socialist parties at the beginning of the 20th century: dissertation of a Doctor of Philological Sciences. St. Petersburg, 1998. 557 p. (In Russ.).
20. Shelokhaev V. V. The Octobrist Party during the First Russian Revolution. Moscow: Nauka, 1987. 157 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94(47).083-084.3

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-55-71

Пленкин Олег Игоревич

Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
Владимир, Россия

o.plenkin@mail.ru; ORCID: 0009-0006-9258-9992

ГУБЕРНСКИЕ СЪЕЗДЫ И КОНФЕРЕНЦИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (1905–1918)

Аннотация. В статье рассматриваются губернские съезды и конференции как высшие органы управления региональных организаций Партии народной свободы (кадетской) в контексте истории одной из таких организаций — Владимирской — и углубленного изучения механизма ее функционирования. Цель исследования — проследить историю проведения Владимирской губернской группой Конституционно-демократической партии губернских съездов и конференций с момента создания группы до начала 1918 г., когда прошла последняя из известных на сегодняшний день губернских партийных конференций. Исследование проведено на основе архивных источников и материалов центральной и местной кадетской прессы. Показаны особенности тематики и хода работы губернских съездов и конференций на различных этапах истории кадетской партии во Владимирской губернии. Сделан вывод о зависимости периодичности их созыва от развития и прочности структуры местной партийной организации, предложена периодизация их истории.

Ключевые слова: Владимирская губерния, делегаты, съезд, конференция, Конституционно-демократическая партия, общее собрание, партийная организация.

Для цитирования: Пленкин О. И. Губернские съезды и конференции владимирской организации Конституционно-демократической партии (1905–1918) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 1 (61). С. 55–71. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-55-71>

Original article

UDC 94(47).083-084.3

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-55-71

Plenkin Oleg I.

Vladimir State University

Vladimir, Russia

o.plenkin@mail.ru; ORCID: 0009-0006-9258-9992

PROVINCIAL CONGRESSES AND CONFERENCES OF THE VLADIMIR ORGANIZATION OF THE CONSTITUTIONAL DEMOCRATIC PARTY (1905–1918)

Abstract. This article examines provincial congresses and conferences as the highest governing bodies of regional organizations of the People's Freedom Party (Cadet Party) in the context of the history of one such organization — the Vladimir Party — and provides an in-depth study of its operating mechanisms. The purpose of the study is to trace the history of the Vladimir Provincial Group of the Constitutional Democratic Party's provincial congresses and conferences from the group's establishment until the beginning of 1918, when the last known provincial party conference was held. The study is based on archival sources and materials from the central and local Kadet press. The article shows the features of the subject matter and the course of the provincial congresses and conferences at various stages of the history of the Cadet Party in the Vladimir province. The author concludes that the frequency of their convening depends on the development and strength of the local party organization and proposes a periodization of their history.

Keywords: Vladimir province, delegates, congress, conference, Constitutional Democratic Party, general meeting, party organization.

For citation: Plenkin O. I. Provincial congresses and conferences of the Vladimir organization of the Constitutional Democratic Party (1905–1918) // MCU Journal of Historical Studies. 2026. № 1 (61). P. 55–71. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-55-71>

Введение. С выходом в свет многотомного сборника документов общероссийских съездов и конференций Партии народной свободы (Конституционно-демократической)¹, за которым стоит большая поисковая и источниковедческая работа, обозначились новые исследовательские горизонты на пути изучения механизма функционирования кадетской партии, более глубокого понимания ее стратегии и тактики, а также особенностей взаимодействия центрального руководства партии с региональным партийным активом. Выявление и анализ документов, связанных со съездами провинциальных кадетских партийных организаций, видится не менее

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. Т. 1–3 (кн. 1–2). М., 1997–2000.

трудоемкой задачей, поскольку архивы местных кадетских групп если и дошли до наших дней, то представлены крайне разрозненно, фрагментарно. В этой связи в современной литературе вопросы организации и проведения съездов региональных кадетских партийных групп еще только начинают разрабатываться. Как правило, такие съезды интересуют исследователей не сами по себе, а упоминаются в более широком контексте при изучении отдельных этапов региональной партийной истории². В настоящей статье предпринята попытка восполнить этот пробел путем комплексного изучения губернских съездов и конференций Конституционно-демократической партии во Владимирской губернии.

Подлинная документация владимирских кадетских губернских съездов и конференций до наших дней не сохранилась³, если не считать копию протокола конференции начала 1918 г., о которой будет сказано ниже. К сожалению, почти не известны списки делегатов съездов, поэтому о составах съездов можно судить лишь по отрывочным упоминаниям фамилий участников в других документах. Выявленная информация о съездах и конференциях расплывлена по различным источникам. Среди них неполные тексты журналов съездов, публиковавшиеся в печати «с необходимыми пропусками»⁴, обзоры в местной прессе и общероссийских кадетских печатных органах, документация Владимирского губернского комитета партии, личная переписка владимирских кадетов, документы органов губернской власти. Все вместе они, однако, позволяют составить достаточно цельное представление о высших органах управления партией в губернии за все время ее существования.

Ход и результаты исследования. Согласно уставу Конституционно-демократической партии, общие и местные съезды, а вслед за ними Центральный и губернные комитеты являлись органами партии (п. 6). Губернские комитеты

² *Егоров А. Н.* Кадетские организации Вологодской губернии в 1917 году // История: факты и символы. 2017. № 4 (13). С. 57–58, 62; *Пленкин О. И.* Конституционно-демократическая партия во Владимирской губернии: организации и численность // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 1 (57). С. 68–70, 81, 84–85; *Седугин В. И.* Либералы Центральной России в начале XX века (1905 – март 1917 г.). Новомосковск, 2008. С. 5, 6; *Dahlmann D.* Die Provinz wählt: Rußlands Konstitutionell-Demokratische Partei und die Duma wahlen 1906–1912. Köln; Weimar; Wien, 1996. S. 89–90, 284–285; *Emmons T.* The formation of political parties and the first national elections in Russia. Cambridge, Mass.; London, 1983. P. 194.

³ Архив Владимирской организации Конституционно-демократической партии утрачен; он, вероятно, погиб в перипетиях революционного 1917 г. или следующих лет. Известно, что по состоянию на конец 1905 – начало 1906 г. существовала практика (теоретически дающая шанс на новые неожиданные архивные находки) литографирования губернским комитетом журналов губернских съездов и рассылки копий по уездным отделениям, а начиная с третьего губернского съезда 27–28 ноября 1905 г. — рассылки копий журналов и постановлений губернских съездов в ЦК партии. См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 523. Оп. 1. Д. 177. Л. 17; *Смирнов А.* Владимир губ[ернский] // Вестник партии народной свободы. 1906. 22 февраля. № 1. Стб. 51.

⁴ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 189. Л. 7 об. (письмо А. П. Грессера к О. А. [Зерновой] от 7 августа [1906] г.).

должны были избираться губернскими съездами (т. е. съезд выступал высшим органом управления региональной группы), а организация этих последних отдавалась на усмотрение местных партийных групп (п. 15)⁵.

Первая редакция Устава Владимирской группы кадетской партии⁶, выработанная после Всероссийского учредительного съезда конституционных демократов в конце 1905 г.⁷, называла органами управления партийной организации в губернии губернское, уездные и районные собрания членов группы и губернский, уездные и районные комитеты (п. 3). Согласно п. 5 устава, губернское собрание решает все вопросы, связанные с организацией и деятельностью партийной группы, выбирает членов губернского комитета и утверждает отчет и сметы доходов и расходов. «Губернское собрание, — говорилось в примечании к п. 4 устава, — считается состоявшимся при наличии 1/20 членов, причем необходимо присутствие представителей не менее 1/2 существующего уездного (районного) отделения». Равными правами с губернским собранием пользовалось делегатское собрание (п. 6) или, как оно еще было названо в уставе, губернское собрание делегатов. Делегатские собрания состояли из членов партии, избранных «самостоятельными собраниями и пропорционально числу их членов». Однако организовать его было сложнее: требовалось участие не менее половины всех делегатов, при условии, что делегаты являлись бы представляющими «не менее 1/2 существующего отделения»⁸ (прим. к п. 6)⁹. В партийных документах и в прессе эти собрания чаще всего назывались губернскими съездами и губернскими делегатскими съездами.

В п. 11 устава также говорилось об уездных собраниях. Действительно, в партийных документах неоднократно упоминалось об уездных съездах на территории Владимирской губернии¹⁰, известны подробности общих собраний Владимирской и Ковровской уездных групп¹¹.

⁵ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. Т. 1: 1905–1907 гг. М., 1997. С. 41, 42. См. также: *Шелохаев В. В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 59; *Его же.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 109–110.

⁶ Устав впоследствии претерпевал изменения, как это произошло, например, на III губернском делегатском съезде партии 28 мая 1906 г. (см. ниже).

⁷ См. об этом: ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 177. Л. 21.

⁸ То есть, очевидно, не менее половины членов своих уездных (районных) отделений.

⁹ Устав Владимирской группы конституционно-демократической партии // Клязьма. 1906. 8 января. № 6. Следует отметить, что в смысле точности формулировок, а также юридической техники устав был далек от совершенства.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 177. Л. 18, 38, 39–40.

¹¹ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 982. Л. 11–12; Владимир губернский // Вестник партии народной свободы. 1906. 8 июня. № 14. Стб. 951–953; Из журнала заседания общего собрания членов Ковровской уездной подгруппы партии народной свободы 18 июня 1906 года // Вестник партии народной свободы. 1906. 20 июля. № 19–20. Стб. 1265–1268.

Несколько десятков человек из интеллигенции, образовавшие в конце 1904 г. во Владимире «кружок вторников», близкий к программе и целям «Союза освобождения», устроил в августе 1905 г. представительное собрание с участием как раз находившихся в губернской столице земцев и высказался за расширение своей деятельности на уезды Владимирской губернии. Однако в начале сентября, когда стало понятно, что образование Конституционно-демократической партии является только делом времени, во Владимире по инициативе членов местного отделения «Союза освобождения» был созван съезд с целью обсуждения возможности образования партийной организации в губернии. В этом первом учредительном съезде приняли участие порядка 60 человек, среди которых были владимирские члены «Союза освобождения», все члены «кружка вторников», а также «несколько посторонних лиц и много единомышленников из уездов»¹².

16 сентября 1905 г. прошел второй съезд Либеральной партии Владимирской губернии. На нем была выработана («окончательно», как писал А. В. Смирнов; следовательно, она была предметом обсуждения и первого съезда) примерная программа партии, сходная с программой «Союза освобождения», и выбраны трое делегатов¹³ на учредительный съезд Конституционно-демократической партии в Москве. На второй владимирский съезд прибыло, между прочим, и 10 крестьян из различных уездов — в том числе благодаря местному отделу Всероссийского крестьянского союза, который, как утверждалось, идеологически был ближе к программе конституционных демократов, чем эсеры¹⁴.

Очевидно, на одном из этих съездов был избран и губернский комитет из 11 членов (М. Г. Комиссаров, Г. А. Смирнов, Н. М. Иорданский, А. П. Грессер, А. В. Смирнов, Н. П. Муратов, А. К. Гвоздецкий, А. А. Эрн, В. В. Соколов, А. П. Черный, Н. П. Губский)¹⁵.

¹² *Смирнов А.* Владимир губ[ернский] // Вестник партии народной свободы. 1906. 22 февраля. № 1. Стб. 46–47. Впрочем, приведенная версия А. В. Смирнова, по-видимому, содержит противоречие (это равно может быть и опечаткой в журнальной публикации). Он писал, что первый съезд владимирской либеральной партии прошел «в начале сентября», а второй — «через месяц — 16 сент[ября]». Возможно, однако, что словосочетание «через месяц» было употреблено по отношению к августовскому собранию «кружка вторников». В партийных документах первый съезд владимирских либералов был отнесен к августу, а второй — к сентябрю 1905 г. См.: ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 32. Л. 2 об.; Ф. 579. Оп. 2. Д. 2. Л. 6 об., 11 об., 16 об.; Оп. 3. Д. 42. Л. 2, 7 об., 12 об., 17 об., 22; *Пуришкевич В.* В недрах кадетской партии // Прямой путь. 1910. 31 декабря. С. 518. В начале октября 1905 г. в прессе мелькнуло сообщение, основанное, однако, на слухах, о намерении владимирских конституционалистов-демократов созвать съезд (По Владимирской губернии // Северный край. 1905. 9 октября. № 245).

¹³ В списках членов I Всероссийского съезда Конституционно-демократической партии указаны только двое владимирских делегатов: М. Г. Комиссаров и А. В. Смирнов. См.: ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 40. Л. 4, 6, 7 об., 11, 13 об., 18, 22 об., 24 об., 25, 31, 32.

¹⁴ *Смирнов А.* Владимир губ[ернский] // Вестник партии народной свободы. 1906. 22 февраля. № 1. Стб. 47–48.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 177. Л. 7, 34.

Следующий губернский съезд состоялся 27–28 ноября 1905 г.¹⁶ На него, однако, съехались делегаты только от семи уездов; некоторые партийные группы остались на нем не представленными «вследствие невозможности» эти группы уведомить¹⁷. Целью съезда был исключительно анализ текущей организационной структуры и деятельности партии в губернии, а также определение некоторых принципов взаимодействия с партийным ЦК. Вопрос о предвыборной агитации был отложен до издания нового закона о выборах в Государственную думу.

Осень 1905 г. для Владимирской кадетской группы стала временем активного партийного строительства. Стремительно росла численность губернской партийной организации, партийные группы складывались во многих уездах, поэтому требовалось посчитать наличные партийные силы. На съезде была выяснена примерная общая численность партии в губернии и численный состав отдельных уездных групп. Был обрисован и социальный портрет сторонников местных кадетов.

Относительно порядка вступления в партию выяснилось, что в некоторых случаях этому препятствуют «недоразумения по программным вопросам». Так, на съезде было озвучено выдвинутое от имени нескольких сотен судогодских крестьян условие их членства в партии — корректировка партийной программы в части, касающейся крестьян. Горячее обсуждение вызвало и обращение к съезду «одного лица» (позже выяснилось, что это был Н. Н. Вознесенский, в дальнейшем — один из лидеров покровских кадетов), которое хотело присоединиться к партии, но «своим идеалом» считало национализацию земли и было готово «свой идеал лично от себя проповедовать».

Целый ряд вопросов касался политической агитации в губернии. Было подчеркнуто, что если ранее партийная деятельность заключалась исключительно в распространении литературы, то теперь формы этой деятельности стали более разнообразными. Съезд постановил обратиться в ЦК о желательности присылки в губернию лекторов, а также о необходимости издания дешевой газеты для крестьян и листка «в форме обращения к широким слоям публики и крестьян с краткой программой».

Наконец, на съезде был избран новый состав губернского комитета из 13 членов (А. П. Грессер, Н. М. Иорданский, А. В. Смирнов, М. Г. Комиссаров, Г. А. Смирнов, Н. П. Муратов, А. К. Гвоздецкий, Н. П. Губский, П. П. Бульгин, А. А. Эрн, И. И. Марченко, В. В. Соколов, А. П. Черный) и определены имена пяти делегатов на II Всероссийский съезд партии (Н. М. Иорданский, А. П. Грессер, М. Г. Комиссаров, А. В. Смирнов, Н. П. Муратов)¹⁸.

¹⁶ Этот и, видимо, последующие губернские съезды, состоявшиеся в 1906 г., проходили во Владимире в специально нанятой квартире «с залой». Квартира находилась в доме Бережкова на Нижегородской улице (здание не сохранилось). См.: ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 177. Л. 19 об., 21; Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 84б. Л. 74 об.

¹⁷ Внутренние известия // Русские ведомости. 1905. 4 декабря. № 320.

¹⁸ См.: ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 177. Л. 16–17 об.; Оп. 2. Д. 32. Л. 2 об.; Ф. 579. Оп. 2. Д. 2. Л. 6 об., 11 об., 16 об.; Оп. 3. Д. 42. Л. 2, 7 об., 12 об., 17 об., 22; Государственный центральный

В сообщении прессы о состоявшемся 22 декабря 1905 г. собрании Владимирской уездной группы кадетской партии было упомянуто о предстоящем губернском съезде, который владимирские кадеты планировали провести после II Всероссийского партийного съезда и на котором должны были определиться с кандидатами в члены Государственной думы¹⁹.

Этот очередной губернский съезд прошел 14 января 1906 г. В нем приняли участие делегаты от шести уездных и районных групп, а также члены партии — представители пяти вновь возникших местных партийных организаций. Всего в работе съезда участвовали почти 80 членов партии. Заседание вел председатель губернского комитета М. Г. Комиссаров.

Съезд начался с сообщения Н. М. Иорданского, одного из делегатов Владимирской губернии на II Всероссийском съезде Конституционно-демократической партии, об этом съезде и его резолюциях, посвященных участию партии в кампании по выборам членов Государственной думы и пределам участия партии в законодательной деятельности Думы.

Съезд проводился в рамках подготовки владимирских кадетов к избирательной кампании. На нем были заслушаны доклады делегатов с мест и выяснено положение и деятельность уездных и районных групп, причем особое внимание (по-видимому, с учетом предстоящей борьбы на выборах) было уделено другим политическим партиям, конкурировавшим в уездах с кадетами. В этих докладах были отмечены начавшиеся почти повсеместно репрессии в отношении конституционных демократов и имевшиеся трудности в организации агитационной деятельности.

На съезде было принято принципиальное решение о готовности владимирских кадетов провести в Государственную думу одного кандидата от рабочих, т. е. в сущности, о готовности к электоральному блоку с рабочими, а также постановлено немедленно приступить на местах к определению крестьянских кандидатов в выборщики²⁰.

Позднее один из руководителей Владимирской организации кадетской партии — А. П. Грессер — указывал, что в январе 1906 г. (видимо, именно на этом губернном съезде) был вновь переизбран губернский комитет, причем

музей современной истории России, Москва. № 20633/29; Внутренние известия // Русские ведомости. 1905. 4 декабря. № 320; Пуришкевич В. В недрах кадетской партии // Прямой путь. 1910. 31 декабря. С. 518.

¹⁹ Владимир-губ[ернский], 23, XII // Русское слово. 1905. 24 декабря. № 329.

²⁰ См.: Владимир-губ[ернский] // Наша жизнь. 1906. 22 января. № 350; Владимир-губ[ернский] // Русские ведомости. 1906. 21 января. № 20; Владимир-губ[ернский], 14, I // Русское слово. 1906. 16 января. № 15; Из журнала губернского съезда Владимирской группы конст[итуционно]-дем[ократической] партии, 14 января 1906 г. // Вестник партии народной свободы. 1906. 5 марта. № 2. Стб. 121–124. Показательно, что информация о съезде была размещена только в периодике, издававшейся за пределами Владимирской губернии. В местной газете «Клязьма» было сказано всего одной строкой о проведении собрания городской группы партии. Надо полагать, сделано это было для того, чтобы не привлекать внимание губернатора, уже начавшего преследования кадетов. См.: Хроника // Клязьма. 1906. 15 января. № 13.

к 1908 г. персональный состав комитета не поменялся (добавлялись только кооптированные члены) и все еще ожидал своего переизбрания²¹.

19 марта 1906 г., т. е. за неделю до решающего этапа первой думской избирательной кампании во Владимирской губернии, был проведен очередной губернский съезд партии. По-видимому, это был первый делегатский съезд (созыв делегатских съездов диктовался увеличением численности партии в губернии, в связи с чем была определена следующая норма представительства: один делегат на каждые 20–25 членов²²). В кратком газетном сообщении о работе съезда было сказано крайне скупо. Создается впечатление, что он был созван с единственной целью — подготовить воззвание ко всем членам губернской партийной организации и сочувствующим с призывом мобилизовать силы на период работы Государственной думы²³. Губернское партийное руководство полагало, что политическая борьба не прекратится с избранием Думы, поэтому приглашало вступать в партию новых лиц, выступало за продолжение активной работы и расширение партийной структуры путем создания мелких партийных организаций²⁴.

8 апреля 1906 г. во Владимире кадеты вновь провели съезд делегатов от уездных и районных отделений партии. Созыв этого съезда был связан с предстоящим III Всероссийским партийным съездом. Прежде всего владимирцы выбрали пятерых делегатов на этот съезд (А. П. Грессер, Н. М. Иорданский, Н. Н. Вознесенский, И. П. Смирнов, А. С. Корнилов), затем приступили к обсуждению вопросов, которым должен был быть посвящен Всероссийский съезд в Петербурге, очевидно для заблаговременного определения позиции владимирских делегатов по этим вопросам.

Съезд предоставил членам парламентской группы партии возможность участвовать в губернских делегатских партийных съездах с правом решающего голоса, но одновременно признал постановления съездов обязательными для членов парламентской группы. В вопросах тактики в Государственной думе на первое место съезд поставил требования амнистии и отмены смертной казни, а также возбуждение рабочего вопроса и вопроса об аграрной реформе.

Вторая часть делегатского съезда была посвящена партийным делам внутри губернии. Был обсужден вопрос о разделении Владимирской губернии на избирательные округа согласно проекту избирательного закона, недавно обсуждавшемуся ЦК партии, который запросил отзывы местных групп о принципах деления на округа применительно к представляемым ими губерниям²⁵. Было единогласно принято предложение губернского комитета об образовании,

²¹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 177. Л. 21.

²² Там же. Л. 19 об.

²³ Хроника // Клязьма. 1906. 22 марта. № 76.

²⁴ Экземпляры воззвания см.: ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 177. Л. 77; Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург. Шифр: 34.84.8.1507.

²⁵ См.: Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг. Т. 1: Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911 гг. М., 1994. С. 59 (заседание 15 марта [1906] г.).

в дополнение к существующей губернской, еще и постоянных местных аграрных комиссий. Кроме этого, была признана «неотложной необходимостью» широкая организация лекций в городах Владимирской губернии, а пропаганду партийных идей было решено осуществлять через формирующуюся в губернии «Лигу образования»²⁶.

На заседании губернского комитета 9 мая 1906 г. была проведена подготовка очередного делегатского съезда. Он был намечен на конец мая, и его хотели созвать «на новых основаниях» в связи с ожидавшейся (но так и не состоявшейся) легализацией партии. Съезд должен был пройти во Владимире, однако «на будущее время решено и другие города губернии избирать местом съезда». Норма представительства на съезде была установлена следующая: один делегат от 25 членов партии, но, помимо делегатов, в качестве гостей приглашались все члены партии в губернии.

Повестка дня губернского делегатского съезда, разработанная на заседании губернского комитета, включала в себя доклад о III Общеимперском съезде партии, доклад члена Государственной думы о думской деятельности, вопросы легализации партии, внесения изменения в устав губернской группы, финансовый вопрос и вопрос об открытии политического клуба²⁷.

III Губернский делегатский съезд прошел 28 мая 1906 г. и собрал около 40 делегатов от уездных и районных партийных групп. По-видимому, с его созывом был увязан приезд во Владимир члена Государственной думы и члена местной организации партии народной свободы К. К. Черносвитова²⁸ (ранее на съезд планировалось пригласить другого владимирского кадета-перводумца — М. Г. Комиссарова²⁹). Окончательная повестка съезда, созванного спустя месяц после начала работы I Государственной думы, в разгар острого политического противостояния Думы и правительства, касалась главным образом вопросов, связанных с разворачивавшимися в Таврическом дворце событиями.

Председателем съезда был избран лидер ковровских кадетов Н. П. Муратов. Дела докладывал новый председатель губернского комитета А. П. Грессер³⁰.

Он сообщил о перспективах легализации партии (кадеты горячо верили в скорое положительное решение), а затем затронул уставные вопросы: съезд принял дополнение в устав, наделявшее членов губернского комитета правом

²⁶ Хроника // Клязьма. 1906. 14 апреля. № 93.

²⁷ См.: Из журнала заседания Владимирского губернского комитета // Вестник партии народной свободы. 1906. 25 мая. № 12. Стб. 817–818; Хроника // Клязьма. 1906. 11 мая. № 119.

²⁸ См.: Приезд во Владимир члена Государственной думы по избранию от Владимирской губернии К. К. Черносвитова // Владимирская еженедельная газета. 1906. 2 июня. № 8.

²⁹ Из журнала заседания Владимирского губернского комитета // Вестник партии народной свободы. 1906. 25 мая. № 12. Стб. 817–818.

³⁰ А. П. Грессер был «почти единогласно» избран на заседании губернского комитета 9 мая вместо М. Г. Комиссарова, который отказался от поста председателя в связи с избранием его членом Государственной думы. См.: Из журнала заседания Владимирского губернского комитета // Вестник партии народной свободы. 1906. 25 мая. № 12. Стб. 817; Хроника // Клязьма. 1906. 4 мая. № 113; 11 мая. № 119.

участия в собраниях местных комитетов и групп с правом совещательного голоса, а также наделил уездные комитеты правом увеличивать свой состав путем кооптации. Кроме этого, в агитационных целях было признано желательным распространять среди населения тронную речь и ответный адрес Государственной думы, а также побуждать население поддерживать Думу.

Казначей губернского комитета Г. А. Смирнов выступил с финансовым отчетом. Несмотря на сложности с поступлением взносов, было постановлено остаться при прежнем размере обложения, однако в целях усиления контроля за их поступлением губернскому комитету было предложено запросить у местных комитетов списки членов «с указанием разряда их по обложению». На съезде был утвержден порядок годового обложения членов губернской группы партии. В соответствии с ним взнос в ЦК был фиксированным, а размеры взносов в губернский и уездные комитеты находились в зависимости от годового дохода члена партии, причем приветствовались взносы, превышающие обложение, и пожертвования³¹.

Далее почетному гостю съезда К. К. Черносвитову были переданы материалы для Государственной думы по поводу незаконных действий администрации в губернии. К. К. Черносвитов, в свою очередь, выступил перед делегатами съезда со своеобразным депутатским отчетом — докладом о деятельности Думы.

«Горячо поблагодарив» докладчика, съезд принял несколько постановлений политического характера, в духе той накаленной атмосферы, которая окружала начало работы нового высшего органа народного представительства. Среди них следует выделить принятие текста приветствия Государственной думе, обещание ей поддержки и заявление о необходимости немедленного образования ответственного министерства, отрицательное отношение к перерыву в заседаниях Думы и уходу ее на летние каникулы, а также выражение решительного протеста против смертной казни³².

Роспуск I Государственной думы и последовавший в ответ на него «выборгский» демарш части народных представителей, среди которых ведущую роль играли члены кадетской фракции, сказался не только на настроениях сторонников партии, но и спровоцировал негативные последствия для всей партийной деятельности владимирских конституционных демократов и, как следствие, отразился на губернских съездах, поддерживать полноценный формат которых становилось все труднее.

³¹ Владимир губернский // Вестник партии народной свободы. 1906. 20 июля. № 19–20. Стб. 1265.

³² См.: ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 177. Л. 15; Владимирский губерн[ский] съезд делегатов партии народной свободы 28-го мая // Клязьма. 1906. 31 мая. № 135; Владимирский губерн[ский] съезд делегатов партии народной свободы 28-го мая // Вестник партии народной свободы. 1906. 8 июня. № 14. Стб. 950–951; Владимирский губернский съезд делегатов партии народной свободы 28-го мая // Владимирская еженедельная газета. 1906. 30 июня. № 12; Приезд во Владимир члена Государственной думы по избранию от Владимирской губернии К. К. Черносвитова // Владимирская еженедельная газета. 1906. 2 июня. № 8.

Владимирские кадеты решили отреагировать на эту новую политическую ситуацию, созвав 6 августа 1906 г. очередной «съезд». А. П. Грессер назвал его «интереснейшим съездом губ[ернского] ком[итета] и делегатов от групп»³³. На самом деле состоялось пленарное заседание губернского комитета с представителями 11 уездных комитетов.

На этом заседании А. П. Грессер сложил с себя полномочия председателя губернского комитета, рассматривая свое назначение как временное, на период депутатских полномочий М. Г. Комиссарова. (А. П. Грессер пояснял, что «вследствие роспуска Думы», он «счел долгом отказаться от звания председателя... для того, чтобы был избран снова М. Г. Комиссаров»³⁴.) В результате руководство во Владимирской губернской группе партии вновь перешло к М. Г. Комиссарову.

О результатах прошедшего в Москве совещания ЦК партии с представителями губернских комитетов выступили А. П. Грессер и Н. М. Иорданский, а М. Г. Комиссаров доложил о роспуске Государственной думы. В резолюциях заседания по последнему вопросу было выражено одобрение народным представителям «в их борьбе за землю и волю», солидарность с позицией думской фракции народной свободы по поводу роспуска (имелось в виду Выборгское воззвание); сам роспуск назван «противоконституционным шагом правительства» и потребовано восстановление народного представительства.

Помимо этого, на заседании были заслушаны сообщения всех явившихся представителей уездных групп о ситуации на местах, а также решено передать местным организациям все вопросы, обсуждавшиеся на этом заседании, с предложением прислать свои отзывы в ЦК³⁵.

К губернскому партийному руководству пришло понимание того, что кадетов, «по-видимому, толкают в подполье»³⁶, поэтому подобный формат собраний владимирских кадетов (пленарное заседание губернского комитета с участием представителей местных групп), схожий с форматом губернских партийных конференций, постепенно вошел в практику³⁷. Он почти заменил собой формат губернских съездов, организация которых была сопряжена с известными сложностями из-за нелегализованности Конституционно-демократической партии и угрозы закрытия любых публичных кадетских собраний в губернии.

В размываемой напором репрессий партийной структуре пленарные заседания губернского комитета с представителями местных групп выступали спасительным средством для поддержания устойчивости партии в губернии.

³³ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 189. Л. 7–7 об. (письмо к О. А. [Зерновой] от 7 августа [1906] г.).

³⁴ Там же. Л. 7 об.

³⁵ См.: Владимир // Вестник партии народной свободы. 1906. 17 августа. № 23–24. Стб. 1370; Владимир губ[ернский] // Вестник партии народной свободы. 1906. 14 сентября. № 27–28. Стб. 1498–1500.

³⁶ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 189. Л. 9 (письмо А. П. Грессера к О. А. [Зерновой] от 31 августа [1906] г.).

³⁷ См.: Там же. Д. 177. Л. 25, 32 об.

В качестве примеров других заседаний в таком формате (их удавалось собирать «почти ежемесячно»³⁸) могут быть названы следующие: заседание 15 октября 1906 г., в котором участвовали «представители почти от всех уездных комитетов партии» и которое было посвящено предстоящему участию владимирских кадетов во второй думской избирательной кампании³⁹; заседание 25 февраля 1907 г., на которое прибыли представители шести уездных групп и которое было посвящено думской тематике и деятельности партии на местах в период работы II Думы⁴⁰; заседание в июле 1907 г. с участием пяти представителей уездов, посвященное кампании по выборам в III Государственную думу⁴¹.

В период работы II Государственной думы владимирские кадеты решили устроить очередной делегатский съезд. Изначально планировалось собрать его в середине марта 1907 г.⁴² Однако позднее его назначили на символическую дату 27 апреля 1907 г. — годовщину открытия российской Думы. Съезд собрать не удалось из-за «малолюдства собрания»: во Владимир прибыли только 19 человек, представлявших лишь шесть партийных групп губернии (половину из существовавших на тот момент), поэтому работу собравшихся вновь было решено объявить заседанием губернского комитета с представителями местных групп, а переизбрание губернского комитета отложить.

На заседании отсутствовал казначей, в связи с чем не был заслушан отчет губернского комитета. В своих докладах явившиеся делегаты местных групп заявили о том, что партийная деятельность замерла из-за административного давления и «всюду чувствуется переутомление политической борьбой». В связи с этим кадеты стали проявлять особый интерес к участию в общественных организациях. Приехавший из Петербурга член Государственной думы и один из лидеров владимирских кадетов — Н. М. Иорданский — выступил с «интереснейшим» докладом о текущей думской работе, вызвавшим «оживленную беседу»⁴³.

Ввиду упадка партийной работы владимирских кадетов был поднят вопрос о децентрализации местных органов партии. Открывая заседание, с докладом по этому вопросу выступил А. П. Грессер. Он отметил, что созыв делегатских съездов стал затруднительным и небезопасным. Сетую на отсутствие легализации партии и вынужденную конспиративность работы губернского комитета, он предложил признать не только финансовую автономность местных групп (однако ее — в первую очередь), но и необходимость ослабления роли губернского комитета в управлении всей партийной организацией, во всяком случае

³⁸ См.: ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 177. Л. 25.

³⁹ Местная хроника // Владимирец. 1906. 21 октября. № 67; Владимир // Вестник партии народной свободы. 1906. 26 октября. № 33–34. Стб. 1753–1754.

⁴⁰ Местная хроника // Владимирец. 1907. 27 февраля. № 45; Владимир губ[ернский] // Вестник народной свободы. 1907. 8 марта. № 10. Стб. 700.

⁴¹ Владимир, губ[ернский] // Вестник народной свободы. 1907. 2 августа. № 29–30. Стб. 1472–1473.

⁴² Местная хроника // Владимирец. 1907. 27 февраля. № 45.

⁴³ См.: Владимир-губернский // Вестник народной свободы. 1907. 10 мая. № 18. Стб. 1153–1154.

в тех местностях, где существуют устойчивые и достаточно организованные партийные группы. Адекватными процессу децентрализации партийной структуры А. П. Грессер считал попытки объединения нескольких партийных групп в пределах уезда при помощи уездных делегатских съездов и комитетов⁴⁴.

Затем в партийной жизни Владимирской губернской группы Конституционно-демократической партии наступило, по словам того же А. П. Грессера, «безвременье»⁴⁵. Из-за неослабевающего давления администрации и угасания партийной работы кадетов на территории губернии Владимирский губернский комитет примерно в 1908 г. решил учредить свое отделение (своеобразный филиал) в Москве и перенести свои заседания туда. Комитет «предложил устраивать делегатские съезды также в Москве, помимо Владимира»⁴⁶. Источники о проведении этих «московских» съездов не выявлены. Можно только предположить, что такая инициатива вряд ли могла быть реализована без участия давнего лидера владимирских конституционных демократов М. Г. Комиссарова, который, как писал в 1910 г. владимирский губернатор, «постоянно являлся и ныне является центром объединенности» кадетов в губернии⁴⁷. Через него в это время шли «все руководящие указания» и у него, «по слухам, в Москве бывали собрания членов к[онституционно]-д[емократической] партии»⁴⁸. Возможно, некоторые из этих «собраний» и были теми самыми «московскими» съездами.

Активизация политической деятельности владимирских кадетов, вызванная событиями Февральской революции 1917 г., и фактическое воссоздание партийной структуры вновь вызвали к жизни идеи проведения губернских съездов. По-видимому, возобновление работы региональных кадетских съездов было общероссийской тенденцией: от губерний Европейской России до Сибири⁴⁹.

В связи с намеченным на 23 июля 1917 г. IX Всероссийским съездом Партии народной свободы владимирские кадеты в начале июля начали рассылать членам Владимирской партийной организации уведомления о созыве 16 июля экстренного губернского съезда. Порядок дня этого съезда включал вопросы участия местных кадетов в кампании по выборам в Учредительное собрание и обсуждение кандидатур для формирования партийного списка, выборы губернского комитета, «делегацию» владимирских представителей в ЦК партии и на предстоящий Всероссийский партийный съезд⁵⁰. Выявленные источники не дают ответа на вопрос, состоялся ли этот экстренный губернский съезд.

⁴⁴ Грессер А. Децентрализация местных органов партии // Вестник народной свободы. 1907. 17 мая. № 19. Стб. 1173–1178.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 177. Л. 28.

⁴⁶ Там же. Л. 27 об. – 28.

⁴⁷ Государственный архив Владимирской области. Ф. 14. Оп. 5. Д. 2786. Л. 23 об.

⁴⁸ Там же. Оп. 14. Д. 169. Л. 19.

⁴⁹ См., например: Егоров А. Н. Указ. соч. С. 57–58, 62; Черняк Э. И. Политические партии в Сибири (март 1917 – ноябрь 1918 гг.): съезды, конференции, совещания. Томск, 1993. С. 90–91, 101, 111.

⁵⁰ Государственный архив Ивановской области. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 1. Л. 61–61 об.

Неоднократно делались попытки созвать губернский съезд осенью 1917 г. Необходимость в нем была в основном связана с подготовкой к выборам в Учредительное собрание. Сначала съезд был намечен на 3 сентября, о чем свидетельствует сохранившееся удостоверение одного из выбранных на него делегатов⁵¹, однако позднее было объявлено о проведении губернского съезда 26 сентября (сразу после проведения Областного съезда в Москве 23–24 сентября)⁵². Ожидаемого числа делегатов во Владимир не прибыло (отсутствовали представители большинства уездов), поэтому собрание, которое все-таки было проведено, было решено считать «лишь имеющим значение конференции». На нем был выработан предварительный кандидатский список партии для выборов в Учредительное собрание⁵³.

Несмотря на трудности в организации губернского съезда, губернский комитет не отказался от идеи его проведения и назначил датой очередной попытки 7 октября, убедительно призывая уездные, городские и иные комитеты направить своих делегатов «в возможно большем числе» и ссылаясь на судьбоносность текущего политического момента. Вопросы, которые подлежали разрешению съезда, касались окончательного определения списка кандидатов в Учредительное собрание, партийных финансов и пополнения состава губернского комитета⁵⁴. Сведения о проведении назначенного на 7 октября губернского съезда не обнаружены.

Роспуск Всероссийского учредительного собрания, начавшиеся преследования большевиками кадетов, желание (правда, так и не осуществленное) центрального кадетского руководства провести очередной общепартийный съезд, а также ряд других накопившихся вопросов, требовавших немедленного разрешения и координации дальнейших действий, побудили владимирских конституционных демократов вновь попытаться созвать губернский съезд. Об этой попытке известно из копии протокола Владимирской губернской партийной конференции 28 января 1918 г.⁵⁵ На конференцию прибыли 47 делегатов всего лишь из двух уездов (Владимирского и Покровского), причем в копии протокола все делегаты названы поименно (в этом смысле это единственный выявленный источник такого рода). Однако костяк участников был представлен членами Владимирской группы, поэтому перед делегатами встал вопрос, можно ли считать это собрание съездом. Из двух предложенных вариантов — считать собрание конференцией или просто собранием местной группы — большинство проголосовало за первый вариант.

Повестка, которая разрабатывалась для губернского съезда, была обширна, однако она корректировалась прямо по ходу заседания, поскольку одни темы, которые изначально планировалось затронуть (финансовый вопрос и выборы

⁵¹ Государственный архив Ивановской области. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 1. Л. 61–61 об. Л. 17.

⁵² Там же. Л. 5, 18.

⁵³ Там же. Л. 12–12 об.

⁵⁴ Там же. Л. 12 об. – 13.

⁵⁵ Личный архив А. М. Дубровиной.

в Учредительное собрание), стали неактуальными из-за стремительного развития политических событий, а другие (вопрос о новой редакции Устава губернской группы) нельзя было рассматривать из-за приданного собранию статуса конференции.

Председательствующим на собрании был избран П. Д. Артынов, ведущую роль в обсуждениях играл председатель губернского комитета А. А. Эрн.

Вначале участники конференции почтили память Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева. По этому поводу с докладом выступил А. А. Эрн и небольшую речь произнес В. А. Самойлов.

Затем участники конференции заслушали доклад С. С. Алякринского о деятельности литературной и агитационной комиссий, причем в докладе было охарактеризовано текущее организационное состояние партии в губернии.

Детальному обсуждению были подвергнуты такие важные на тот момент для кадетов политические вопросы, как вопрос об отношении к социалистическим партиям, к Учредительному собранию, к церкви (кадеты поддержали ее в борьбе с большевиками после обнародования воззвания патриарха Тихона и одобрения этого воззвания Поместным собором Русской православной церкви), а также о проблеме дальнейшего участия кадетской фракции в работах Владимирской городской думы.

Состоявшиеся в ходе конференции обсуждения показывают, что владимирские кадеты пытались определить свою политическую роль и пределы своей деятельности в губернии, понимая, что круг возможностей сужается и губернскую партийную организацию ожидают тяжелые испытания.

Если о каких-то съездах или конференциях Владимирской группы Конституционно-демократической партии за период с конца 1907 по конец 1917 г. не упомянуто в приведенном обзоре в силу того, что соответствующие источники пока не известны, но на обнаружение которых в будущем можно надеяться, то конференция конца января 1918 г., скорее всего, была последним крупным губернским собранием владимирских кадетов.

Заключение. История губернских съездов и конференций Конституционно-демократической партии во Владимирской губернии как высших органов местной партийной организации явилась отражением истории самой этой организации. Частота проведения губернских съездов и конференций в основном соответствовала динамике партийной жизни. На пиковых отрезках истории партии фиксируется регулярное проведение губернских (в том числе делегатских) съездов. В периоды нестабильности партийной структуры происходило обращение к формату партийных конференций. В годы полуподпольного существования уцелевших партийных групп владимирские кадеты утрачивали возможность организовывать крупные общие собрания.

Результаты проведенного исследования позволяют обозначить периодизацию истории губернских съездов и конференций Владимирской организации Конституционно-демократической партии.

На первом этапе (август – декабрь 1905 г.), когда происходило создание и становление партийной организации, было созвано три губернских съезда. Повестка этих съездов формировалась преимущественно исходя из организационных задач и потребностей партийного строительства.

На этапе расцвета кадетской партии во Владимирской губернии (первая половина 1906 г.) удается провести четыре губернских (из них три — делегатские) съезда. На них фиксируется окончательное оформление в губернии Конституционно-демократической партии; от съезда к съезду их повестка все больше увязывается с участием владимирских кадетов в думской избирательной кампании и в работе I Государственной думы.

Третий этап (вторая половина 1906 – конец 1907 г.) связан с упадком партии во Владимирской губернии и переходом к партийному управлению, основанному на принципе децентрализации. После осознания губернским партийным руководством трудностей в созыве полноценных съездов оптимальной формой взаимодействия между партийными структурами в губернии становятся собрания губернского комитета с представителями местных групп.

Следующий, четвертый этап (1908 – начало 1917 г.) характеризуется замиранием партийной жизни, связанным с процессами распада партийных структур в губернии и, как следствие, прекращением общих собраний (есть основания полагать, что они могли проводиться в Москве).

Наконец, на последнем, пятом этапе (март 1917 г. – начало 1918 г.) происходит возрождение местной кадетской партийной организации, которое повлекло за собой новые попытки созыва губернских съездов. Как правило, эти попытки оказывались неудачными из-за того, что спешная реставрация партии делала ее рыхлой, а также в силу особенностей политического момента. Недостаточно представительные общие собрания, если все-таки удавалось их провести, объявлялись губернскими конференциями.

Литература

1. Егоров А. Н. Кадетские организации Вологодской губернии в 1917 году // История: факты и символы. 2017. № 4 (13). С. 52–64.

2. Пленкин О. И. Конституционно-демократическая партия во Владимирской губернии: организации и численность // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 1 (57). С. 65–87. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-65-87>

3. Седугин В. И. Либералы Центральной России в начале XX века (1905 – март 1917 гг.). Новомосковск: РХТУ им. Д. И. Менделеева, Новомосковский институт (филиал), 2008. 185 с.

4. Черняк Э. И. Политические партии в Сибири (март 1917 – ноябрь 1918 гг.): съезды, конференции, совещания. Томск: Томский государственный университет, 1993. 195 с.

5. Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Наука, 1983. 328 с.

6. Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М.: РОССПЭН, 2015. 863 с.

7. Dahlmann D. Die Provinz wählt: Rußlands Konstitutionell-Demokratische Partei und die Duma wahlen 1906–1912. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1996. 509 s.

8. Emmons T. The formation of political parties and the first national elections in Russia. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1983. 529 p.

References

1. Egorov A. N. Cadet organizations of Vologda province in 1917 // History: Facts and Symbols. 2017. № 4 (13). P. 52–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2017-13-4-52-64>

2. Plenkin O. I. Constitutional Democratic Party in Vladimir province: organizations and numbers // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 1 (57). P. 65–87. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-65-87>

3. Sedugin V. I. Liberals of Central Russia at the beginning of the 20th century (1905 – March 1917). Novomoskovsk: D. I. Mendeleev Russian University of Chemical Technology; Novomoskovsky Institute (branch), 2008. 185 p. (In Russ.).

4. Chernyak E. I. Political parties in Siberia (March 1917 – November 1918): congresses, conferences, meetings. Tomsk: Tomsk State University, 1993. 195 p. (In Russ.).

5. Shelokhaev V. V. The Cadets — the main party of the liberal bourgeoisie in the fight against the Revolution of 1905–1907. Moscow: Nauka, 1983. 328 p. (In Russ.).

6. Shelokhaev V. V. The Constitutional Democratic Party in Russia and in exile. Moscow: ROSSPEN, 2015. 863 p. (In Russ.).

7. Dahlmann D. Die Provinz wählt: Rußlands Konstitutionell-Demokratische Partei und die Duma wahlen 1906–1912. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1996. 509 s.

8. Emmons T. The formation of political parties and the first national elections in Russia. Cambridge: Harvard University Press, 1983. 529 p.

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-72-81

Кармов Тимур Михайлович

кандидат исторических наук

Нижегородская областная фармацевция

Санкт-Петербург, Россия

timurkarmow@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9534-5797

ОЗОКЕРИТОВАЯ МОНОПОЛИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию озокеритовой отрасли российской промышленности. Рассмотрены особенности добычи этого нефтепродукта, его переработки и реализации на территории Российской империи. Особое внимание в статье уделено акционерному обществу Челекенских озокеритово-нефтяных промыслов «Люборад», действовавшему на территории Закаспийской области. В статье прослеживается история этого общества и приводятся биографические сведения о его руководстве. Показано наращивание масштабов его деятельности, сделавшей общество крупнейшим производителем озокерита и его продуктов в позднеимперской России.

Ключевые слова: озокерит, нефтяная промышленность, «Люборад», Закаспийская область, Туркестанское генерал-губернаторство, Станислав Любомирский, Константин Радкевич, Петр Пальчинский.

Для цитирования: Кармов Т. М. Озокеритовая монополия в Российской империи // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 1 (61). С. 72–81. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-72-81>

Original article

UDC 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-72-81

Karmov Timur M.

Candidate of Historical Sciences

Nizhny Novgorod Regional Pharmacy

Saint Petersburg, Russia

timurkarmow@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9534-5797

OZOKERITE MONOPOLY IN THE RUSSIAN EMPIRE

Abstract. The article is devoted to the research of the ozocerite branch of the Russian industry. The features of the extraction of this petroleum product, its processing and sale on the territory of the Russian Empire are considered. Special attention is paid in the article to the joint-stock company of Cheleken ozokerite and oil fields “Lyuborad”, operating in the territory of the Transcaspian region. The article traces the history of this Society

and provides biographical information about its leadership. The scale-up of the activities of this organization, which became the largest producer of ozokerite and its products in late Imperial Russia, is shown.

Keywords: Ozokerite, oil industry, “Lyuborad”, Transcaspian region, Turkestan Governorate General, Stanislav Lubomirsky, Konstantin Radkevich, Petr Palchinsky.

For citation: Karmov T. M. Ozokerite monopoly in the Russian Empire // *MCU Journal of Historical Studies*. 2026. № 1 (61). P. 72–81. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-72-81>

Введение. Исследования по истории предпринимательства в озокеритовой сфере практически отсутствуют в отечественной историографии. В настоящий момент озокеритовым компаниям не посвящено ни одной специальной работы, несмотря на то что озокерит был в конце XIX – начале XX в. важнейшим нефтепродуктом, а в Российской империи существовало крупное акционерное общество Челекенских озокеритово-нефтяных промыслов «Люборад», являвшееся, по сути, монополистом и оставившее после себя большое документальное наследие¹.

«Озокерит (или горный воск) — битуминозное ископаемое, встречающееся в виде залежей, жил и прослоек рядом с месторождениями парафинистых нефтей»².

В конце XIX – начале XX в. озокерит ввозился в Россию главным образом из Галиции (Австро-Венгрия), на территории которой, в районе Борислава, разрабатывались крупнейшие европейские месторождения этого продукта³. Д. И. Менделеев отмечал, что горный воск (озокерит) имеет большое значение для промышленности и для пропитки брезентовых тканей и что его запасы есть на территории империи на Каспийском море на о. Челекене и Святом, а также на Кавказе, однако в России они не разрабатываются. Разведка же и добыча озокерита на Кавказе и Закаспийской области могли бы, по его мнению, послужить необходимой основой внутреннего производства⁴.

Из перечисленных Д. И. Менделеевым месторождений именно о. Челекен у восточного побережья Каспийского моря послужил основной базой

¹ См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 66. Оп. 1.

² *Киржнер Д. М.* Горная промышленность в цифрах (краткий справочник) / под ред. А. М Горбачева, Е. С. Гендлера. М., 1926. С. 104.

³ *Федоровский Н. М.* Озокерит // *Техническая энциклопедия* / гл. ред. Л. К. Мартенс. Т. 14. М., 1931. С. 882.

⁴ *Менделеев Д. И.* Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891. СПб., 1892. С. 301–302; «Экономике нефтяной промышленности Менделеев посвятил более 90 работ разного жанра, практически создав программу экономического развития этой отрасли. Благодаря предложенным им мероприятиям (способы добычи и переработки, хранения и транспортировки, выбор мест размещения заводов) нефтяной промысел России стал детищем промышленной революции» (*Таранков В. И., Сахарова М. О.* Менделеев: экономическая независимость России. М., 2024. С. 169).

для развертывания промышленной добычи российского озокерита. Это было обусловлено, прежде всего, богатыми и мощными его прослойками, содержащими до 70 % церезина⁵, а также окончательным административно-правовым оформлением этих территорий в составе Российской империи и отменой откупной системы.

Ход и результаты исследования. Российская империя владела закаспийскими землями 83 года (с 1834 до весны 1917 г.), в течение которых они последовательно входили в состав трех генерал-губернаторств (Оренбургского, Кавказского, Туркестанского) и в отдельный период пользовались административной самостоятельностью⁶. Закаспийская область как административная единица была учреждена 6 мая 1881 г.⁷, а откупная система была отменена в ней 10 июня 1892 г. законодательным актом «О применении к Закаспийской области правил о частной горной промышленности на свободных казенных землях»⁸.

Непосредственно сама добыча нефти и ее продуктов на острове производилась еще с древнейших времен местными туркменскими племенами, поселившимися на Челекене, которые добывали нефть для своих нужд, продавая излишки в Персию. С 1874 г. на острове впервые началась планомерная разведка «Товариществом братьев Нобель» и добыча нефти буровым способом⁹. Разведка Нобелями подтвердила окупаемость промышленного освоения Челекена¹⁰.

Однако, несмотря на всплеск интереса к нефти, добыча ее в отраслевой структуре промышленности Туркестана занимала к 1908 г. лишь 1,9 %¹¹. На территории же Закаспийской области (нынешнего Туркменистана) в 1899–1907 гг. нефти было добыто всего от 0,2 млн до 0,9 млн пудов, в 1908 г. — 1,2 млн пудов, в 1909 г. — 3 млн пудов, в 1910 г. — 9,6 млн пудов. Пик добычи пришелся на 1911–1912 гг. — 13 млн пудов¹². Добыча озокерита была совсем

⁵ Логофет Н. Д. На границах Средней Азии. Путевые очерки в 3 кн. Кн. 1. Персидская граница. СПб., 1909. С. 16.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Аминов И. И. Этапы развития правового статуса Закаспийской области в составе Российской империи (1834–1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2-1 (28). С. 13.

⁸ Матвейчук А. А. Из истории начального периода акционерного учредительства в нефтяной промышленности России // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 10. М., 2005. С. 18.

⁹ Логофет Н. Д. Указ. соч. С. 11.

¹⁰ 30 лет деятельности Товарищества нефтяного производства братьев Нобель. 1879–1909. СПб., [1914]. С. 59–60.

¹¹ Котюкова Т. В. Туркестанское направление думской политики России (1905–1917). М., 2008. С. 31.

¹² Реджепов П. Нефтяная и газовая промышленность Туркменистана в 1971–1970 годах: исторический опыт и проблемы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ашгабат, 1994. С. 13.

незначительной: в 1913 г. на среднеазиатских месторождениях было добыто всего около 91 тонны из них только 38 тонн — на о. Челекен¹³.

Ранее добыча озокерита велась туркменами примитивным способом, на небольшой глубине в тех местах, где он сам обнажался или же где на него наткались при выборке грунта для нефтяных колодцев. Специальной разведки не производилось, а добытый озокерит после обработки шел главным образом в Баку и Хиву, где его использовали для окрашивания материй и при шитье обуви вместо смолы¹⁴.

Первые попытки промышленной переработки челекенского озокерита известны с 1861 г., когда на о. Святом (ныне полуостров Пираллахи в Азербайджане) некий аптекарь Витте организовал переработку челекенского озокерита для получения парафина и осветительных масел¹⁵.

Несмотря на существующие ограничения ведения предпринимательской деятельности в Туркестанском генерал-губернаторстве (согласно Положению об управлении Туркестанского края, примечания 3 к статье 262, приобретение недвижимого имущества в Туркестане дозволялось только таким акционерным обществам и товариществам, члены которых были русскими подданными христианских вероисповеданий или уроженцами края и сопредельных среднеазиатских стран¹⁶), было учреждено акционерное общество Челекенских озокеритово-нефтяных промыслов «Люборад». Оно было реорганизовано из долевого товарищества, основанного 6 июня 1908 г. князем С. Любомирским, К. Радкевичем и А. Иванковым¹⁷. Двое из учредителей нового общества, имевших польское происхождение, были заметными персонами делового сообщества России. Самый именитый из них — князь Станислав Себастьян Любомирский (1875–1932), ставший председателем правления общества¹⁸, принадлежал к старинному и богатому польскому магнатскому роду, которые владели обширными территориями и недвижимостью.

Сам князь был весьма активным предпринимателем и общественным деятелем и являлся членом совета и директором Варшавского промышленного банка, членом совета Российского взаимного страхового союза, председателем правлений Варшавского общества подъездных железных путей, Варшавского общества пароходства и торговли, Общества машиностроительного

¹³ Федоровский Н. М. Указ. соч. С. 882.

¹⁴ Логофет Н. Д. Указ. соч. С. 15–16.

¹⁵ Ахмадова Х. Х., Сыркин А. М., Штена Д. В., Мовсум-заде Н. Ч. Становление и развитие процесса пиролиза на бакинских нефтеперерабатывающих заводах // НефтеГазХимия. 2017. № 2. С. 42.

¹⁶ Шепелёв Л. Е. Акционерные компании в России: XIX – начало XX века. СПб., 2006. С. 532; Алимджанов Б. А. Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. С. 114–115.

¹⁷ «Акционерно-паевые предприятия России» / под общ. ред. В. В. Лаврова. М., 1917. С. 295; Подробнее о создании общества см.: РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 1143.

¹⁸ Боханов А. Н. Деловая элита России 1914 г. М., 1994. С. 174.

и чугунолитейного завода «Рудзский и Ко», директором Общества свеклосахарного завода «Тославице». Кроме этого, С. Любомирский был страстным поклонником авиации и основал в 1910 г. Варшавское авиационное общество «Авиата» на Мокотовском поле, территории, занимаемой также царской армией. Согласие на его использование князь получил непосредственно от царских чиновников. По его инициативе были основаны первая на польской земле гражданская школа пилотов и авиазавод¹⁹. Впоследствии князь С. Любомирский сыграл важнейшую роль в становлении польской экономики: он основал Центральную ассоциацию польской промышленности «Левиафан», в которой с 1932 г. занимал пост президента. С. Любомирский посвятил свою жизнь борьбе за независимость польской экономики²⁰.

Интерес к о. Челекену и озокериту со стороны князя С. Любомирского не был случайным. Как уже упоминалось, Российская империя импортировала озокерит главным образом с территории Австро-Венгрии, из разрабатываемого месторождения возле Борислава в Галиции. Землевладельцами в бассейне добычи озокерита на тот момент были в основном именно поляки²¹. В их число входили и представители многочисленной и разветвленной фамилии Любомирских, которые, будучи австрийскими поданными, активно участвовали в различных экономических проектах на территории королевства Галиции и Лодомерии²². Нетрудно предположить, что князь, используя информацию от своих родственников из Австро-Венгрии и учитывая сложившуюся конъюнктуру на рынке, обратил внимание на месторождения этого нефтепродукта в Российской империи.

Однако при всех достоинствах князя С. Любомирского главным коммерческим мозговым центром компании был второй учредитель польского происхождения — К. В. Радкевич, по профессии инженер путей сообщения, член правления Общества Люблинской фабрики цемента «Фирлей»²³.

В ранге вице-председателя правления Радкевич занимался не только развитием самого предприятия, вопросами его хозяйственной деятельности и инвестирования, но и продвижением продукции компании в Российской империи и за рубежом. Учредители были связаны не только через «Люборад». Именно Радкевич обеспечил инвестиции австрийских капиталистов в детище князя Любомирского — Национальный банковский дом в Варшаве и превращение его в Варшавский промышленный банк, устав которого был утвержден 31 октября 1910 г.²⁴

¹⁹ *Mordawski H.* Siły Powietrzne w I wojnie światowej. Wrocław, 2008. S. 45–46.

²⁰ *Landau Z.* Lubomirski Stanisław Sebastian // *Polski Słownik Biograficzny* / red. E. Roztworowski. T. 18, PWN, Warszawa, 1973. S. 56–58.

²¹ *Frank A. F.* Oil empire: Visions of prosperity in Austrian Galicia. Cambridge, London, 2005. P. 70.

²² *Мошеченский С. З.* Финансовые центры Украины и рынок ценных бумаг индустриальной эпохи. London, 2014. С. 180.

²³ *Боханов А. Н.* Указ. соч. С. 210.

²⁴ *Cholewinski L.* Działalność społeczno-gospodarcza księcia Stanisława Lubomirskiego (1875–1932) do 1914 r. // *Acta Universitatis Lodzientis. Folia Historica.* 2014. № 93. S. 45.

К работе общества был подключен и известный горный инженер, экономист и общественный деятель, впоследствии член Временного правительства П. И. Пальчинский (1875–1929), который после амнистии в 1913 г. вернулся из Италии в Россию и стал акционером ряда предприятий и членом правления общества «Люборад»²⁵.

Учредители подошли к делу основательно и для проверки сведений, а также для оценки запасов озокерита отправили на о. Челекен своего специалиста — доцента Краковского университета, доктора Иозефа Гржибовски. Гржибовски побывал на Челекене дважды — в апреле и июне 1907 г., — оставаясь там каждый раз по несколько недель. В результате он дал положительное заключение, отметив, что «нет более богатой нефтью территории в мире, чем на острове Челекен, которая залегает близко к поверхности и легко извлекаема»²⁶. Анализируя перспективы промышленной разработки месторождений и риски со стороны возможных конкурентов, Гржибовски также отметил, что сегодня только одна фирма («Братья Нобель») занимается здесь добычей «на постоянной основе и та совсем недавно начала рациональные работы, которые, как он полагает, способны давать от 2 500 до 3 000 пудов ежедневно»²⁷.

По поручению общества горный инженер С. Ф. Малявкин в 1914–1915 гг. также изучил состояние рынка озокерита в Европе и ознакомился с галицийскими месторождениями, посетив заодно и месторождения во Франции²⁸.

Само общество открыло свои действия 5 февраля 1914 г. на основании устава, утвержденного 19 декабря 1912 г. (изменен 14 июня 1914 г.²⁹). Целью его являлась эксплуатация месторождений нефти и озокерита на о. Челекене Закаспийской обл., а также торговля нефтью, озокеритом и их продуктами. Согласно уставу, органами центрального управления были общее собрание акционеров, правление, состоящее из пяти директоров и трех кандидатов, а также ревизионная комиссия³⁰. Вначале правление находилось в Варшаве (ул. Згода, 9), а с 1915 г. — в Петрограде (Морская, 3/5)³¹. В обществе было создано три отдела: коммерческий, эксплуатационный и юридический, — а деятельность на острове осуществлялась через Челекенскую промысловую контору. В процессе преобразования из товарищества в общество учредителями было передано имущества на 1 млн 750 тыс. руб., а первоначальный акционерный капитал был определен в 3,5 млн руб., впрочем сокращенный на первом же собрании

²⁵ Волков В. А., Куликова М. В. Российская профессура под колпаком у власти // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 2. С. 74.

²⁶ РГИА. Ф. 66. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

²⁷ Там же. Л. 13.

²⁸ Шпаченко А. К., Войтеховский Ю. Л. Горный инженер С. Ф. Малявкин // Труды Всероссийской Ферсмановской научной сессии ГИ ЦНК РАН. Апатиты, 2009. С. 91.

²⁹ Подробнее об этом см.: РГИА. Ф. 23. Оп. 13. Д. 617.

³⁰ Там же. Ф. 66. Оп. 1. Предисловие к описи. С. III–V.

³¹ Там же. С. IV.

акционеров до 2 млн руб. Акции выпускались в номинале 100 руб. каждая. Однако уже в течение второго операционного года стало ясно, что капитала недостаточно, и в 1916 г. капитал был увеличен до 8 млн руб. путем выпуска 60 тыс. акций на сумму 6 млн рублей³².

Из-за разразившейся Первой мировой войны для общества сложилась крайне удачная экономическая конъюнктура: месторождения Австро-Венгрии оказались на территории противника и традиционный озокерит из Галиции перестал поступать на рынки Российской империи. В этих условиях для российской промышленности оставался только дорогой канал поставок парафина и церезина из Соединенных Штатов через Владивосток, чем компания «Любоград» и поспешила воспользоваться.

Ставя перед собой амбициозную задачу — максимально захватить российских рынок, — общество планировало создание завода по переработке озокерита в наиболее удобном с точки зрения транспортной инфраструктуры месте. На основании договора от 16 июня 1915 г. с акционерным обществом Ливенгофских стекольного и пробочного производств на аренду участка земли на территории современного Лисичанска общество построило завод по переработке озокерита, который был пущен в конце 1915 г.³³

С целью монополизации российского рынка общество не только наращивало добычу на самом Челекене, но и скупало озокерит у других компаний. В частности, в 1915 г. общество приобрело с доставкой из Владивостока 200 тонн американского парафина³⁴. Более того, общество планировало брать в аренду или приобретать в собственность месторождения озокерита в других регионах. Кроме собственно кавказских месторождений, об аренде которых правление вело переписку³⁵, большой интерес вызывали еще мало разработанные ферганские месторождения. У кокандского агента общества «Кавказ и Меркурий» были запрошены пробы ферганского озокерита³⁶. В апреле 1915 г. в Фергану был отправлен член правления К. В. Марков, который в докладе по итогам поездки отметил необходимость сосредоточения в руках «Любограда» ферганского озокерита и изучения других месторождений. Он также отметил необходимость заключения договоров с горнопромышленным товариществом «Фергана», товариществом «Бр. Лерх» и другими обществами, владеющими месторождениями озокерита в окрестностях Коканда³⁷.

25 апреля 1915 г. «Любоград» заключил договор с горнопромышленным товариществом «Фергана» о покупке всего добываемого озокерита, а когда

³² РГИА. Ф. 66. Оп. 1. Предисловие. С. III.

³³ *Мефферт В. Ф.* Геологический очерк Лисичанского района Донецкого бассейна. Л., 1924. С. 6; РГИА. Ф. 66. Оп. 1. Д. 92. Л. 1.

³⁴ РГИА. Ф. 66. Оп. 1. С. 37 (здесь и далее мы ссылаемся на страницы описи, где представлены заголовки дел. — *Т. К.*).

³⁵ Там же. С. 38.

³⁶ Там же. С. 35.

³⁷ Там же. С. 13, 18.

«Фергана» была признана несостоятельной, правление «Люборада» в марте 1916 г. покупает пай у собственников товарищества К. Лерха, А. Лерха и В. Комаровского, чтобы не допустить их перехода к другому кредитору. В апреле 1917 г. по доверенности общества горный инженер Ф. Э. Пиннэ принял все имущество и месторождения «Ферганы» в «Люборад»³⁸. По сообщению русского корреспондента *Petroleum World*, озокеритовая промышленность в Российской империи была представлена главным образом одной компанией — «Люборад», — добывшей в 1915 г. 21 400 пудов озокерита³⁹.

Активное расширение и наращивание добычи озокерита требовали значительных средств, и здесь главным партнером и инвестором общества оказывается Азово-Донской коммерческий банк. Причем он выступал не только как классическое финансовое учреждение, кредитуя и обслуживая счет «Люборада», но и предоставлял склады своих Харьковского, Московского, Варшавского и Петроградского отделений под хранение озокерита⁴⁰. И уже в апреле 1915 г., когда правление «Люборада» перебралось в Петроград, Азово-Донской коммерческий банк получил большую часть акций общества⁴¹.

Однако амбиции «Люборада» не ограничивались только российским рынком. Правление в лице К. Радкевича в марте – мае 1915 г. вело интенсивную переписку с Англо-русским торговым комитетом, русскими консульствами в Чикаго, Париже и Мадриде, консулом США в Варшаве и даже представителями японской фирмы «Мицуи и Ко» о намерении общества использовать обстоятельства военного времени и захватить озокеритовые рынки в Европе, Америке и Японии и заодно просило рекомендовать общество заинтересованным компаниям как крупнейшего производителя озокерита⁴².

Велась переписка и с транспортными компаниями о ценах по доставке во Францию и Англию озокерита, разрешенного Департаментом таможенных сборов Министерства финансов⁴³.

Заключение. В результате всего за несколько лет акционерное общество «Люборад» стало крупнейшим производителем озокерита и продуктов из него в России, имея представителей в нескольких городах Российской империи. Однако мировая война, падение самодержавия и приход большевиков к власти прервали стремительный взлет «Люборада»: на основании декрета СНК от 20 июня 1918 г. имущество компании было национализировано⁴⁴.

³⁸ РГИА. Ф. 66. Оп. 1. С. 11–14.

³⁹ *McCaskey H. D., Burchard E. F., Loughlin G. F.* Mineral resources of the United States. 1916. Part II. Nonmetals. Washington, 1919. P. 281.

⁴⁰ РГИА. Ф. 66. Оп. 1. С. 16.

⁴¹ Там же. С. 14.

⁴² Там же. С. 15.

⁴³ Там же. С. 35.

⁴⁴ РГИА. Ф. 66. Оп. 1. Предисловие. С. IV.

Литература

1. Алимджанов Б. А. Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX – начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 177 с.
2. Аминов И. И. Этапы развития правового статуса Закаспийской области в составе Российской империи (1834–1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2-1 (28). С. 13–16.
3. Ахмадова Х. Х., Сыркин А. М., Штепа Д. В., Мовсум-заде Н. Ч. Становление и развитие процесса пиролиза на бакинских нефтеперерабатывающих заводах // НефтеГазоХимия. 2017. № 2. С. 40–45.
4. Боханов А. Н. Деловая элита России 1914 г. М.: ИРИ РАН, 1994. 272 с.
5. Волков В. А., Куликова М. В. Российская профессура под колпаком у власти // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 2. С. 65–75.
6. Котюкова Т. В. Туркестанское направление думской политики России (1905–1917). М.: Энтер-Графико, 2008. 201 с.
7. Матвейчук А. А. Из истории начального периода акционерного учредительства в нефтяной промышленности России // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 10. М.: Изд-во МГУ, 2005. С. 9–27.
8. Мошенский С. З. Финансовые центры Украины и рынок ценных бумаг индустриальной эпохи. London: Xlibris, 2014. 503 с.
9. Реджепов П. Нефтяная и газовая промышленность Туркменистана в 1971–1970 годах: исторический опыт и проблемы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ашгабат, 1994. 64 с.
10. Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России: XIX – начало XX века. СПб.: СПбГУ, 2006. 600 с.
11. Шпаченко А. К., Войтеховский Ю. Л. Горный инженер С. Ф. Малявкин // Труды VI Всероссийской (с международным участием) Ферсмановской научной сессии (Апатиты, 18–19 мая 2009 г.). Апатиты: Изд-во К & М, 2009. С. 87–93.
12. Frank A. F. Oil empire: Visions of prosperity in Austrian Galicia. Cambridge, London: Harvard University Press, 2005. 343 p.
13. Cholewinski L. Działalność społeczno-gospodarcza księcia Stanisława Lubomirskiego (1875–1932) do 1914 r. // Acta Universitatis Lodzientis. Folia Historica. 2014. № 93. P. 43–52. <https://doi.org/10.18778/0208-6050.93.05>
14. Mordawski H. Siły Powietrzne w I wojnie światowej. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie, 2008. 514 p.

References

1. Alimdzhanov B. A. Economic policy of the Russian Empire in the Turkestan governorate-general (second half of the 19th – early 20th centuries): dissertation of the Candidate of Historical Sciences. St. Petersburg, 2016. 177 p. (In Russ.).
2. Aminov I. I. Stages of development of the legal status of the Transcaspian region as part of the Russian Empire (1834–1917) // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theoretical and practical issues. 2013. № 2-1 (28). P. 13–16. (In Russ.).

3. Akhmadova Kh. Kh., Syrkin A. M., Shtepa D. V., Movsum-zade N. Ch. The formation and development of the pyrolysis process at Baku refineries // *Oil & Gas Chemistry Journal*. 2017. № 2. P. 40–45. (In Russ.).
4. Bokhanov A.N. The business elite of Russia in 1914. Moscow: IRI RAN, 1994. 272 p.
5. Volkov V. A., Kulikova M. V. Russian professors under the hood of power // *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*. 1994. № 2. P. 65–75. (In Russ.).
6. Kotyukova T. V. Turkestan direction of the Duma policy of Russia (1905–1917). Moscow: Enter-Grafiko, 2008. 201 p. (In Russ.).
7. Matveychuk A. A. From the history of the initial period of joint-stock foundation in the oil industry of Russia // *Economic History. Review* / ed. by L. I. Borodkin. Issue 10. Moscow: MSU Publishing House, 2005. P. 9–27. (In Russ.).
8. Moshensky S. Z. Financial centers of Ukraine and the securities market of the industrial era. London: Xlibris, 2014. 503 p. (In Russ.).
9. Rejepov P. Oil and gas industry of Turkmenistan in 1971–1970: historical experience and problems: author's abstract of the dissertation of the Doctor of Historical Sciences. Ashgabat, 1994. 64 p. (In Russ.).
10. Shepelev L. E. Joint-stock companies in Russia: 19th – early 20th. St. Petersburg: SPbSU Publishing House, 2006. 600 p. (In Russ.).
11. Shpachenko A. K., Voitekhovsky Yu. L. Mining engineer S. F. Malyavkin // *Proceedings of the VI All-Russian (with international participation) Fersman Scientific session (Apatity, May 18–19, 2009)*. Apatity: K&M Publishing House. P. 87–93. (In Russ.).
12. Frank A. F. Oil empire: Visions of prosperity in Austrian Galicia. Cambridge, London: Harvard University Press, 2005. 343 p.
13. Cholewinski L. Działalność społeczno-gospodarcza księcia Stanisława Lubomirskiego (1875–1932) do 1914 r. // *Acta Universitatis Lodzientis. Folia Historica*. 2014. № 93. P. 43–52. <https://doi.org/10.18778/0208-6050.93.05>
14. Mordawski H. Siły Powietrzne w I wojnie światowej. Wrocław: Wydawnictwo Dolnoslaskie, 2008. 514 p.

Научная статья

УДК 94(571.513):316.74»1941/1945»

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-82-95

Кискидосова Татьяна Александровна

кандидат исторических наук

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

Абакан, Россия

tak_74@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1031-835X

БОРЬБА С ИНФЕКЦИОННЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В ХАКАСИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

Аннотация. Статья посвящена истории проведения мероприятий, которые были направлены на борьбу с инфекционными заболеваниями в Хакасии в годы Великой Отечественной войны. Показано, что с началом войны в регионе возникла неблагоприятная санитарно-эпидемическая обстановка. охарактеризованы основные направления деятельности областного отдела здравоохранения Хакасии в сфере организации борьбы с инфекционными заболеваниями в военный период. Рассмотрен комплекс санитарно-профилактических мероприятий, направленных на подавление эпидемических вспышек в Хакасии. В целом в результате активной деятельности медицинского персонала удалось предотвратить эпидемическую угрозу и создать относительно благоприятную санитарную обстановку в регионе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сибирь, Хакасия, здравоохранение, медицинские работники, эпидемии, инфекционные заболевания.

Для цитирования: Кискидосова Т. А. Борьба с инфекционными заболеваниями в Хакасии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 1 (61). С. 82–95. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-82-95>

Original article

UDC 94(571.513):316.74"1941/1945"

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-82-95

Kiskidosova Tatiana A.

Candidate of Historical Sciences

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History

Abakan, Russia

e-mail: tak_74@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1031-835X

**CONTROL OF INFECTIOUS DISEASES
IN KHAKASSIA DURING THE GREAT
PATRIOTIC WAR (1941–1945)**

Abstract. The article is devoted to the history of measures aimed at control of infectious diseases in Khakassia during the Great Patriotic War. It is shown that since the beginning of the war, an unfavorable sanitary and epidemic situation arose in the region, and the main areas of activity of the Regional Health Department of Khakassia in the field of organizing control of infectious diseases during the war period. It considers a set of sanitary and preventive measures aimed at suppressing epidemic outbreaks in Khakassia. In general, as a result of the medical staff's active work, they managed to prevent the epidemic threat and create a relatively favorable sanitary situation in the region.

Keywords: Great Patriotic War, Siberia, Khakassia, healthcare, medical workers, epidemics, infectious diseases.

For citation: Kiskidosova T. A. Control of infectious diseases in Khakassia during the Great Patriotic War (1941–1945) // MCU Journal of Historical Studies. 2026. № 1 (61). P. 82–95. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-82-95>

Введение. Суровые военные годы стали огромной трагедией для всего советского народа. Массовые миграции населения, существенное снижение материально-бытового обеспечения жителей страны, многочисленные людские потери, лишения и невзгоды, а также резкое сокращение средств, выделяемых на гражданское здравоохранение, способствовали резкому ухудшению санитарного состояния как на фронте, так и в тыловой части страны. Сложившаяся ситуация создавала все условия для роста инфекционных заболеваний и смертности населения. Одной из важнейших задач советского здравоохранения в годы Великой Отечественной войны стала борьба с инфекционными заболеваниями и предотвращение возникновения эпидемических вспышек. Вся ответственность за проведение подобных мероприятий возлагалась на местные органы власти и органы здравоохранения.

В отечественной историографии советского периода комплексной работой по истории здравоохранения и военной медицины страны в годы Великой Отечественной войны стала коллективная монография «Советское здравоохранение

и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»¹. Ее авторы наметили для историков ориентиры для изучения гражданского здравоохранения советского тыла в военный период. Вопросы развития системы здравоохранения, санитарно-противоэпидемической борьбы, деятельности медицинских работников в Сибири были рассмотрены в трудах, посвященных демографическим и социальным процессам в регионе². В последние годы появился ряд работ, посвященных истории здравоохранения в различных областях тыловой части страны³. В то же время остаются слабо изученными вопросы организации и проведения санитарно-противоэпидемических мероприятий, борьба с инфекционными заболеваниями и т. п. на региональном уровне. В данной статье предпринята попытка рассмотреть основные направления деятельности областного отдела здравоохранения Хакасии в сфере организации борьбы с инфекционными заболеваниями в годы Великой Отечественной войны. Значительная часть привлеченных к исследованию архивных материалов впервые вводится в научный оборот.

Ход и результаты исследования. Серьезную опасность в распространении инфекционных заболеваний представляло перемещаемое из прифронтовых районов население. Приток эвакуированных и беженцев ставил перед органами здравоохранения новые и весьма непростые задачи. 30 июня 1941 г. Народным комиссариатом здравоохранения СССР совместно с Народным комиссариатом путей сообщения СССР было разработано и разослано Положение о медико-санитарном обслуживании населения, эвакуируемого из угрожаемых районов. На станциях и пристанях организовывали санпропускники — кордоны от эпидемий, где прибывшим людям дезинфицировали одежду и выдавали по куску

¹ *Иванов Н. Г., Георгиевский А. С., Лобастов О. С.* Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л., 1985.

² *Алексеев В. В., Исупов В. А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986; *Анисков В. Т.* Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1993; *Исупов В. А.* Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008 и др.

³ *Тряхов И. С.* Санитарно-эпидемическая обстановка во Владимирской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник РУДН. 2014. № 3. С. 70–80; *Цыретарова Б. Б.* Санитарно-эпидемическая обстановка и борьба с эпидемиями в Бурятии в годы Великой Отечественной войны // Вестник РГГУ. 2014. № 19. С. 78–87; *Мезит Л. Э.* Состояние и деятельность системы здравоохранения в годы Великой Отечественной войны (по материалам Красноярского края) // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов. Казань, 2015. С. 290–297; *Усольцева Н. Л.* Обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия Южного Урала в годы Великой Отечественной войны // *Magistra Vitae*. 2016. № 1. С. 128–137; *Иванов К. С.* Борьба с эпидемиями в г. Ишиме в годы Великой Отечественной войны // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 3. С. 39–42; *Семенов М. А.* Борьба с инфекциями в годы Великой Отечественной войны в документах органов государственной власти Новосибирской области // Сибирский архив. 2021. № 1 (7). С. 44–82 и др.

мыла. В местах массового скопления народа медицинские службы обязывались взять под строгий контроль пищевые предприятия, пищеблоки и питьевые источники. Советская система здравоохранения обеспечила медицинское обслуживание на путях эвакуации и в пунктах сбора перемещенных лиц⁴.

Хакасский областной отдел здравоохранения предпринял все необходимые меры по предотвращению распространения инфекционных заболеваний в области. Все районы своевременно получили указания по проведению санитарных мероприятий. 7 декабря 1941 г. на заседании Хакасского облисполкома специально рассматривался вопрос о санитарно-эпидемическом состоянии в Хакасии. Особую тревогу вызвало халатное отношение ряда районов (Таштыпский, Ширинский, Богградский, Шарыповский), где эвакуированное население, не пройдя специальной обработки, разместилось среди местных жителей. Это привело к тому, что в январе 1942 г. в этих районах возникли вспышки сыпного тифа. В срочном порядке на места выехали работники областного отдела здравоохранения: облгоссанинспекция, эпидстанция, эпидемиолог и врачи. В районные центры Таштып, Аскиз, Шира, Богград и Усть-Абакан послали эпидотряды для поголового обследования на педикулез и санитарной обработки людей и вещей. Врач-эпидемиолог поставил на учет все старые и новые эпидемические очаги для постоянного наблюдения и проведения санобработки⁵.

В военное время населению постоянно не хватало квалифицированной медицинской помощи, так как значительная часть медицинского персонала была мобилизована на фронт и занята в госпиталях. Таким образом, в 1942 г. в Абакане средства, выделенные на здравоохранение, освоили только на 60 %, в том числе на поликлиники — 47,9 %, фельдшерские пункты — 50 %, станции скорой помощи — 56,1 %, туберкулезный диспансер — 51,8 %, дезостанцию — 47,7 %, малярийную станцию — 49,2 %, родильный дом — 59,7 %. В сложившейся ситуации Абаканский горсовет обязал заведующего горздравотделом тов. Олехновича принять все меры для лучшего обслуживания абаканцев медицинской помощью. Для этого требовалось организовать помощь на дому, реорганизовать станцию скорой помощи, улучшить обслуживание населения поликлиникой и фельдшерским пунктом, закончить ремонт помещений медицинских учреждений⁶.

Основным средством профилактики и лечения инфекционных заболеваний оставалось широкое применение лекарственных средств, и прежде всего прививок. Охват различными вакцинациями населения проводился с целью предотвратить или локализовать эпидемии. Согласно отчету заведующего Хакасским облздравотделом Л. А. Спраговской за 1941 г., годовой план противоэпидемических прививок в Хакасской автономной области не удалось выполнить. План прививок по дифтерии выполнили всего на 10,3 %, брюшного тифа — 59,5 %, дизентерии — 50,3 %. Недостаточный охват населения вакцинацией мог

⁴ Зинич М. С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. М., 2019. С. 238.

⁵ Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 927. Л. 96.

⁶ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 416. Л. 68.

усилить распространение инфекционных заболеваний⁷. Ситуация с прививками улучшилась только в следующем году, после принятия необходимых мер по охвату вакцинацией населения. По некоторым видам прививок удалось даже перевыполнить план. Например, план прививок за 1942 г. по брюшному тифу выполнили на 137,1 %, по дифтерии — на 110,2 %⁸.

Возникновению эпидемических заболеваний способствовали постоянные очереди в городских банях, отсутствие санитарных пропусков у части эвакуированного населения, неудовлетворительное состояние медицинской сети, дефицит мыла и т. п. Нередко различные инфекционные болезни становились причиной летального исхода. Рост смертности происходил от таких острозаразных болезней, как брюшной и сыпной тиф, корь, скарлатина, дифтерит, грипп и дизентерия⁹.

Одной из основных причин роста инфекционных заболеваний являлось резкое ухудшение питания населения. Снижение калорийности, а также дефицит белков и витаминов отрицательно отразились на иммунитете многих людей. Употребление суррогатов и различных некачественных пищевых заменителей имели пагубные последствия для здоровья. Постоянное недоедание в военное время существенно ослабляло иммунную систему, к этому добавлялись тяжелые физические и психические нагрузки. Человеческий организм становился уязвимым к различным инфекционным заболеваниям. Токсическая диспепсия (острое расстройство пищеварительной системы) стала одним из самых распространенных заболеваний, которое нередко заканчивалось смертельным исходом. Оно, как правило, являлось следствием плохого питания и отравлением некачественными пищевыми продуктами. В 1942 г. в городских поселениях Хакасии от токсической диспепсии умерли 114 человек¹⁰.

Сыпной тиф с трансмиссивным механизмом передачи инфекции (посредством вшей) был связан с притоком эвакуированных граждан в тыловые регионы. Данное заболевание в Хакасии получило распространение по нескольким причинам: отсутствие регулярной работы бань и вошебоек, большая завшивленность населения, острый дефицит мыла и белья, поздняя госпитализация больных, недоброкачественная санобработка сыпнотифозных очагов¹¹. В 1942 г. в Хакасской автономной области наблюдались вспышки заболеваний сыпным тифом в Ширинском районе — 38 случаев, в Таштыпском районе — 16 случаев. В ряде населенных пунктов из-за халатного отношения руководителей не проводились санитарно-профилактические мероприятия¹². Например, зимой 1942 г. вспыхнула эпидемия сыпного тифа (12 случаев заболевания) в молочно-мясном совхозе

⁷ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 459. Л. 168.

⁸ Там же. Д. 466. Л. 13.

⁹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 3. Д. 396. Л. 26.

¹⁰ НАРХ. Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 308. Л. 26.

¹¹ Там же. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 14. Л. 39.

¹² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 1041. Л. 95.

Таштыпского района. В сложившейся ситуации Таштыпский районный отдел здравоохранения оперативно провел обработку местного населения. В срочном порядке из Абакана выехал отряд эпидемиологов для проведения дальнейшей работы. Таштыпский райсовет в целях предотвращения распространения сыпного тифа принял решение о проведении санитарно-противоэпидемических мероприятий: оборудовать и отремонтировать все бани и обеспечить население помывкой в бане не реже двух раз в неделю; при каждой бане построить камеры простого типа с вошебойками; провести в кратчайшие сроки очистку дворов, выгребных ям, уборных; обязать Таштыпский райторготдел отпуском необходимого количества мыла¹³.

В 1942 – начале 1943 г. в районах и городах области было зарегистрировано несколько вспышек сыпного тифа и желудочно-кишечных заболеваний. Распространение заболеваний произошло по вине Хакасского облздравотдела, не сумевшего организовать работу на местах по предупреждению инфекционных заболеваний. В Черногорске и в районных центрах Шире и Бее медицинские работники скрыли случаи возникновения заболеваний тифа и этим усложнили противоэпидемическую борьбу. В районах не работали чрезвычайные комиссии по борьбе с эпидемическими заболеваниями. В связи со сложившейся ситуацией был проведен комплекс санитарно-противоэпидемических мероприятий. Заведующему облздравотделом А. О. Гольдбергу поручили организовать профилактическую работу в колхозах и совхозах, на предприятиях и в учреждениях с целью предупреждения и ликвидации инфекционных заболеваний. Специалисты должны были проконтролировать санитарную обстановку в полевых станах в период сельскохозяйственных работ, включавшую соблюдение чистоты в помещениях, установление баков с кипяченой водой, строительство примитивных бань и введение обязательных банных дней. Медицинские работники получили указание охватить профилактическими прививками все население в местах, где возникли вспышки брюшного тифа. В обязанности Хакасского облздравотдела входила организация лекций и бесед с населением¹⁴.

Сыпной тиф получил распространение в связи с массовым прибытием в 1944 г. в Сибирь военнопленных и представителей депортированных народов. Их медицинское обслуживание было поставлено гораздо хуже, чем у местных жителей, и в этих условиях они являлись постоянным источником заражения для окружающих¹⁵. В неблагоприятном санитарном положении оказался и спецконтингент, прибывший в Хакасию. Основные места расположения спецпереселенцев были общежития в Июсском совхозе (немцы и финны) и в Чебаковском леспромхозе (калмыки). Прибывшие в 1944 г. эшелоны с калмыками (4 391 чел.) на станции Шира, Копьево, Сон, Усть-Бюрь, Капчалы, Абакан

¹³ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 413. Л. 12.

¹⁴ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 865. Л. 191; Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 466. Л. 13 об.

¹⁵ Семенов М. А. Заболеваемость в Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2019. № 4 (6). С. 117.

и Лесозавод оказались в антисанитарном состоянии. Практически все спецпереселенцы были поражены педикулезом. В селе Копьево прошли медосмотр и санобработку 1 034 чел., из них больными оказались 128 чел., госпитализировано — 44 чел., умерли от туберкулеза и дистрофии — 12 чел. Для детей дошкольного и школьного возраста ввели 14-дневный карантин. Спецконтингент из калмыков распределили в шести населенных пунктах, на местах провели трехкратную санобработку¹⁶. Гораздо хуже обстояли дела с санитарным состоянием в пригороде Черногорска, где два месяца не работали бани и вошебойки. Среди калмыков, размещенных в антисанитарных условиях телятника, обнаружили массовую завшивленность. Возникшей вспышки сыпного тифа (12 случаев) можно было бы избежать, предприняв заранее необходимые санитарные мероприятия¹⁷.

В 1944 г. с августа по ноябрь в Хакасию прибыло несколько эшелонов с мобилизованными рабочими из западной части страны. Большое значение имела вовремя проведенная санобработка. Так, например, прибывшие из Орловской (65 чел.) и Одесской областей (517 чел.) смогли избежать завшивленности, несмотря на то что по прибытии вагоны находились в плохом санитарном состоянии. Всех приехавших рабочих обязательно подвергали санобработке и распределяли по отдельным баракам. В ноябре 1944 г. среди 175 чел., прибывших из Западной Белоруссии произошла вспышка сыпного тифа (20 случаев). В пути с поезда сняли несколько трупов. Из прибывших белорусов 13 чел. оказались больны сыпным тифом. Эшелон находился в пути целый месяц, люди не проходили санобработку, что способствовало массовой завшивленности и эпидемии сыпного тифа. По прибытии в Черногорск всех приехавших подвергли санобработке, однако полностью карантин не был введен¹⁸.

На протяжении военных лет периодически происходили вспышки эпидемий сыпного тифа. В 1944 г. эпидемические отряды обследовали 547 786 дворов и выявили 37 199 чел., у которых был педикулез. В этом же году чрезвычайная эпидемическая комиссия провела в Абакане четыре областных заседания по вопросам борьбы с сыпным тифом. Из-за отсутствия сыпнотифозной вакцины прививки не могли поставить никому до конца декабря 1944 г. Плохая и несвоевременная работа по проведению санобработки привела к тому, что решением противоэпидемической комиссии был объявлен строгий выговор нескольким медработникам и руководителям предприятий¹⁹.

Рост инфекционных заболеваний среди детей в 1942 г. в Абакане и Черногорске потребовал от руководства принятия ряда санитарных мер. Черногорский горздравотдел усиливал врачебную помощь в отношении детей дошкольного (по детской консультации) и школьного (по детской амбулатории)

¹⁶ НАРХ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 14. Л. 23–24 об.

¹⁷ Там же. Л. 37 об.

¹⁸ Там же. Л. 22, 25.

¹⁹ Там же. Л. 44.

возрастов. В инфекционном отделе открыли специальное отделение для больных корью²⁰. В абаканских школах вводилось строгое соблюдение санитарной дисциплины: обязательное снабжение кипяченой водой для питья, ежедневное соблюдение чистоты классов и опрятного внешнего вида всех учеников и т. п.²¹

В летнее время в городах и селах большое значение имела санитарно-профилактическая работа, которая проводилась с целью предотвращения роста инфекционных желудочно-кишечных заболеваний. С июля по август 1942 г. в Черногорске под руководством отдела городского коммунального хозяйства, отдела здравоохранения и коммунального отдела «Хакастреста» были организованы мероприятия по очистке города от мусора. По плану проводилась вакцинация против дизентерии, все пищевые объекты подлежали проверке, места общественного пользования систематически обрабатывали хлоркой. Два раза в месяц стал проводиться анализ питьевой воды²².

С ухудшением санитарно-бытовых условий повысилась заболеваемость населения дизентерией, прозванной в народе «служанкой войны». Летом 1943 г. в Черногорске было несколько вспышек этого инфекционного заболевания. За 15 дней в городскую больницу госпитализировали 99 чел. с острой диареей. Решением созванной чрезвычайной комиссии по борьбе с эпидемией в городе проводился ряд мероприятий. В связи с нехваткой койко-мест в больнице начались поиски свободных помещений, в качестве дополнительного изолятора использовали клуб 9-го поселка. Одним из важнейших компонентов лечения являлось строгое соблюдение лечебной диеты. Специально для больных из Хакторга и ОРСа доставили рис и манку, изготовили 500 кг белых сухарей. Благодаря активно проведенной работе медицинских работников удалось погасить очаги заболевания²³.

От постоянного стресса, недоедания и холода у большей части населения ослабевала иммунная система и возрастал риск инфицирования туберкулезом. В 1942 г. насчитывалось 1 437 больных туберкулезом, в 1943 г. их количество увеличилось до 1 747 человек²⁴, что вызвало беспокойство местных властей. На очередной сессии Хакасского облсовета депутатов трудящихся, проходившей в апреле 1943 г., было обращено внимание на формально поставленную работу по борьбе с туберкулезом, в частности в ряде районов несвоевременно выявляли и госпитализировали больных. Всем районным отделам здравоохранения поручили усилить борьбу с этим заболеванием²⁵. Медицинские работники подключились к проведению ранней диагностики, лечению и профилактике туберкулеза. В 1943 г. Абаканский городской туберкулезный диспансер преобразовали в областной, повысив его статус и значение.

²⁰ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 418. Л. 15 об.

²¹ Там же. Д. 416. Л. 1 об.

²² Там же. Л. 95 об.

²³ Там же. Ф. П-4. Оп. 20. Д. 3. Л. 114.

²⁴ Там же. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.

²⁵ Там же. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 466. Л. 13 об.

Для работы в нем была выделена специальная ставка врача-фтизиатра. За диспансером закрепили рентгеновскую установку. В городе была создана участковая система врачебного обслуживания. Для этого Хакасский облздрав обратился в крайком и крайздрав с просьбой отпустить средства на содержание четырех врачей. В Черногорске действовал городской туберкулезный диспансер, на заводе № 3 открылась врачебная амбулатория, на электростанции — здравпункт. В 1943 г. в области имелись уже четыре рентгеновские установки. Всего в этом году провели 6 893 рентгеноскопии и 348 рентгенографий. Из-за отсутствия пленок количество рентгенографий было ограниченным²⁶.

С началом войны произошло резкое снижение борьбы с трахомой (инфекционное заболевание глаз). Это заболевание получило широкое распространение среди хакасского населения. Количество трахоматозных пунктов не соответствовало положенным требованиям. С 1940 по 1942 г. количество трахоматозных пунктов сократилось с 78 до 59. Борьба с трахомой существенно ослабла, и в 1942 г. около 43 % коренного населения оказались больны трахомой²⁷. В 1943 г. в области действовала сеть учреждений, направленных на выявление трахомы и систематического лечения данного заболевания: три трахоматозных диспансера, 55 сестринских трахоматозных пункта (Аскизский, Таштыпский и Усть-Абаканский районы)²⁸. В 1944 г. в Таштыпском районе в результате диспансеризации 10 404 чел. выявили 293 чел. больных трахомой: I стадии — 1 чел., II стадии — 118 чел., III стадии — 174 чел. По сравнению с 1937 г. в этом районе число заболевших трахомой сократилось в семь раз. Однако уменьшение количества больных трахомой не означало полное искоренение данного заболевания, и медицинские работники должны были продолжать борьбу с ним и далее²⁹.

Среди инфекционных заболеваний наблюдался рост малярии. При недостаточном лечении она могла принять затяжную, хроническую форму. Противомаларийные мероприятия включали регулярное лечение, организацию противорецидивной хинизации, уничтожение переносчиков малярии — малярийных комаров, механическую защиту населения от их укусов. Для борьбы с малярией в конце марта – начале апреля 1942 г. в Хакасии создавались отряды хинизаторов³⁰. В Абакане работала малярийная станция и три малярийных пункта в Аскизском, Боградском и Таштыпском районах. В 1943 г. из назначенных на лечение 12 392 чел. противорецидивной хинизацией удалось охватить 7 858 чел.³¹ В 1944–1945 гг. в области зарегистрировали 17 318 случаев малярии, из них 4 625 — вновь заболевшие. Рост заболеваемости начинался в марте и продолжался до ноября. Заболеваемость малярией охватила

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1043. Л. 67.

²⁷ Там же. Д. 1036. Л. 24.

²⁸ НАРХ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

²⁹ Там же. Д. 14. Л. 49.

³⁰ Советская Хакассия. 1942. 12 мая. № 110.

³¹ НАРХ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

все города и села Хакасии. Одной из серьезных причин крупных вспышек малярии стало отсутствие противомаларийных препаратов, что привело к срыву весенней противорецидивной хинизации, так как полного курса систематического лечения не проводилось, а только купировались приступы. Несколько лет не проводились нефтевание и опыление очагов, не было гидротехнических работ, что также привело к росту заболеваемости населения малярией. В результате обследования 166 433 чел. на лечение от малярии отправили 12 061. Из общего числа заболевших зарегистрировали 13 смертельных случаев с коматозной формой малярии. Для борьбы с этим заболеванием требовались противомаларийные препараты. Нужно было также привлечь всех медицинских работников, обеспечить все малярийные станции кадрами и транспортом³². В 1944 г. Хакасский обком партии обязал заведующего облздравотделом А. О. Гольдберга организовать стопроцентное лечение малярии; для этого требовалось выделить акрихин и хинин, осуществлять противорецидивную хинизацию всех больных и проводить тщательную санобработку. К строгой ответственности стали привлекать тех медицинских работников, которые халатно относились к своим обязанностям³³.

В июне 1944 г. возникли эпидемические вспышки брюшного тифа в Черногорске (123 случая), вызванные большой скученностью людей, использованием открытыми неочищенными источниками воды и антисанитарными условиями. Наибольшее количество заболевших выявили в июле, сентябре и октябре. Основной причиной для роста заболеваемости населения брюшным тифом стало неудовлетворительное санитарное состояние Черногорска. Городской санинспектор Манкевич констатировал: «Основными источниками заболевания брюшным тифом в городе стали столовые и уборные. В столовых наличие большого количества мух и недоброкачественных продуктов, а уборные не хлорируют»³⁴. В городе было мало выгребных ям и очень редко проводились очистительные работы. Черногорцы в основном проживали в бараках, где одна уборная приходилась на большое количество людей. Уборные кишели мухами, являвшимися основными разносчиками брюшного тифа. Санитарным врачам пришлось одновременно с брюшным тифом бороться с возникшими эпидемическими вспышками дизентерии. Всего в области зарегистрировали 381 заболевшего, из них в Абакане — 107 человек, в Черногорске — 82, в Богградском районе (в 11 населенных пунктах) — 67. Остальные 125 заболевших выявлены в других районах области. Причинами вспышки дизентерии стали неудовлетворительная санитарная обстановка и ошибка санитарных врачей, которые вовремя не распознали инфекцию, приняв ее за дистрофическую диарею. От дизентерии особенно пострадали воспитанники Усть-Ербинского детского дома, где заболели 44 человека³⁵.

³² НАРХ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 16. Л. 37.

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 991. Л. 28.

³⁴ НАРХ. Ф. П-4. Оп. 21. Д. 2. Л. 10.

³⁵ Там же. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 14. Л. 45 об.

Определенную опасность для населения представляли животные, которые могли быть переносчиками острых инфекционных заболеваний. Весной 1942 г. в Абакане городская ветлечебница провела массовую ветеринарную санобработку лошадей, крупного рогатого скота и свиней. Все организации, ведомства и частные лица, имеющие указанных животных, обязывались доставить их в городскую ветлечебницу по улице Минусинской. Ветеринары выявляли у животных такие заболевания, как сеп, бруцеллез и туберкулез. Они провели вакцинацию против сибирской язвы и ящура. Согласно постановлению исполкома Абаканского горсовета, все поступающие в город животные должны были проходить ветеринарную санобработку. Все уклонившиеся от исполнения постановления лица подвергались штрафу в размере 100 руб.³⁶

В 1942 г. в Абакане ветеринары обнаружили ящур среди крупного рогатого скота, принадлежавшего частным лицам. От животных могли заразиться люди; особенно тяжело протекала болезнь у детей. Ответственность за введенный карантин возлагалась на частных владельцев скота и руководителей предприятий. По условиям карантина запрещалось ввозить и вывозить восприимчивых к ящуру животных, сырые животные продукты (кожи, шерсть, мясо). В очаге эпизоотии запрещалось употреблять в сыром виде все молочные продукты (молоко, обрат, сливки и др.). За нарушение карантинного режима виновных могли привлечь к уголовной ответственности³⁷. По срокам карантин должен длиться не менее 14 дней после последнего случая выздоровления. Главный ветеринарный врач Хакасского областного земельного отдела К. Лебедев обращался ко всем жителям области с напоминанием о необходимости проведения профилактических мероприятий по предупреждению ящура³⁸.

В тяжелых условиях военного времени огромную роль играла санитарно-просветительская работа с местным населением. Специалисты проводили просветительские лекции и беседы о борьбе с инфекционными заболеваниями и соблюдении гигиены в общественных местах, на производстве, в учреждениях и т. д. Они выезжали в районы с лекциями, рассылали методички, памятки и другие материалы для медработников. Санитарные работники при проведении санитарно-просветительских мероприятий обязывались для наглядности использовать печать, плакаты и лозунги³⁹. Особое внимание уделялось таким заболеваниям, как брюшной тиф и дизентерия. Повсеместно проводились лекции, в ходе которых врачи рассказывали об источниках заражения и мерах предохранения от этих инфекционных заболеваний. Как правило, заражение могло произойти через загрязненную сырую воду из колодцев и водоемов. Источником инфекции также были мухи, переносившие микробов из уборных, выгребных ям, мусорных ящиков. Врач А. Б. Позина напоминала о соблюдении

³⁶ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 416. Л. 22.

³⁷ Там же. Л. 67.

³⁸ Советская Хакассия. 1942. 9 мая. № 108.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1035. Л. 165, 166.

гигиены и разъясняла важность прививок, предохраняющих организм от заболеваний брюшным тифом и дизентерией. Она настоятельно советовала всем прививаться: «Прививки вырабатывают иммунитет, когда их делают своевременно, аккуратно и точно в назначенное врачом время»⁴⁰.

Заключение. Таким образом, в военные годы в Хакасии возникла неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая обстановка из-за большого притока эвакуированных граждан и спецпереселенцев, нехватки медицинских работников, острого дефицита необходимых медикаментов, лекарств и элементарных средств гигиены. С резким ухудшением качества жизни местного населения активизировались ранее побежденные острозаразные заболевания. На протяжении рассматриваемого периода времени в городах и районах области возникали эпидемические вспышки. В экстремальных условиях войны при плохой подготовленности областного отдела здравоохранения требовалось срочно развернуть эффективную санитарно-противоэпидемиологическую работу. Усилиями местных властей и областного отдела здравоохранения проводились мероприятия по борьбе с различными инфекционными болезнями. В срочном порядке организовывали санпропускники, осуществляли санитарную обработку, вакцинировали население, в необходимых случаях вводили карантин, дезинфицировали общественные места и пр. Определенную роль в борьбе с инфекционными заболеваниями играла санитарно-просветительская работа среди населения. В ходе проведения мероприятий по борьбе с инфекционными заболеваниями существовали многочисленные препятствия, связанные с крайне слабой материальной базой местной медицины, недостатком, а порой и отсутствием необходимых материалов и оборудования, нехваткой специалистов. Но в целом, несмотря на трудности, медицинским работникам удалось в годы Великой Отечественной войны предотвратить распространение инфекционных болезней и не допустить крупномасштабных эпидемий в регионе.

Литература

1. Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1986. 230 с.
2. Анисков В. Т. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1993. 245 с.
3. Зинич М. С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. М.: ИРИ РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2019. 349 с.
4. Иванов Н. Г., Георгиевский А. С., Лобастов О. С. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л.: Медицина, 1985. 304 с.
5. Иванов К. С. Борьба с эпидемиями в г. Ишиме в годы Великой Отечественной войны // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 3. С. 39–42.

⁴⁰ Советская Хакассия. 1942. 5 февраля. № 30.

6. Исупов В. А. Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск: ИД САВА, 2008. 378 с.
7. Мезит Л. Э. Состояние и деятельность системы здравоохранения в годы Великой Отечественной войны (по материалам Красноярского края) // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 290–297.
8. Семенов М. А. Борьба с инфекциями в годы Великой Отечественной войны в документах органов государственной власти Новосибирской области // Сибирский архив. 2021. № 1 (7). С. 44–82.
9. Семенов М. А. Заболеваемость в Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2019. № 4 (6). Статья 10. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2019-4-10>
10. Тряхов И. С. Санитарно-эпидемическая обстановка во Владимирской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. № 3. С. 70–80.
11. Усольцева Н. Л. Обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия Южного Урала в годы Великой Отечественной войны // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. С. 128–137.
12. Цыретарова Б. Б. Санитарно-эпидемическая обстановка и борьба с эпидемиями в Бурятии в годы Великой Отечественной войны // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. История России. 2014. № 19 (141). С. 78–87.

References

1. Alekseev V. V., Isupov V. A. The population of Siberia during the Great Patriotic War. Novosibirsk: Nauka Publ. Siberian Branch, 1986. 230 p. (In Russ.)
2. Aniskov V. T. Sacrificial feat of the village. The peasantry of Siberia during the Great Patriotic War. Novosibirsk: Institute of History SB RAS, 1993. 245 p. (In Russ.)
3. Zinich M. S. The daily life of the people during the Great Patriotic War. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Center for Humanitarian Initiatives, 2019. 349 p. (In Russ.)
4. Ivanov N. G., Georgievsky A. S., Lobastov O. S. Soviet healthcare and military medicine in the Great Patriotic War of 1941–1945. Leningrad: Medicine, 1985. 304 p. (In Russ.)
5. Ivanov K. S. The fight against epidemics in the Ishim in the Great Patriotic War // Herald of Vyatka State University. 2016. № 3. P. 39–42. (In Russ.)
6. Isupov V. A. The main resource of Victory: the human potential of Western Siberia during the Second World War (1939–1945). Novosibirsk: SAVA Publishing House, 2008. 378 p. (In Russ.)
7. Mezit L. E. The state and activity of the healthcare system during the Great Patriotic War (based on the materials of the Krasnoyarsk Territory) // The Great Patriotic War of 1941–1945 in the destinies of peoples and regions. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2015. P. 290–297. (In Russ.)
8. Semenov M. A. Fight against infections during the Great Patriotic War in the documents of the state authorities of the Novosibirsk region // Siberian Archive. 2021. № 1(7). P. 44–82. (In Russ.)

9. Semenov M. A. Morbidity in Eastern Siberia during the Great Patriotic War // *Historical Courier*. 2019. № 4 (6). Article 10. (In Russ.). <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2019-4-10>
10. Tryakhov I. S. Sanitary and epidemiological situation in Vladimir region during Great Patriotic War of 1941–1945 // *RUDN Journal of Russian History*. 2014. № 3. P. 70–80. (In Russ.).
11. Usoltseva N. L. Providing of sanitary and epidemic safety of the South Urals in the Great Patriotic War // *Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology*. 2016. №. 1. P. 128–137. (In Russ.).
12. Tsyretarova B. B. Sanitary-epidemic situation and epidemic control in Buryatia during the Great Patriotic War // *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Historical Studies. History of Russia*. 2014. № 19. P. 78–87. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-96-117

Шеркова Татьяна Алексеевна

кандидат исторических наук

Центр египтологических исследований РАН

Москва, Россия

sherkova@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-6203-1959

ФОРМИРОВАНИЕ ПАНТЕОНА В ДОДИНАСТИЧЕСКОМ И РАННЕДИНАСТИЧЕСКОМ ЕГИПТЕ

Аннотация. Проблема формирования пантеона в Раннем царстве рассматривалась в египтологической литературе. Основная позиция сводится к тому, что некоторые из первичных культовых центров считались местными, посвященными локальным божествам с самого начала египетской истории, в то время как другие обладали универсальным, национальным значением. В статье проблема рассматривается в культурно-историческом контексте событий собирания египетских земель из наиболее мощного нома, которым был Нехен в Южном Египте. Этот процесс занял не одно столетие, и лишь при II династии цари растущего государства окончательно присоединили Нижний Египет. Практически все известные в классический период культы богов существовали в номах до Раннего царства. Сохраняя свои региональные святилища, боги наделялись государственным статусом. В сложившейся монархии все культы богов были связаны с правящим обожествленным правителем, власть которого была сакрализованной.

Ключевые слова: духи предков, тотемизм, вождества, локальные культы, региональные боги, государственные культы, царский пантеон, царский культ, царские обряды, праздники, культурная память.

Для цитирования: Шеркова Т. А. Формирование пантеона в додинастическом и раннединастическом Египте // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 1 (61). С. 96–117. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-96-117>

Благодарности: эту статью автор посвящает памяти отечественного египтолога Татьяны Николаевны Савельевой. Прекрасный специалист, открытая, скромная

и доброжелательная личность, она подарила мне многие часы бесед по интересующим меня вопросам египтологии и человеческую дружбу.

Original article

UDC 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-96-117

Sherkova Tatiana A.

Candidate of Historical Sciences

Center for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

sherkova@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-6203-1959

THE FORMATION OF THE PANTHEON IN PREDYNASTIC AND EARLY DYNASTIC EGYPT

Abstract. The problem of the formation of the pantheon in the Early Kingdom has been discussed in Egyptological literature. The main position is that some of the primary cult centers were considered as local, dedicated to local deities from the very beginning of Egyptian history, while others had a universal, national significance. The article explores the problem in the cultural and historical context of the events of the gathering of Egyptian lands from the most powerful nome, which was Nehen in Southern Egypt. This process took several centuries, and it was not until the Second Dynasty that the kings of the growing state finally annexed Lower Egypt. Almost all of the gods' cults known in the classical period existed in the nomes before the Early Kingdom. By maintaining their regional shrines, the gods were given state status. In the established monarchy, all of the gods' cults were associated with the ruling deified tsar, whose power was sacralized.

Keywords: ancestral spirits, totemism, chiefdoms, local cults, regional gods, state cults, royal pantheon, royal cult, royal ritual, holidays, cultural memory.

For citation: Sherkova T. A. The formation of the pantheon in predynastic and early dynastic Egypt // MCU Journal of Historical Studies. 2026. № 1 (61). P. 96–117. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-96-117>

Acknowledgments: the author dedicates this article to the memory of the Russian Egyptologist Tatyana Nikolaevna Savelyeva. An excellent specialist, an open, modest and friendly person, she gave me many hours of conversations on issues of Egyptology that interest me and human friendship.

Введение. Как это ни парадоксально, проблема формирования обширного пантеона в додинастическом и раннединастическом Египте причастна к проблеме типологии ранних государств, чему была посвящена длительная научная дискуссия. В настоящее время наиболее аргументированной является концепция хронологических этапов становления ранних государственных образований на основе поступательного развития додинастических локально-территориальных образований — будущих номов с региональными царями во главе. Эта точка зрения отразилась в теоретических трудах

отечественных востоковедов¹. Б. Г. Триггер признавал, что политическое объединение в Египте произошло за столетия до возникновения территориального государства, на основе политического слияния небольших номовых государств², что подтверждают новейшие археологические исследования.

Археологическое изучение памятников, письменных, материальных и изобразительных источников восстанавливают процесс мирных и вооруженных событий, приведших к консолидации номов Верхнего Египта и ассимиляции Низовья. Наиболее сильные вождества сложились в Нагаде, Иераконполе и Абидосе. И существование, по крайней мере, этих равносильных вождеств, фактически подтверждает идею существования этапа номовых государств, предшествовавших формированию в Египте раннего территориального государства³.

Центром локальных территорий являлся город (правильнее сказать, прото-город). По существу, город являлся моделью социальной структуры и одновременно структурированного пространства нома с выделенным центром, окруженным периферией. Доминирующие позиции в нем занимали объекты, связанные с верховной властью, облеченной с сакральными функциями и святилищами/храмами. Содержание центра диктовало необходимость создания городской инфраструктуры, включающей аппарат управления и обслуживания, специализированные ремесла, рассчитанные на социальную элиту. На уровне космологического осмысления мира город, маркировавший центр физического, социального и сакрального пространства, символизировал центр вселенной. Таким образом, города возникали как необходимый атрибут социально стратифицированного централизованного общества, как оплот верховной власти с ее управленческими и священными функциями по отношению к сельской периферии.

Уже при первых династиях в Египте существовало несколько раннегородских центров с храмами, посвященными богам, эмблемы которых представлены на изобразительных памятниках додинастического времени. В основном материальные свидетельства их существования находятся под археологическими слоями городов Древнего царства, когда Египет представлял собой урбанизированное общество с городскими центрами в Иераконполе, Абидосе, Эдфу, Коптосе, Фивах, Мемфисе, на о. Элефантина и других номах Верхнего и Нижнего Египта с храмами и застройкой, окруженными крепостной стеной⁴.

В каждом локально-территориальном образовании существовал культ главного божества. В глубокой исторической ретроспективе речь идет о первобытных

¹ Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // Вестник древней истории. 1982. № 2. С. 4–5; Меликишвили Г. А. Об основных этапах развития древнего ближневосточного общества // Вестник древней истории. 1985. № 4. С. 9.

² Trigger B. G. Early civilizations. Ancient Egyptian context. Cairo, 1993. P. 8–10.

³ Trigger B. G. The rise of Egyptian civilization // Trigger B. G., Kemp B. J., O'Connor D., Lloyd A. B. Ancient Egypt: A social history. Cambridge, 1994. P. 44–45; Adams B., Cialowicz K. M. Protodynastic Egypt. London, 1997. P. 57–58.

⁴ Hendrickx S. The emergence of the Egyptian State // Cambridge World Prehistory. Vol. 1. Cambridge, 2014. P. 259–278.

родоплеменных коллективах с господствующими тотемическими представлениями о племенном родоначальнике. Невыделенность социума из природы обусловила представления о нем в облике зооморфного существа или человека, их слияния в виде зооантропоморфного персонажа, реже растения⁵. В недрах первобытных культур зарождался культ священных животных, своего рода душ бога, и само животное становилось образом бога. Смешение тотемических культов и культа родовых предков дало ростки представлениям о душе и ее загробном существовании. Без этого, отмечал С. А. Токарев, «трудно объяснить происхождение представлений о духах предков и их благодетельной силы»⁶.

В Древнем Египте следы тотемических представлений в форме почитания богов в зоо- и зооантропоморфном облики существовали на протяжении всей его истории древности. Хотя другие боги изначально имели антропоморфную иконографию. В период активизации военных противостояний и завоевательных походов региональные цари выступали с символами богов локальных территорий. Из коллекций артефактов, обнаруженных на многочисленных памятниках всех трех фаз развития додинастической и протодинастической культуры Нагада, происходят предметы мелкой пластики с изображениями различных представителей фауны: птиц, травоядных и хищных животных, — часть из которых стала воплощением богов египетского пантеона. Это многообразие могло быть связано с почитанием родоплеменных тотемов, мифических предков и духов. Но главное божество происходило из аристократического рода, к которому принадлежал социальный лидер с его функциями успешного воина, удачного охотника и священного царя, отвечающего за процветание социума. Это божество почиталось в качестве первопредка правящего регионального царя, культ которого также существовал во всех племенах локальной территории.

В качестве священного царя он являлся ключевой фигурой в обрядах и ритуалах, выступая медиатором между социумом и божественной сферой. Религиозная традиция, актуализировавшая представления о мифических истоках в ритуальной практике, цементировала общество, закрепляла жизнеспособность культуры, оберегала ее духовные ценности, наводя мосты между священным прошлым и настоящим. Ключевой фигурой в додинастических обрядах являлся вождь, региональный, а с протодинастического и раннединастического времени — общеегипетский царь; он был хранителем целостности Египта и единства мира людей и богов в поступательном движении истории страны, от социокультурного единства

⁵ Многочисленные этнологические материалы свидетельствуют о том, что в подобном облики мыслились мифологические предки родоплеменных общин. См.: Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990, С. 51–83, 564–588.

⁶ Токарев С. А. Указ соч. С. 262. О связи коллективов с животными говорится во множестве мифов, в которых осуществляется свободный переход, превращение тотемных животных в людей и наоборот, см.: Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса // Исследования по фольклору и мифологии Востока. М., 1987. С. 28–29. Архаический комплекс первопредка — демиурга — культурного героя с зооантропоморфной природой был унаследован в виде пережитков тотемизма в пантеонах культур классического Востока. См.: Мелетинский Е. М. Поэтика мифа // Исследования по фольклору и мифологии Востока. М., 1995. С. 178–194.

и идентичности на уровне общин, локальных территорий и всей страны. «Подобно тому, как ритуал и праздник, — писал В. Н. Топоров, — суть образы акта творения, главная фигура ритуала царь в роли первосвященника является диахроническим вариантом демиурга. Для первобытного сознания царь, несомненно, был участником космологического действия... его роль в обществе определялась его космологическими функциями, сходными с функцией других сакральных представителей “центра мира”... Отсюда — вера в божественность царя...»⁷. Царь — носитель порядка, закона, наследник общинного первопредка демиурга — культурного героя, что носит универсальный характер для первобытных обществ и даже сохраняется в развитых культурах в виде архаических пластов, феноменов культурной памяти. Так, в египетском космогоническом процессе боги-творцы сохраняют черты культурных героев. В Египте архаические следы тотемических представлений, отразились в зооантропоморфной иконографии некоторых божеств.

Ритуалы не только упорядочивали жизнь социума, но и — что еще более важно — сохраняли связь времен, что особенно значимо в религиозной сфере, сохраняли в коллективной памяти обосновывающий миф о творении, повторяемый во время ритуалов. Эта идея была разработана в концепции М. Элиаде о вечном возвращении к истокам, заложившим основы культуры в почитании первопредков, которым должны следовать все поколения, повторяющие миротворение в священном делании⁸. В этих ритуалах первобытных культур принимал участие весь коллектив общины, состоящей из индивидуумов, каждому из которых принадлежала определенная роль. Тогда участники ритуальных действий имитировали кого-то другого, становясь, таким образом, существами архетипическими, парадигматическими, повторяющими действия мифологических персонажей⁹. Ритуалы словно останавливали время, возвращая социум в изначальную пространственно-временную точку акта творения. Это сакральное время воспринималось как праздничное, которое повторялось вновь и вновь с каждым следующим поколением. Мифологические представления, актуализировавшиеся в ритуале, были присущи не только бесписьменным, но и письменным культурам. Я. Ассман отмечал, что и в Древнем Египте письменного периода общество основывалось на «“обрядовой когерентности”, когерентность группы опирается на принцип ритуального повторения, причем в плане как синхронии, так и диахронии»¹⁰. Так, культурная память была основным инструментом, связующим тысячелетия развития Древнего Египта. Образы божеств в Раннем царстве сохраняли следы сверхъестественных существ предшествующих исторических эпох наряду с новой образной системой, характерной для классической эпохи в Древнем Египте.

Ход и результаты исследования. Т. Уилкинсон приводит имена более сорока богов и богинь, почитавшихся в Раннем царстве¹¹. Практически это основная

⁷ Топоров В. Н. Мифология: Статьи для мифологических энциклопедий. Т. 1. М., 2014. С. 484.

⁸ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2010. С. 43–47.

⁹ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 43–50.

¹⁰ Ассман Ян. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 153–154.

¹¹ Wilkinson T. A. H. Early Dynastic Egypt. London; New York, 1999. P. 259.

часть общеегипетского пантеона классического периода. Приводя основательную фактологию и библиографию о каждом из этих божеств, автор разделяет их на локальных по происхождению и национальных, почитавшихся во всем Египте. «Хотя большинство египетских богов и богинь имели первичные культовые центры и, таким образом, считались “местными” божествами, некоторые из них тем не менее, с самого начала египетской истории, по-видимому, обладали универсальным, национальным значением»¹². Эта формулировка автора фиксирует сложившуюся в Раннее царство при первых династиях ситуацию, когда прежние, додинастические локальные — городские боги *nTr-niwti* — приобрели государственный статус в масштабах двуединого царства. Но этому этапу предшествовал длительный период мирной и не только консолидации локальных территорий на пути к созданию раннего государства. Через много столетий первые цари стали посещать святыни божеств уже в статусе государственных, храмы которых находились в разных номах Верхнего и Нижнего Египта, т. е. были в то же время и локальными.

О религиозно-политическом значении местных культов в ранний период государства свидетельствует сооружение святилищ — «крепостей богов», наделявшиеся статусом государственных, с которыми правящие цари «заключали союз», о чем сообщают надписи, вырезанные на Палермском камне, каирские фрагменты и названия которых сохранились на годовых табличках, оттисках печатей и на сосудах¹³. Эти «крепости богов» изображены на позднединастических церемониальных палетках (рис. 1).

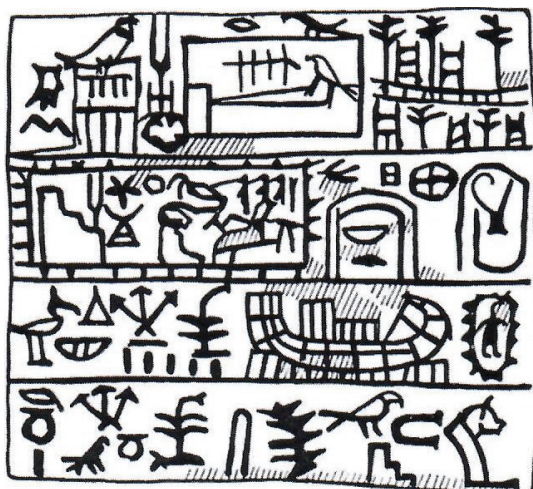
Источник: Petrie W. M. Corpus of proto-dynastic pottery. London, 1953. Pl. G 19, 20. (British School of Egyptian Archaeology. [Publications]. Vol. 66. A-B).

Рис. 1. Каирская палетка

О плаваниях царей по случаю посещения святилищ богов сообщают краткие иероглифические тексты. Так, например, на Палермском камне сообщается о том, что родоначальник I династии царь Хор-Аха посетил храм Анубиса с находящейся там статуей бога, день рождения которого отмечал царь со свитой.

¹² Wilkinson T. A. H. Early Dynastic Egypt. P. 228. Здесь и далее приводится перевод автора статьи.

¹³ Савельева Т. Н. Храмовые хозяйства Египта времени Древнего царства. (III–VIII династии). М., 1992. С. 23.

Источник: Wilkinson T. A. H. Early Dynastic Egypt. London; New York, 1999. Fig. 6.2.4.

Рис. 2. Годовая табличка Хора-Джера.
Святынище Уаджет в виде
Красной короны Низовья

Слова *mst Inpw* ‘рождение Анубиса’ символизируют действия, которые осуществлял царь над статуей бога: производил омовения, кормления и другие манипуляции, связанные с культовыми действиями во время ритуала в храме этого бога, куда прибыла ладья с царем и его свитой — «спутниками» Хора (*šms-Hr*)¹⁴. Анубис из Абидоса, имевший обличие шакала или дикой собаки, почитался как бог, связанный с погребальным обрядом. На годовой табличке из Абидоса, найденной в гробнице царя I династии Хора-Джера, сообщается о посещении царем святилища богини Уаджет, находившемся в столичном городе Низовья Буто. Эта богиня, имевшая иконографию кобры, символизируется Красной короной Низовья¹⁵ (рис. 2).

Как эти, так и другие локальные по происхождению боги при нулевой позднегодинастической и первых двух династиях Раннего царства почитались как божества, причастные к правящему царю. Но прежде, в додинастическое время, их культ существовал на локальных территориях и был связан с местными лидерами — вождями, а затем с региональными царями. Т. Уилкинсон полагает, что в четвертом тысячелетии до нашей эры во всей долине Нила существовала единая религиозная традиция, которая, возможно, нашла отражение в археологических данных благодаря единой материальной культуре¹⁶. Единообразие материальной культуры Нагада, распространившейся по всей долине Нила, на основе которой возникла материальная культура Раннего царства, с учетом поступательного развития и значительных социально-политических изменений, происходивших в течение более 700 лет, отразилось в том числе и на единстве в духовной сфере.

Подойти к решению этой проблемы следует с учетом неравномерного развития локально-территориальных образований. Наиболее сильными в Верхнем Египте, откуда начался процесс собирания египетских земель, были южноегипетские Нехен, Нагада и Абидос. Самым крупным был Нехен (греч. Иераконполь, современный — Эль-Ахмар) в Верхнем Египте, главным богом в котором был Хор в образе сокола. Уже в переходный амратско-герзейский период культуры

¹⁴ Wilkinson T. A. H. Royal annals of ancient Egypt: The Palermo Stone and its associated fragments. Routledge, 2000. P. 90.

¹⁵ Wilkinson T. A. H. Royal annals of ancient Egypt... P. 96.

¹⁶ Wilkinson T. A. H. Early Dynastic Egypt. P. 229.

Нагада ($\approx 3800\text{--}3500$ гг. до н. э.) он объединял многочисленные населенные пункты на площади около 10 км^2 и занимал выгодное географическое положение, находясь на пересечении путей, соединявших долину Нила с отдаленными территориями во всех направлениях. Такая позиция позволяла Нехену установить контроль над путями, соединявшими долину Нила с Нижним Египтом, Западной пустыней и Сахарой, Восточной пустыней, побережьем Красного моря по пути Вади Хаммамат и Нубией на юге. Внешние связи способствовали концентрации богатств регионального царя и социальной элиты, углублению имущественной дифференциации в обществе уже на ранних фазах культуры Нагада, усилению доминирующей роли Нехена во взаимоотношениях с другими локальными территориями долины и дельты Нила, установлению его политического главенства в ходе образования двуединого раннего египетского государства.

Центром Нехена был додинастический город, включавший не только жилые постройки, но и многочисленные, относящиеся к разным фазам культуры Нагада, некрополи. Небольшие кладбища элиты находились к западу от додинастического города, как и деревни и ремесленные мастерские. Ядром додинастического города являлось монументальное сооружение, огражденное высокой сырцово-глиняной стеной. Это был церемониальный центр, посвященный культу местного божества Хора в облике сокола и правителю Нехена, земным воплощением которого считался региональный царь уже с герзейской фазы культуры Нагада ПС. Имя Хора стояло на первом месте в царской титулатуре, состоящей из пяти Великих имен в фараоновское время. Начиная с нулевой династии Раннего царства оно выписывалось иероглифическим знаком

 srh (palace-façade), символизирующим дворец или гробницу царя, на котором восседал сокол. Такая иконография представлена на додинастической церемониальной палетке из Метрополитен-музея, однако в отличие от всех известных изображений, в данном случае тронное имя царя не выписано в верхней части знака *srh* (рис. 3). Знак покоится на свернувшейся в кольцо змее. Возможно, это и есть наиболее раннее изображение имени Хора — мифического обожествленного царского предка Хора-сокола, имя которого прибавлялось к тронному имени правящего царя.

Когда политической центр при нулевой и двух первых династиях переместился в Абидос, Нехен оставался важнейшим религиозным центром Египта. На протодинастических церемониальных палетках, на которых представлены шествия с царскими штандартами, первый из них увенчан изображением сокола, а на следующем воплощен шакал (см. рис. 4). Этот образ бога в имени его Хентиментиу (букв. — «(тот, кто) во главе западных») почитался в Абидосе. Построенный в Древнее царство храм, посвященный этому местному

Рис. 3. Палетка из Метрополитен-музея. Фото автора

Источник: Petrie W. M. Corpus of proto-dynastic pottery. London, 1953. Pl. J, K. (British School of Egyptian Archaeology. [Publications]. Vol. 66. A-B).

Рис. 4, 4а. Фрагмент и целая церемониальная палетка Хора-Нармера. Нехен

богу, расположен близ додинастического храма А¹⁷, что служит подтверждением ранней традиции его культа. Образ шакала или дикой собаки представлен на целой серии протодинастических церемониальных палеток. По мнению Р. Антеса, уже в раннее время шакал был связан с царствованием Хора¹⁸. В Текстах Пирамид Хор назван именем бога Хентиментиу (Pyr. Ut. 412, § 727; Ut. 483, § 1015). Подобную иконографию имел бог Анубис, слившийся с Хентиментиу, а также Упуаут (букв. — «открыватель путей»), величавшийся «верхнеегипетским шакалом», как и абидосский Анубис. В «Мемфисском трактате» Хор наделен эпитетами «шакал Верхнего Египта», Хентиментиу-Анубиса и «открыватель путей» — Упуаута¹⁹, что связывает Хора и бога некрополя. Все три божества, имеющие обличие шакала, связаны с представлениями о смерти и были причастны к погребальному обряду. Таким образом, логично, что неподалеку от посвященного Хентиментиу храма расположен додинастический некрополь U в Умм эль-Каабе, а непосредственно к югу от него — некрополь царей нулевой и двух первых династий. В аспекте мифологического сознания перенос на вождя/царя характерных признаков образов шакала через значения их имен и функции спутника, проводника, медиатора между освоенными и неведомыми пространствами заложил основы для мифо-религиозных представлений и ритуалов письменного периода. В историческом аспекте присоединение бога в облики шакала к царскому богу Хору свидетельствует о ходе собирания египетских земель вождями/царями Нехена в прото-/раннединастическое время, к которым присоединился и Абидос²⁰.

Еще один персонаж в облике животного семейства собачьих происходит из Нагады (Омбос/Нубт), где в додинастический период (Нагада II) существовало

¹⁷ Petrie W. M. F. Abydos. Part II / The Egyptian Exploration Fund. London, 1903. P. 7–8. Pl. L.

¹⁸ Антес Р. Мифология в древнем Египте / пер. О. Д. Берлева // Мифологии древнего мира. М., 1977. С. 69.

¹⁹ Lichtheim M. Ancient Egyptian literature. Vol. 1. Berkley; Los Angeles; London, 1975. P. 56, note 4.

²⁰ Шеркова Т. А. Рождение Ока Хора: Египет на пути к раннему государству. М., 2004. С. 223–225.

поселение (так называемый Южный город), обнесенное стеной из сырцового кирпича, и несколько некрополей. Но он скорее похож на животное, которое, возможно, уже вымерло. Это образ бога Сетха. Изображения его встречаются в материалах Раннего царства. Т. Уилкинсон ссылается на две стелы в царском некрополе Абидоса, на которых этот бог упоминается²¹. Этот извечный противник бога Хора появляется на некоторых печатях царя II династии Перибсена на знаке *srh*, где обычно восседает сокол Хор. А на некоторых печатях царя II династии Хасехемуи также

из Абидоса (2853–2825 гг. до н. э.) оба бога увенчивают знак *srh* в царской титулатуре. На голове Хора — Белый венец Верхнего Египта, у Сетха — Красная корона Низовья²².

На печатях первого царя I династии Аха (ок. 3200–3000 гг. до н. э.) зафиксирован иероглифический знак *smA* — ‘соединять(ся), объединять(ся)’. Позднее знак *smA tAwy* — объединение двух земель, т. е. Верхнего и Нижнего Египта, — фланкирован фигурами богов Хора и Сетха, которые в данном контексте примирились, символизируя двуединство Египта²³. В некрополе Саккара, вдоль восточной стены мастабы, принадлежавшей царю I династии Хору-Джету, были установлены 300 глиняных моделей бычьих голов в натуральную величину, увенчанных настоящими рогами²⁴. Тексты Пирамид, написанные сотни лет спустя после I династии, сообщают о том, что рога жертвенного быка богов — это холмы Хора и Сетха (Руг. 306, § 480), которые возвышаются в восточной части неба, на пути умершего царя, переправляющегося в Поля Тростника (Руг. 470, § 914–918), т. е. в том же направлении, в каком бычьи головы были установлены на платформе мастабы царя I династии Хора-Джета, где восходит обновленное за ночь солнце (как символическое выражение представлений о посмертном воскресении). Так, в небесной топографии Хор и Сетх выступают как единство. Иначе говоря, конфликт между богами снимается, устанавливается космическое равновесие, баланс. Очевидно, уже во времена II династии царь Хасехемуи предпринял попытку примирить Хора и Сетха, провозгласив таким образом объединение Египта. При этом царь Низовье было окончательно присоединено к Раннему царству, что звучит в его имени: «Воссиявший двумя жезлами» (Хасехемуи) и «Тот, в ком умиротворились оба бога»²⁵.

Имя бога Сетха не вошло в царскую титулатуру, эта пара богов Хор – Сетх как противоположности является частным случаем в присущей древнеегипетской

²¹ Petrie W. M. The Royal tombs of the earliest dynasties. Part II / The Egypt exploration fund, 21. London, 1901. Pl. XXVII, 96, 129.

²² Petrie W. M. The Royal tombs. Pl. XXIII, 197; Kaplony P. Die Inschriften der Ägyptischen Frühzeit. Bd. III. Wiesbaden, 1964. Taf. 78/291; 80/302; 83/311, 313.

²³ Рельеф на постаменте статуи Сенусерта I из Лишта, ок. 1950 г. до н. э.

²⁴ Emery W. B. Archaic Egypt. Culture and civilization in Egypt thousand years ago. London, 1991. P. 71.

²⁵ Перепелкин Ю. Я. Древний Египет // История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. М., 1988. С. 315.

культуре биполярности мышления. Мифологическая логика оперирует бинарными оппозициями чувственных качеств²⁶.

Мифопоэтическое архетипическое мышление выстраивало классификации по принципу пары противоположностей в представлениях о целостной картине мира, и ключевым было противостояние хаоса и космоса в отождествлении макрокосмоса и микрокосмоса, природы и человека²⁷. Бинарная логика мифологического мышления лежала в основе осевого мотива противостояния и примирения пар противоположностей — мотива, в котором разрешается ключевой вопрос древнеегипетской культуры о преодолении хаоса, смерти в циклической структуре времени. Целостность мироздания была максимальной ценностью древнеегипетской культуры. В процессе познания и описания образно-символической картины мира мифологическое сознание использовало разные мотивы, образы и культурные коды: телесный, родовой, межгендерный, близнецный, числовой и др., которые символизировали принцип целостности мироздания. Такие фундаментальные антиномии, как хаос и космос, тождественные смерти и жизни, света и тьмы, персонифицируются в мифах и воплощаются в образах противостоящих пар богов. В додинастический период, когда происходили войны между вождествами, эти процессы осмыслились в противостоянии богов этих вождеств. Но на уровне мифотворчества эти оппозиции примирялись, циклически повторяясь как отражение представлений о картине мира, в которой происходит примирение противоположностей для поддержания установленного порядка.

При двух первых династиях цари носили три из пяти Великих имен, что символизировало фактически двуединство Египта. Так, локальные богини Нижнего и Верхнего Египта сливаются в имени *nbtj* ‘две госпожи’, сидящие на иероглифе в виде корзины *nb* . Это пара богинь: Уаджет из Буто в Низовье в образе кобры *w3D.t*, Урей на челе фараонов уже первых династий, и Нехбет из Эль-Каба в III номе Верхнего Египта, имя которой означает «она из Эль-Каба»²⁸. В имени Непти отражена не только идея покровительства правящего царя — воплощения бога Хора — со стороны локальных богинь, ставших государственными, но и богинь, гарантирующих власть царя над двуединым царством. Союз этих противоположностей обеспечивают не только материнское покровительство, но и порядок, баланс между землями Египта. Впервые это имя появляется у родоначальника I династии Хора-Аха.

Третье имя в царской титулатуре — *nswt-bity* (букв. — «он (принадлежит) особе и пчеле») — символы Верхнего и Нижнего Египта, т. е. царь Верхнего

²⁶ Мелетинский Е. М. Указ. соч. С. 165–169. Принцип биполярности представлен в изобразительном искусстве. Так, орнамент состоит из двух разных чередующихся элементов, составляющих единство. На церемониальных палетках многофигурные композиции построены по принципу зеркальной симметрии: периферийные относительно центрального элемента часто представляют собой объекты, противоположные по символике.

²⁷ Топоров В. Н. Указ. соч. С. 476–497.

²⁸ Hendrickx S. Elkab // Encyclopedia of the archaeology of Ancient Egypt / compiled and edited by K. L. Bard. London; New York, 1999. P. 289–292.

и Нижнего Египта. И в этом имени подчеркивается слияние противоположностей в двуединстве Египта.

Великие имена в титулатуре правящего царя являются своего рода документами, свидетельствующими об объединении Верхнего и Нижнего Египта при I и II династиях, и гарантами этого объединения были локальные божества, получившие статус государственных.

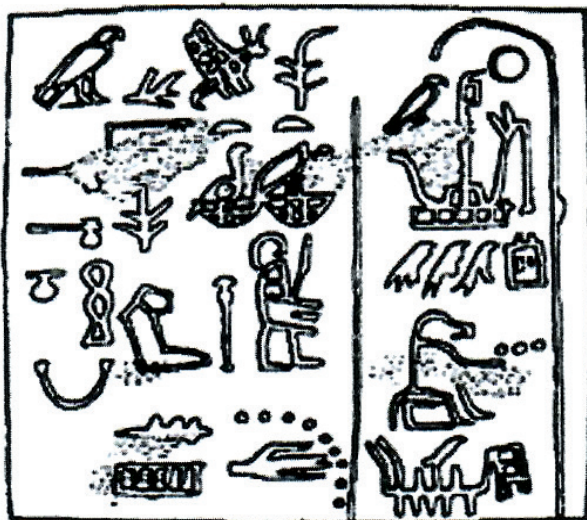
В период Раннего царства важную роль играл культ царских предков. Об этом свидетельствуют многие источники, включая царские годовые таблички и летописи. На годовой табличке царя II династии Семерхета представлено событие *šms-Hr*, во время которого царь и его спутники посетили святилище бога *hD-wr* — Хеджур — Большого Белого в образе сидящего павиана²⁹. Обожествленными предками становились умершие цари. Так, на пьедестале одной статуэтке сидящего павиана выписано тронное имя царя Нармера в знаке *srh*³⁰ (см. рис. 5). Изображения бога Большой Белый на табличках, посвященных царскому празднику *hb-sd*, указывает на причастность к нему культа царских предков.

Одним из древнейших и важнейших в пантеоне Раннего царства был образ богини-матери. Ее безымянные прообразы восходят к додинастическому времени и даже к первобытности как архетип Великой Матери (Венеры). В додинастический период (V–IV тыс. до н. э.) образ Великой Матери имел различную иконографию: стройные антропоморфные фигурки с птичьими лицами и поднятыми вверх руками, имитирующими рога коровы; голова коровы в условной стилистической манере, уши и лоб которой увенчаны «звездами» (см. рис. 6). Материальные источники открывают ее символические образы: животного, сосуда, водной стихии, могилы, — но также небесной символики, что указывает на разные ее аспекты: беременность, рождение, кормление, защита, — а также небесно-астральный, хтонический характер безымянной богини, прообраза богинь-матерей египетского пантеона: небесной Нут, Исиды, Бат/Хатхор, — давшей импульс рождению мифов, включенных в религиозные представления всего последующего культурно-исторического развития древнего Египта. Все иконографические версии объединяет образ коровы. Уже в додинастическое время мифологическое сознание вознесло корову в небесное пространство³¹. Речь идет о богине Нут, имя которой происходит от названия

²⁹ Wilkinson T. A. H. Early Dynastic Egypt. P. 261. Fig. 8.7.2.

³⁰ Fritschy W. A new interpretation of the early dynastic so-called 'Year'Labels. 'Balm Labels' and the preservation of the memory of the king // The Journal of Egyptian Archaeology. 2021. Vol. 107. № 1–2. P. 207–224; Fig. 4. P. 213. О важной роли этого бога в пантеоне Раннего царства свидетельствуют целые коллекции фаянсовых статуэток Большого Белого из тайников в храмах Нехена, Абидоса, богини Сатис на о. Элефантина и в Телль Ибрагим Аваде в Низовье. В Телль Ибрагим Аваде найдено двести сидящих фаянсовых фигурок павиана. На алтаре храмовой постройки Древнего царства была найдена голова от крупной статуэтки павиана, что может указывать на божество, которому было посвящено раннее святилище, откуда были перенесены вотивные предметы Раннего царства, см.: Древнеегипетский храм в Телль Ибрагим Аваде: раскопки и открытия в Дельте Нила. М., 2002. Фото 108.

³¹ Антес Р. Указ. соч. С. 57–58.

Источник: Fritschy W. A. New Interpretation of the Early Dynastic so-called 'Year'Labels. 'Balm Labels' and the Preservation of the Memory of the King // The Journal of Egyptian Archaeology. 2021. Vol. 107. № 1-2. P. 207–224. Fig. 4.

Рис. 5. Годовая табличка царя Семерхета. Абидос

Источник: Petrie W. M. Corpus of Proto-Dynastic pottery London, 1953. Pl. B 5. (British School of Egyptian Archaeology. [Publications]. Vol. 66. A-B).

Рис. 6. Герзейская палетка

миниатюрного сосуда *nw* , семантика которого включает два ключевых элемента, причастных к представлениям о Великой Матери, роженице космоса и всего в нем сущего. Это вода и земля.

Образ коровы присущ и другим богиням, восходящим к древнему первообразу. В додинастический период уже существовал культ богини Бат, иконографически неотличимой от богини Хатхор, так что предположительно они тождественны — Бат/Хатхор. Имя Бат, как считается, означает женский род от слова *bz* 'душа' (*bzt*). Имя Хатхор означает «дом Хора», и в этом смысле она подобна Исиде — «место Хора», т. е. обе являются матерями бога Хора. О культе Исиды до Раннего царства нет прямых источников. Однако и при первых династиях также нет бесспорных данных, хотя ее амулет — «узел Исиды» (*tyet*) встречается в археологических комплексах³². Изначальные места культа этих богинь не известны. Предполагают, что Бат происходит из города Ху в долине Нила³³. В письменный период храм Хатхор находился южнее, в Дендере, но более раннее святилище неизвестно. Иконография Бат/Хатхор в форме головы коровы с человеческими чертами известна по многим артефактам и изображениям времени Раннего царства. Пожалуй, эта богиня изображалась чаще других на протодинастических и раннединастических предметах. Наиболее известной является церемониальная палетка Нармера, где воплощения ее зооантропоморфной головы помещены в верхней части, но также и на фартуке

³² Gardiner A. Egyptian grammar. London, 1950. P. 508, 599; Wilkinson T. A. H. Early Dynastic Egypt. P. 249.

³³ Wilkinson T. A. H. Early Dynastic Egypt. P. 244–245.

этого царя-покорителя Низовья (см. рис. 4а). Обе богини являлись, как и все пришедшие из додинастики, причастными к фигуре царя. Богиня в обличии коровы и ее теленок стали ключевыми образами в египетской религии, что отражено в ее эпитете — «мать своего теленка».

Однако наряду с позитивными качествами характера богини — любящей и заботливой матери — мифологическое мышление оперировало и амбивалентностью, что выше прослежено в связи с образами Хора и Сетха. Но в данном случае имеется в виду амбивалентность одного и того же образа. Великая мать демонстрирует и образ ужасной матери. Впрочем, негативный образ матери/дочери проявлен в письменный период в мифах и сказках, хотя, вероятно, истоки этих представлений восходят к дописьменному и раннеписьменному периоду. Так, небесная богиня Нут по утрам проглатывает своих детей — звезды, а по ночам вновь их рождает. На челе уже раннединастических царей появляется богиня в образе кобры Урея, которая защищает владыку Египта и готова уничтожить его врагов. Что говорить об Исиде, которая не раз была сурова с возлюбленным сыном Хором.

Воинственный характер был присущ богине Нейт из Саиса в Западной Дельте. Имя ее переводят как «наводящая ужас»³⁴. Ужас она наводила на врагов раннединастических царей. Ее символ в виде двух скрещенных стрел встречаются в материалах додинастического и раннединастического времени. Он изображен на табличке основателя I династии царя Хора-Аха в святилище Нейт, которое он посетил (см. рис. 7). Теофортное имя носила супруга Хора-Нармера и мать Хора-Аха Нейтхотеп, чья мастаба найдена в Нагаде; на стеле из мастабы У в Абидосе выписано имя принцессы Мернейт (время царя I династии Хора-Джера), а также имя богини Нейт в форме перекрещенных стрел на штандарте; жрец Мерка (при царе Хоре-Каа, II династия) носил титул «слуга Нейт» *Hm-n-Nt*³⁵. Имя Нейтхотеп выписано иероглифически на сосуде из слоновой кости из гробницы 0,2 в Абидосе³⁶.

В додинастическое время существовал культ бога плодородия, в письменный период получивший имя Мин. Его символ — знак молнии, — ставший в иероглифике обозначением имени бога *Mnw*³⁷, изображен в виде рельефа на позднединастической палетке (см. рис. 8), церемониальной булаве царя нулевой династии Скорпиона II (на третьем штандарте, после сокола и шакала). Колоссальная статуя антропоморфного Мина происходит из храма Мина в Коптосе³⁸. Это итифаллическое воплощение бога, культ которого был распространен в Раннее царство³⁹,

³⁴ *Wilkinson T. A. H. Early Dynastic Egypt. P. 252.*

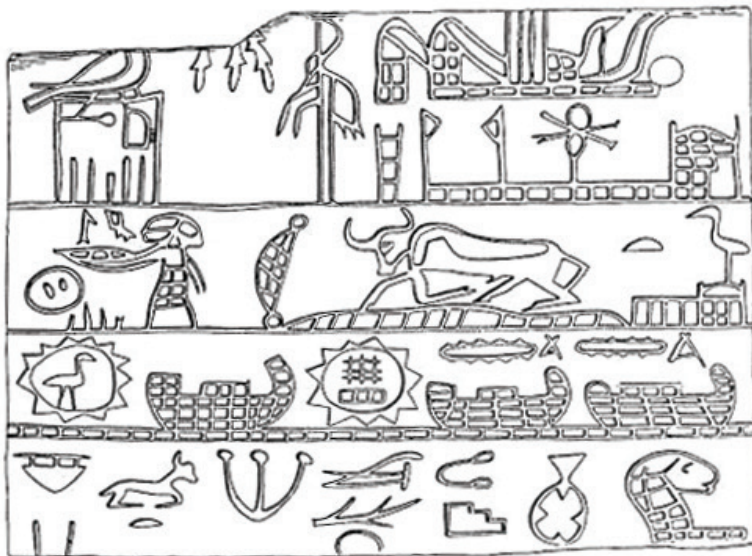
³⁵ *Emery W. B. Op. cit. P. 49, 65, 90. Pl. 30a.*

³⁶ *Petrie W. M. F. Royal tombs from Abydos. London, 1901. Pl. II, 12.*

³⁷ *Gardiner A. Op. cit. P. 568.*

³⁸ *Petrie W. M. F. Koptos. London, 1896. Pl. III. Раскопки Ф. Питри позднего храма Мина в Коптосе в 1894 г. Кроме колоссальной фрагментированной статуи (1,77 м при изначальной высоте ок. 4 м) были найдены и фрагменты от подобной статуи, более мелких фрагментов, головы, изображений знака молнии, крупных статуй двух львов, предположительно находившихся возле пары колоссальных статуй бога Мина. Они были сброшены в яму при строительстве позднего храма. См.: *Emery W. B. Op. cit. P. 170.**

³⁹ *Wilkinson T. A. H. Early Dynastic Egypt. P. 25.*

Источник: *Spencer A. J. Early Egypt. The rise of civilisation in the Nile Valley. London, 1993. Fig. 44.*

Рис. 7. Табличка царя Хора-Аха. Абидос

и в той же иконографии он сохранил свое значение во все периоды письменной истории Древнего Египта.

В письменных источниках бог Тот обладал самыми широкими полномочиями; в целом он был носителем мудрости и знаний. Но прежде всего почитался как божество, создавшее письменность. Он считался богом-жрецом, учителем фараона, раскрывавшим перед ним тайные знания. Он выступал в облике павиана в классический период, но в додинастическое и раннединастическое время он почитался в облике птицы ибиса. На протодинастических палетках он увенчивает один из царских штандартов наряду с соколом Хором, шакалом Хентиментиу-Анубисом, плацентой царя, т. е. принадлежал к богам, причастным к личности царя (рис. 9).

Наиболее раннее из известных изображений солнечной ладьи представлено на гребне из кости царя I династии Хора-Джета из Абидоса. Это изображение божества, путешествующего по небу в лодке, распространенное в более поздней религиозной иконографии солярных богов Хора и Ра. Небесная ладья плывет над рас-

пахнутыми крыльями сокола, а ниже изображен иероглифический знак *srh* с вписанным в него именем царя Джета — тронное имя Хора-имярек. Солнечный бог Ра почитался при царях II династии, о чем свидетельствуют теофорные имена царей Небра и Неферкара. Косвенные данные о раннем почитании солнечного диска предоставляет погребальный обряд на памятниках додинастической культуры Маади в Нижнем Египте. Скорченные скелеты лежали с головой, обращенной на восток, в сторону восходящего солнца⁴⁰. Культ солнечного Ра происходит

⁴⁰ Шеркова Т. А. Указ. соч. С. 89.

Источник: Petrie W. M. F. Corpus of proto-dynastic pottery London, 1953. Pl. A 1. (British School of Egyptian Archaeology. [Publications]. Vol. 66. A-B).

Источник: Petrie W. M. F. Corpus of proto-dynastic pottery London, 1953. Pl. G 17-18. (British School of Egyptian Archaeology. [Publications]. Vol. 66. A-B).

Рис. 9. Палетка Быка

Рис. 8. Палетка Мина

из Гелиополя и распространился уже при II династии, когда царем Хором-Аха был основан столичный город Мемфис у основания дельты Нила, где сходились Верхний и Нижний Египет. При III династии в Гелиополе уже существовал храм Ра, который посещали правители Египта⁴¹. При V династии окончательно сложилась теология солярного бога Ра. А иконографическая версия небесного плавания бога в соляной ладье актуализировалась благодаря раскопкам в Абусире, где находились пирамиды фараонов-солнцопоклонников V династии⁴². Тогда владыки получили четвертое Великое имя в Титулатуре — сын Ра, — хотя культ бога известен со II по IV династию царей Раннего царства.

Весьма символично, что новая столица Мемфис при I и II династиях была основана в основании Дельты, где сходятся Верхний и Нижний Египет. Возможно, здесь и раньше существовало додинастическое поселение. Во всяком случае, Ф. Питри, который начал проводить раскопки в Мемфисе в 1908 г., отмечал, что древнейшим богом в Мемфисе был бык Апис и храм, ему посвященный, представлял собой примитивное строение, т. е. был зафиксирован додинастический характер святилища

⁴¹ Wilkinson T. A. H. Early Dynastic Egypt. P. 254.

⁴² В святилище Солнца царя V династии Нефериркара, сообщает летопись на Палермском камне, строилась ладья. И далее текст сообщает о том, что для бога Ра в святилище Солнца — «Место сердца Ра» — были сделаны из меди две ладьи по восемь локтей в длину: вечерняя солнечная ладья и утренняя солнечная ладья. Возле святилища Солнца царя Ниусерра также была обнаружена ладья из сырцового кирпича. См.: Савельева Т. Н. Указ. соч. С. 34.

более ранней даты⁴³. При царе I династии Хоре-Аха был основан храм бога Птаха. В отличие от других богов он имел антропоморфную иконографию. Подобно Осирису, он изображен в плотном длинном одеянии, чем напоминает мумию, поэтому в египтологической литературе упоминают годовую табличку царя I династии Хора-Джера, на которой персонаж несет к сидящему на высоком троне царю мумию⁴⁴.

Где проходили ритуальные действия, посвященные культу того или иного божества? Уже в додинастическое время существовали святилища Верхне-

го *pr wr* и Нижнего *pr nsr (pr nw)* Египта. В Верхнем Египте таким выступал Нехен с богом Хором во главе, распространившимся на всю долину Нила. Что же касается Низовья, то речь идет в первую очередь о столице Низовья Буто, материалы которой (в более широком контексте — артефактов Буто-Маадийской культуры) указывают на продвижение верхнеегипетской культуры Нагада в Дельту и ассимиляцию местной культуры⁴⁵. Как говорилось выше, в Буто существовал культ богини Уаджет, однако неизвестно, существовал ли ее культ до Раннего царства или он был основан царями нулевой или I династии. Если образ богини-кобры был местным, то царская идеология могла приспособить ее культ к новым социально-политическим условиям. То же относится и к богине Нейт, также почитавшейся в Египте на протяжении всей древней истории страны. И архитектура святилища *pr-nw* относится к позднединастическому времени, когда культура Нагада уже продвинулась в Низовье. Вместе с тем невозможно представить себе, чтобы культуры Нижнего Египта могли существовать без местных богов, охраняющих эти земли, их лидеров и население. Очевидно, в данном случае действовал древнейший механизм, который хорошо известен во многих культурах, когда завоеватели сохраняли культы местных божеств, признавая их хозяевами данных территорий и получая, таким образом, от них права управлять присоединенными территориями. Так или иначе, свой вклад культуры Низовья внесли в двуединое царство.

⁴³ Petrie W. M. F. Memphis I / British school of archaeology in Egypt and Egyptian research account fourteenth year, 1908. London, 1909. P. 2–3.

⁴⁴ Wilkinson T. A. H. Early Dynastic Egypt. Fig 8.2.2.

⁴⁵ Раскопки на этом многослойном памятнике показали, что слой Буто III, или переходная фаза Буто (III/a/b–d-f/h), характеризуется убыванием местной и увеличением количества керамики культуры Нагада фазы II d1–II d2, в абсолютных датах соответствующей 3300 г. до н. э. Согласно данной периодизации, фаза Буто IV синхронна Нагаде III a1–III a2 (или 3200 г. до н. э.), а фаза Буто V одновременна Нагаде III b1–III c1. Это время включает периоды правления царей нулевой династии: Ири-Хора, Ка, Скорпиона и Нармера. В следующем столетии (соответствующем периоду Нагада III c3) умещаются даты владычества царей первой династии: Аха, Джера, Джета; а в 2900 г. до н. э. (Нагада III c3) — Убиму и Аджиба. Завершающая фаза Буто (VI) содержит материалы эпохи Древнего царства периода правления царей III и IV династий. См.: Von der Way Th. Excavations at Tell el-Fara'in/Buto in 1987–1989 // Nile Delta in Transition: 4th–3rd Millennium B. C. / ed. by E. C. M. van den Brink. Tell Aviv, 1992. P. 1–6, fig. 3.

Оба святилища Уаджет и Нехбет — *pr-nw* и *pr-wr*, покровительниц царских корон: красной короны Низовья *dSrt* и *HDt* Верхнего Египта, — известные по артефактам додинастического времени, считались каноническими и упоминаются в Текстах Пирамид, а также в более поздних источниках. Богиня из Буто величалась Уаджет из *pr-nw*, а Нехбет принадлежало святилище Верхнего Египта *pr-wr*. Хотя в этих святилищах обитали и другие боги и богини, о чем свидетельствуют печати и надписи на сосудах I династии, в частности богини Нейт из Саиса на артефактах из Иераконполя и Абидоса. Вместе с тем святилища Хатхор и Мина имели некоторые особенности⁴⁶.

Основание новой столицы в Мемфисе сохранило политическую и идеологическую значимость древних локально-территориальных центров, которые включились в объединительный процесс. Исконные области, где зарождалось государство, становились важнейшими религиозными центрами, в которых почитался царский культ. Так, город Нехен сохранял свой высокий статус на протяжении всего периода древней истории Египта как центр почитания бога Хора. Местные божества присоединенных к Нехену номов также становились богами, причастными к царскому культу.

Основание Мемфиса завершало длительный процесс создания первого государства Египта крупными социально-политическими изменениями и единым правителем во главе. В сфере религии и культа, несмотря на консервативность этой сферы жизни социума, также происходила существенная трансформация. Однако прослеживается определенная логика в развитии общественного устройства от вождейств и региональных царств, когда к главным богам возглавившего объединительный процесс египетских земель присоединялись боги локальных территорий. Эти божества или их символы представлены на изобразительных памятниках прото- /раннединастического времени. Ими увенчаны штандарты в сценах шествий вождя/царя и сражений. На штандартах обычно изображены одни и те же образы, символизировавшие номы: сокол Нехена, ибис Гермополя, шакал Абидоса, пара соколов или символ бога Мина города Коптоса (см. рис. 4а, 9). По мере развития движения по завоеванию новых территорий все большее число локальных богов присоединялось к царственному Хору Нехена. Тем не менее на изобразительных памятниках протодинастического и раннединастического времени на штандартах устойчиво представлены эмблемы одних и тех же номов в различных комбинациях (чаще всего четырех штандартов): сокола, ибиса (или пары штандартов с ибисом), шакала (или двух штандартов с шакалом), плаценты, пары соколов. Эти божества и их символы назывались спутниками Хора *šms-Hr*. Скорее всего, речь идет о мифологических основаниях известного вплоть до Древнего царства мероприятия, когда царь совершал плавание по Нилу, посещая со своей свитой святилища и храмы богов, о чем свидетельствуют церемониальные палетки, годовые таблички, печати, а также

⁴⁶ Савельева Т. Н. Указ. соч. С. 20–21.

события, отраженные на Палермском камне и каирских фрагментах, спустя столетия после Раннего государства⁴⁷. Таким образом, уже в протодинастическое время оформлялось монархическое правление, облеченное в присущие древнеегипетской культуре формы.

Учитывая культово-ритуальный и меморативный характер этих артефактов, есть основания говорить о том, что увенчивающие их эмблемы указывают как на ход формирования государства, так и на причастность к царскому культу богов, символизировавших локально-территориальные политические образования, первыми присоединившиеся к царю Хору-имярек во время завоеваний все новых территорий и *сыгравшие особую роль в первоначальном процессе государствообразования*.

Заключение. На уровне осмысления космологии целостной картины мира как базовой ценности культуры, материалы, связанные с проблемой формирования пантеона, проанализированы в контексте заложенной в основание культуры символики пространственных представлений, отраженных в композиции изобразительных текстов начиная с додинастического периода. Это условный круг с центром, содержащим самые важные культурные образы: мифических предков, бога-творца, святилищ, вождя/царя, его иконографии и атрибутов. Периферийные образы в религиозном контексте — это божества, причастные к престолу правителя, их символы, расположенные в системе зеркальной симметрии. Аналогичную архитектуру «центр – периферия» представляет социально-политическое устройство Египта. После завершения объединения страны в рамках двуединого царства на границе между Верхним и Нижним Египтом была основана столица Мемфис как символ объединения двух земель и основания первого в истории Древнего Египта государства. Двуединство царства отражают два царских некрополя: один — в Верхнем Египте в Абидосе, другой — вблизи Мемфиса в Саккаре, — что символизирует истоки и результат движения к созданию двуединого царства. Великие имена в царской титулатуре также организованы в системе «центр — это имя бога Хора — и периферия — имена богинь Уаджет и Нехбет из Верхнего и Нижнего Египта, покровительниц царской власти, хранительниц царских корон обеих земель». Наконец, символика территориального единства обеих земель также заключается в имени «царь Верхнего и Нижнего Египта», как и святилища *pr-nw* (*pr-nsr*) и *pr-wr*. Это целостная, устойчивая картина мира сосредоточена на сакрализованной фигуре царя, наделенного функциями удачливого воина, великого строителя, отвечающего за процветание вверенного ему богами Египта. В этой системе локальные (городские) божества, сохраняя свой прежний статус, становились

⁴⁷ При II династии эти мероприятия стали носить административно-хозяйственные функции по сбору податей с областей и происходили раз в два года. К этому времени в роли спутников Хора выступали чиновники. См.: *Савельева Т. Н.* Указ. соч. С. 30; *Trigger B. G.* The rise of Egyptian civilization. P. 58.

государственными, игравшими важную роль в праздниках, им посвященных, в которых принимали участие царь и его свита. Равным образом весь пантеон присутствовал на царских праздниках, в том числе *hb-sd*, посвященного легитимации продолжения правления царя.

Литература

1. Антес Р. Мифология в Древнем Египте / пер. О. Д. Берлева // Мифологии древнего мира / пер. с англ.; отв. ред. В. А. Якобсон; предисл. И. М. Дьяконова. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1977. С. 55–121.
2. Ассман Ян. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
3. Древнеегипетский храм в Телль Ибрагим Аваде: раскопки и открытия в Дельте Нила / под ред. Г. А. Беловой и Т. А. Шерковой. М.: Алетейа, 2002. 187 с.
4. Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // Вестник древней истории. 1982. № 2 (160). С. 3–16.
5. Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1987. 269 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
6. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 2-е изд., репринт. М.: Восточная литература; Языки русской культуры, 1995. 407 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
7. Меликишвили Г. А. Об основных этапах развития древнего ближневосточного общества // Вестник древней истории. 1985. № 4 (175). С. 3–34.
8. Перепелкин Ю. Я. Древний Египет (гл. IV–X) // История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2: Передняя Азия. Египет. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988. С. 295–572.
9. Савельева Т. Н. Храмовые хозяйства Египта времени Древнего царства (III–VIII династии). М.: Наука. Восточная литература, 1992. 179 с.
10. Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 621 с.
11. Топоров В. Н. Статьи для мифологических энциклопедий. Т. 1: А–О. М.: Языки славянской культуры; Знак, 2014. 600 с.
12. Шеркова Т. А. Рождение Ока Хора. Египет на пути к раннему государству. М.: Праксис, 2004. 369 с.
13. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В. П. Большакова. М.: Академический Проект, 2010. 251 с.
14. Элиаде М. Космос и история: избранные работы / пер. с фр. и англ. М.: Прогресс, 1987. 311 с.
15. Adams B., Ciałowicz K. M. Protodynastic Egypt. Oxford: Shire, 1997. 39 p.
16. Emery W. B. Archaic Egypt. Culture and civilization in Egypt five thousand years ago. London: Penguin Books, 1991. 269 p.
17. Fritschy W. A New interpretation of the early dynastic so-called ‘Year’ Labels. ‘Balm Labels’ and the preservation of the memory of the king // The Journal of Egyptian Archaeology. 2021. Vol. 107. № 1–2. P. 207–224. <https://doi.org/10.1177/030751332110603>
18. Gardiner A. Egyptian grammar. London: Oxford University Press, 1950. 646 p.

19. Hendrickx S. Elkab // *Encyclopedia of the archaeology of ancient Egypt* / compiled and edited by K. A. Bard. London; New York: Routledge, 1999. P. 289–293.
20. Hendrickx S. *The emergence of the Egyptian State* // *Cambridge World Prehistory*. Vol. 1. Cambridge University Press, 2014. P. 259–278.
21. Kaplony P. *Die Inschriften der Ägyptischen Frühzeit*. Bd. III: Tafeln. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1964. 154 p.
22. Lichtheim M. *Ancient Egyptian Literature*. Vol. 1: *The Old and Middle Kingdoms*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1975. 245 p.
23. Petrie W. M. F. *Abydos*. Part II // *The Egypt Exploration Fund*. London, 1903. 56 p. <https://doi.org/10.11588/diglit.4103#0001>
24. Petrie W. M. F. *Corpus of Proto-Dynastic Pottery* / *British School of Egyptian Archaeology*. London, 1953. 23 p.
25. Petrie W. M. F. *Koptos*. London: B. Quaritch, 1896. 38 p.
26. Petrie W. M. F. *Memphis I* / *British school of archaeology in Egypt and Egyptian research account fourteenth year, 1908*. London, 1909. 54 p.
27. Petrie W. M. F. *The Royal tombs of the earliest dynasties*. Part II // *The Egypt exploration fund*, 21. London, 1901. 60 p.
28. Trigger B. G. *Early civilizations. Ancient Egyptian context*. Cairo, 1993. 158 p.
29. Trigger B. G. *The rise of Egyptian civilization* // Trigger B. G., Kemp B. J., O'Connor D., Lloyd A. B. *Ancient Egypt: a social history*. Cambridge, 1994. P. 1–70.
30. Wilkinson T. A. H. *Early dynastic Egypt*. London; New York: Routledge, 1999. 436 p.
31. Wilkinson T. A. H. *Royal annals of ancient Egypt. The Palermo stone and its associated fragments* / *Studies in Egyptology*. London; New York: Routledge, 2000. 287 p.

References

1. Antes R. *Mythology in Ancient Egypt* / translated by O. D. Berlev // *Mythology of the ancient world* / translated from English; edited by V. A. Yakobson; preface by I. M. Dyakonov. Moscow: Nauka. The Main Editorial Office of Oriental Literature, 1977. P. 55–121. (In Russ.).
2. Assman Jan. *Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity* / translated from German by M. M. Sokolskaya. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 363 p. (In Russ.).
3. *The ancient Egyptian temple at Tell Ibrahim Awad: excavations and discoveries in the Nile Delta* / edited by G. A. Belova and T. A. Sherkova. Moscow: Aleteya, 2002. 187 p. (In Russ.).
4. Diakonoff I. M., Yakobson V. A. “Nome states”, “territorial kingdoms”, “poleis” and “empires”. A study in typology // *Journal of Ancient History*. 1982. № 2 (160). P. 3–16. (In Russ.).
5. Kostyukhin E. A. *Types and forms of the animal epic*. Moscow: Nauka. The Main Editorial Office of Oriental Literature, 1987. 269 p. (Studies on folklore and mythology of the East). (In Russ.).
6. Meletinsky E. M. *Poetics of myth*. 2nd ed., reprint. Moscow: Oriental Literature; Languages of Russian Culture, 1995. 407 p. (Studies on folklore and mythology of the East). (In Russ.).
7. Melikishvili G. A. *Principal stages in the development of ancient Near Eastern society* // *Journal of Ancient History*. 1985. № 4 (175). P. 3–34. (In Russ.).

8. Perepelkin Yu. Ya. Ancient Egypt (chapters IV–X) // History of the Ancient East. The origin of the most ancient class societies and the first centers of slave-owning civilization. Part 2: Western Asia. Egypt. M.: Nauka. The Main Editorial Office of Oriental Literature, 1988. P. 295–572. (In Russ.).
9. Savelyeva T. N. Temple farms of Egypt during the Ancient Kingdom (III–VIII dynasties). Moscow: Nauka. Oriental Literature, 1992. 179 p. (In Russ.).
10. Tokarev S. A. Early forms of religion. Moscow: Politizdat, 1990. 621 p.
11. Toporov V. N. Articles for mythological encyclopedias. Vol. 1: A–O. Moscow: Language of Slavic culture; Sign, 2014. 600 p. (In Russ.).
12. Sherkova T. A. The birth of the Eye of the Choir. Egypt on the way to an early state. Moscow: Praxis, 2004. 369 p. (In Russ.).
13. Eliade M. Aspects of myth / translated from French by V. P. Bolshakov. Moscow: Academic Project, 2010. 251 p. (In Russ.).
14. Eliade M. Cosmos and history: selected works / translated from French and English. Moscow: Progress, 1987. 311 p. (In Russ.).
15. Adams B., Ciałowicz K. M. Protodynastic Egypt. Oxford: Shire, 1997. 39 p.
16. Emery W. B. Archaic Egypt. Culture and civilization in Egypt five thousand years ago. London: Penguin Books, 1991. 269 p.
17. Fritschy W. A New interpretation of the early dynastic so-called ‘Year’ Labels. ‘Balm Labels’ and the preservation of the memory of the king // The Journal of Egyptian Archaeology. 2021. Vol. 107. № 1–2. P. 207–224. <https://doi.org/10.1177/030751332110603>
18. Gardiner A. Egyptian grammar. London: Oxford University Press, 1950. 646 p.
19. Hendrickx S. El Kab // Encyclopedia of the archaeology of ancient Egypt / compiled and edited by K. A. Bard. London; New York: Routledge, 1999. P. 289–293.
20. Hendrickx S. The emergence of the Egyptian State // Cambridge World Prehistory. Vol. 1. Cambridge University Press, 2014. P. 259–278.
21. Kaplony P. Die Inschriften der Ägyptischen Frühzeit. Bd. III: Tafeln. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1964. 154 p.
22. Lichtheim M. Ancient Egyptian Literature. Vol. 1: The Old and Middle Kingdoms. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 1975. 245 p.
23. Petrie W. M. F. Abydos. Part II / The Egypt Exploration Fund. London, 1903. 56 p. <https://doi.org/10.11588/diglit.4103#0001>
24. Petrie W. M. F. Corpus of Proto-Dynastic Pottery / British School of Egyptian Archaeology. London, 1953. 23 p.
25. Petrie W. M. F. Koptos. London: B. Quaritch, 1896. 38 p.
26. Petrie W. M. F. Memphis I / British school of archaeology in Egypt and Egyptian research account fourteenth year, 1908. London, 1909. 54 p.
27. Petrie W. M. F. The Royal tombs of the earliest dynasties. Part II / The Egypt exploration fund, 21. London, 1901. 60 p.
28. Trigger B. G. Early civilizations. Ancient Egyptian context. Cairo, 1993. 158 p.
29. Trigger B. G. The rise of Egyptian civilization // Trigger B. G., Kemp B. J., O’Connor D., Lloyd A. B. Ancient Egypt: a social history. Cambridge, 1994. P. 1–70.
30. Wilkinson T. A. H. Early dynastic Egypt. London; New York: Routledge, 1999. 436 p.
31. Wilkinson T. A. H. Royal annals of ancient Egypt. The Palermo stone and its associated fragments / Studies in Egyptology. London; New York: Routledge, 2000. 287 p.

Научная статья

УДК 94 (3)

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-118-128

Гусарова Светлана Владимировна

Одинцовская общеобразовательная школа «Надежда»

Московская обл., Россия

samoupravlenie7@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9105-5717

ОТНОШЕНИЯ ПАТРИАРХА НИКОЛАЯ I МИСТИКА С СОЮЗНИКАМИ ИЗ КЛЕРИКАЛЬНОЙ СРЕДЫ В ПЕРИОД РАСКОЛА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХАТА НА ПОЧВЕ ЧЕТВЕРТОГО БРАКА ИМПЕРАТОРА ЛЬВА VI

Аннотация. Статья посвящена отношениям Константинопольского патриарха Николая I Мистика (901–907; 920–925) со своими союзниками из клерикальной среды. Автор анализирует письма архиерея и византийские хроники и выявляет из числа адресатов Николая Мистика союзников и единомышленников патриарха среди церковнослужителей. В сложные периоды борьбы светской власти с Николаем Мистиком последний опирался на поддержку верных ему митрополитов, к которым испытывал чувство дружбы и личной привязанности. Среди таких клириков автор особенно выделяет Фотия Ираклийского и Григория Эфесского. Эти священнослужители отстаивали правоту патриарха Николая Мистика в конфликте со Львом VI (866–912) и подверглись опале после насильственного смещения константинопольского архиерея с кафедры в 907 г. Предыдущий опыт показывал важность союзников из среды священства для восстановления на кафедре смещенных ранее патриархов. Союзники входили в клерикальную партию «николаитов» и были необходимы Николаю Мистика не только для моральной поддержки, но и в качестве опоры для укрепления политического положения в период раскола Церкви на почве четверобрачия императора Льва VI. Николай Мистик после восстановления в патриаршем сане в 912 г. с помощью эффективного внутрицерковного курса смог расширить число своих сторонников. Это позволило провести в 920 г. Собор в Константинополе, на котором признавалась правота патриарха в конфликте со Львом VI, а также провозглашалось клерикальное единство внутри Церкви в Восточной Римской империи.

Ключевые слова: Николай Мистик, Константинопольский патриарх, Византийская церковь, церковные партии, «николаиты», Собор 907 г., Собор 920 г.

Для цитирования: Гусарова С. В. Отношения патриарха Николая I Мистика с союзниками из клерикальной среды в период раскола Константинопольского патриархата на почве четвертого брака императора Льва VI // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 1 (61). С. 118–128. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-118-128>

Original article

UDC 94 (3)

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-118-128

Gusarova Svetlana V.

Odintsovo Secondary School “Nadezhda”

Moscow region, Russia

samoupravlenie7@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9105-5717

**THE RELATIONS OF PATRIARCH NICHOLAS I MYSTIC
WITH HIS CLERICAL ALLIES DURING THE SCHISM
OF THE PATRIARCHATE OF CONSTANTINOPLE
ON THE BASIS OF THE FOURTH MARRIAGE
OF EMPEROR LEO VI**

Abstract. The article is devoted to the relations of the Patriarch of Constantinople Nicholas I Mystic (901–907; 920–925) with his allies from the clerical environment. The author analyzes the letters of the bishop and Byzantine chronicles and identifies allies and like-minded people of the patriarch among the clergy from among the addressees of Nicholas Mystic. During difficult periods of the struggle of the secular authorities with Nicholas Mystikos, the latter relied on the support of the metropolitans loyal to him, to whom he felt a sense of friendship and personal affection. Among such clergy, the author especially highlights Photius of Heraclius and Gregory of Ephesus. These clergy defended the rightness of Patriarch Nicholas Mystic in the conflict with Leo VI (866–912) and fell into disgrace after the forcible removal of the Constantinople bishop from the see in 907. The experience of previous generations showed the importance of allies from among the clergy for the restoration of previously removed patriarchs to the see. The allies were part of the clerical party of the Nicolaitans and were necessary to Nicholas Mystikos not only for moral support, but also as a support for strengthening the political position during the period of the schism of the Church on the basis of the quadruple marriage of Emperor Leo VI. After being restored to the patriarchal rank in 912, Nicholas Mystic was able to expand the number of his supporters with the help of an effective internal church course. This made it possible to hold a Council in Constantinople in 920, which recognized the rightness of the patriarch in the conflict with Leo VI, and also proclaimed clerical unity within the Church in the Eastern Roman Empire.

Keywords: Nicholas Mystic, Patriarch of Constantinople, Byzantine Church, church parties, “Nicolaitans”, Council of 907, Council of 920.

For citation: Gusarova S. V. The relations of Patriarch Nicholas I Mystic with his clerical allies during the schism of the Patriarchate of Constantinople on the basis of the fourth marriage of Emperor Leo VI // MCU Journal of Historical Studies. 2026. № 1 (61). P. 118–128. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-118-128>

Введение. Николай I Мистик — патриарх Константинопольский (901–907; 912–925), активно участвовавший в государственных и церковных делах своего времени. В период своего патриаршества Николай Мистик вступил в конфликт с императором Львом VI (886–912) по вопросу о допустимости четвертого брака, в результате чего архиерей был смещен с кафедры и отправлен в ссылку, а также с оппозицией матери будущего императора Константина Багрянородного (913–959) Зоей Карбонопсиной (906–919), удалившей в 914 г. патриарха из регентского совета. Конфликты патриархов с императорами нередко затрагивали интересы клерикальной среды, в результате чего возникали волнения и расколы на церковные партии. Это было обусловлено поддержкой священниками различных сил в зависимости от их духовных взглядов и политической ориентации. Сложные периоды Николаю Мистику помогали пережить его сторонники из среды высшего духовенства, которых также можно назвать союзниками.

Ход и результаты исследования. Император Лев VI в первые годы X в. вступил в связь с придворной дамой Зоей Карбонопсиной, от которой хотел получить законного наследника престола¹. Для этого правителью Восточной Римской империи необходимо было заключить брак², но по закону брак оформлялся только через церковное венчание³. Николай Мистик отказывал василевсу в праве оформить матримониальные отношения с Зоей Карбонопсиной, поскольку ранее император был женат уже трижды, а четвертый брак Церковь прямо запрещала. Так, например, «Апостольские послания» Климента Римского гласят: «Один брак соответствует закону и природе, второбрачие после общения беззаконно не по причине совокупления, а вследствие лжи, третьобрачие — следствие неумеренности. А то, что следует после третьего брака, очевидно есть блудодеяние и открытое невоздержание»⁴.

В 907 г. Лев VI от просьб церковно признать его брак с Зоей Карбонопсиной перешел к прямым угрозам в адрес Николая Мистика, шантажируя его перспективой обвинения в измене государству⁵. В Византии императорская власть

¹ Более подробно см.: *Гусарова С. В.* Канонические аспекты конфликта, возникшего у патриарха Николая Мистика и императора Льва VI на почве четверобрачия // *Древний мир: история и археология: сб. научных статей.* М., 2022. С. 251–258.

² *Сильвестрова Е. В.* Римское право и механизмы регулирования брачно-семейных отношений в Византии: условия и порядок заключения брака в Прохироне // *Экономика, право, власть в древнем мире. Посвящается памяти В. И. Кузицина.* СПб., 2021. С. 425.

³ *Костогрызова Л. Ю.* Эволюция семейного права в Византии в VI–XV веках // *Российский юридический журнал.* 2014. № 2 (95). С. 171.

⁴ *Цытин В. А.* Брачное право церкви // *Цытин В. А.* Каноническое право. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsyurin/kanonicheskoe-pravo/6 (дата обращения: 12.12.2024).

⁵ Псамафийская хроника / пер., предисл. и коммент. А. П. Каждан // *Две византийские хроники X в.* URL: <https://www.rulit.me/books/dve-vizantijskie-hroniki-h-veka-read-839902-1.html> (дата обращения: 18.04.2025).

воспринимала Церковь во многом как бюрократическую организацию⁶ и имела различные возможности оказывать давление на Церковь⁷, но при этом абсолютно не учитывать ее мнение не могла⁸. Патриарх верил в истинность и справедливость своей позиции по отстаиванию церковных канонов: религиозная ментальность определяла его нравственность⁹. Николай Мистик стремился сделать своим союзником весь византийский клир¹⁰. Он требовал от духовенства единения с ним в вопросе брака Льва IV. Собрав епископов в столице, Николай Мистик просил их подписать грамоту против четверобрачия¹¹ и «не пренебрегать своими обязанностями, не прегрешать и не отречься от своих престолов, но сопротивляться до самого смертного приговора»¹². Однако под давлением императора многие священники, изначально стоявшие на стороне патриарха, изменили свою позицию.

Не добившись от Николая Мистика лояльности, император Лев VI в январе 907 г. отправил патриарха в ссылку: «Тотчас же слуги вывели митрополитов из дворца, отвели в Фиалу у моря и, посадив на корабли, всех отправили в ссылку, а патриарха, с должными почестями проведя через Вуклеон, посадили в челн и отвезли его в монастырь в Галакринах»¹³. Источник свидетельствует о том, что некоторые союзники константинопольского архиерея разделяли его принципиальное мнение и готовы были отстаивать чистоту канонов ценой своих кафедр. Кроме того, в общественном сознании византийцев сформировалась идея о том, что власть законна тогда, когда она нравственна¹⁴, а это зависело от того, насколько она придерживалась христианских канонов. Чтобы ослабить позиции Николая Мистика и его сторонников, император устранил патриарха от участия в Константинопольском соборе 907 г., касавшемся вопроса его четвертого брака. Ключевую роль на этом Соборе играла римская кафедра, которая исконно

⁶ Гусарова С. В. Избрание Николая Мистика (901–907; 912–925) Константинопольским патриархом // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 3. С. 41.

⁷ Казанцев Д. А. Симфония или цезарепапизм: роль Церкви в политической жизни Византии и Древней Руси // Государство и право. 2017. № 3. С. 90.

⁸ Дагрон Ж. Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме» / пер. и науч. ред. А. Е. Мусина. СПб., 2010. С. 15–21.

⁹ Гусарова С. В. Этические взгляды Николая Мистика как средство защиты Византии от войн с Болгарией // Семёновские чтения. Труды XI Всероссийской научной конференции с международным участием памяти профессора В. Ф. Семёнова. 2-е изд / под ред. Т. Н. Лоциловой и Е. С. Носовой. М., 2019. С. 206.

¹⁰ Гусарова С. В. Канонические аспекты конфликта, возникшего у патриарха Николая Мистика и императора Льва VI на почве четверобрачия. С. 253.

¹¹ Величко А. М. История Византийских императоров. От Василия I Македонянина до Михаила VI Стратиготика. Том IV // Азбука веры: религиозный портал. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/istorija-vizantijskih-imperatorov-ot-vasilija-1-makedonjanina-domihaila-6-stratigotika-tom-4/2 (дата обращения: 12.12.2024).

¹² Псамафийская хроника. URL: <https://www.rulit.me/books/dve-vizantijskie-hroniki-h-veka-read-839902-1.html> (дата обращения: 18.04.2025).

¹³ Там же.

¹⁴ Лагунов А. А. Симфония властей: недостижимая реальность идеала // Христианское чтение. 2020. № 2. С. 134–142.

претендовала на первенство внутри Вселенской церкви¹⁵. Лев VI с помощью интриг смог добиться от папских легатов церковного признания своего союза с Зоей Карбонопсиной¹⁶, и это обстоятельство усугубило раскол византийского клира.

Конкретные имена митрополитов, оставшихся верными Николаю Мистика, неизвестны, но мы можем вычлениить их на основе текста сохранившихся писем. Эти люди считали своим священническим долгом хранить исконные церковные установления и подчиняться священноначалию. Так, например, 34-е апостольское правило гласит: «Епископам всякого народа подобает знать первого в них, и признавати его яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения...»¹⁷. Византийская история знала примеры, когда вступившие в конфликт с императором патриархи насильно смещались со своих кафедр, но потом были восстановлены в своем сане¹⁸. Возможность вернуться вновь на патриарший престол зависела в том числе от наличия поддержки опального патриарха в клирической среде. После отправки Николая Мистика в ссылку на константинопольскую кафедру был поставлен духовник Льва VI Евфимий (907–912)¹⁹. С этого времени Церковь в Византии раскололась на партию «евфимитов» — приверженцев нового патриарха — и «николаитов» — сторонников смещенного Николая Мистика²⁰.

В 912 г., спустя пять лет после опалы патриарха, умер император Лев VI. Новый василевс Александр (912–913), низложив патриарха Евфимия, возвел на престол во второй раз Николая²¹. Таким образом, Николай Мистик вступил во второй период своего патриаршества. После скоростижной смерти императора Александра в 913 г. константинопольский архиерей оказывается единственной крупной и авторитетной политической фигурой в государстве

¹⁵ Кузенков П. В. Канонический статус Константинополя и его интерпретация в Византии // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. 2014. Вып. 3 (53). С. 25.

¹⁶ Гусарова С. В. Канонические аспекты конфликта, возникшего у патриарха Николая Мистика и императора Льва VI на почве четверообращения. С. 252.

¹⁷ Правило 34 Святых Апостолов // Правила православной церкви с толкованиями Никодима епископа Далматинско-Истрийского: пер. с серб. [Репр. изд.]. М.: Отчий дом, 2001. Т. 1. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikodim_Milash/pravila-svjatyh-apostolov-i-vselsenskih-soborov-s-tolkovanijami/34#source (дата обращения: 24.03.2026).

¹⁸ Например, патриарх Игнатий (847–858; 867–877), патриарх Фотий I (858–867).

¹⁹ 133. Лев [VI], сын Василия // Хроника Симеона Магистра и Логофета / пер. со среднегреч. А. Ю. Виноградова, вступ. ст. П. В. Кузенкова. М., 2014. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/hronika-simeona-magistra-i-logofeta/2_133 (дата обращения: 11.07.2025).

²⁰ Лебедев А. П. Смуты в иерархии и общее ее состояние. § IV // Лебедев А. П. Очерки внутренней истории Византийско-восточной Церкви в IX, X и XI веках. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Lebedev/ocherki-vnutrennej-istorii-vizantijsko-vostochnoj-tserkvi-v-9-10-i-11-vekah/#source (дата обращения: 19.04.2025).

²¹ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Книга VI. Лев VI. Царствование Александра, брата Льва / пер. со среднегреч., вступ. ст., коммент. Я. Н. Любарского. М., 2011 // Rulit.me: электронная библиотека URL: <https://www.rulit.me/books/prodolzhatel-feofana-zhizneopisaniya-vizantijskih-carej-read-650514-97.html> (дата обращения: 09.12.2025).

и становится во главе регентского совета при малолетнем Константине Багрянородном. В этот период он вынужден с помощью дипломатических уступок нейтрализовать болгарскую угрозу для Восточной Римской империи. На волне неприятия этого курса отдельными представителями византийской элиты вдове Льва VI Зое Карбонопсине в 914 г. удается организовать заговор против патриарха, который по ее приказу был удален из дворца и отстранен от государственной деятельности²². Над Николаем Мистиком снова нависла угроза смещения с кафедры, и он искал поддержки среди своих наиболее верных церковных союзников — Григория Эфесского²³ и Фотия Ираклийского²⁴. Эти представители клерикальной партии «николаитов», по всей видимости, являлись противниками четверобрачия Льва VI и последовательными сторонниками патриарха Николая I. Они тоже терпели лишения со стороны светской власти, преследовавшей константинопольского архиерея: «Ни вы (мои сыновья) не ведаете о горькой скорби моего смиренного сердца, ни я о ваших собственных терзаниях и муках: ибо единение во Всесвятом Духе, который сделал нас единым разумом и единым сердцем, соединило наши страдания. Что же еще делать, как не вознести благодарность Богу, поскольку мы действительно преследуемы, но, по Его благодати, не низвержены, и поскольку, хотя нашим гонителям мы кажемся умирающими, все же мы живем сохранением животворящего Бога? <...> Размышление об этом является великим утешением для моей печали и восстановлением сил. И вы (мои сыновья) также должны размышлять об этом в своих умах...»²⁵. Данные строки письма Николая Мистика свидетельствуют об особенной личной душевной расположенности его автора к адресатам. Патриарха и названных митрополитов связывали узы дружбы, характеризовавшиеся близостью, доверием, обоюдной симпатией и взаимной поддержкой. Эмпатия и дружба создавали успокоительный эффект, который был необходим участникам указанной переписки.

Григорий Эфесский и Фотий Ираклийский находились в системе управления древними и влиятельными диоцезами. Константинопольскому архиерею необходимо было опереться на союзников перед лицом политической угрозы, а также для объединения Церкви после ее раскола на партии «николаитов»

²² Псамафийская хроника. URL: <https://www.rulit.me/books/dve-vizantijskie-hroniki-h-veka-read-839902-1.html> (дата обращения: 18.04.2025).

²³ Григорий Эфесский (914–927) — митрополит, возведенный в сан Николаем Мистиком. Сподвижник патриарха, представитель партии «николаитов». Составлял противовес митрополиту Арефе (902–935), возглавлявшему древний влиятельный диоцез в Кесарии Каппадокийской и являвшемуся наиболее сильным противником Николая Мистика из церковной среды.

²⁴ Фотий Ираклийский (ум. в пер. пол. X в.) — яркий представитель партии «николаитов», совместно с другими священниками составлял опору Николая Мистика в борьбе с «евфимитами» и Арефой Кесарийский.

²⁵ *Corpus fontium historiae byzantinae: Consilio societatis internationalis studiis byzantinis provehendis destinatae editum. Vol. 6: Letters / Nicholas I Patriarch of Constantinople; Greek text a. Engl. transl. by R. J. H. Jenkins L. G. Westerink. Washington, 1973. P. 366.*

и «евфимитов», чему препятствовали сторонники и ставленники предыдущего патриарха. Конфликт «николаитов» со светской властью автоматически усиливал позицию партии «евфимитов», и Николай Мистик нуждался в близком присутствии союзников в этот сложный для него период. По этой причине он обращался к митрополиту Эфеса: «Я пишу к тебе не для того, чтобы ты ставил на первое место свои собственные дела, даже если они есть... а из-за общего волнения в Церкви; и чтобы ты пришел ко мне как можно скорее, а не вел себя как митрополит о Кизика, который, кажется, совсем не разделяет наши общие интересы»²⁶. Письма Николая Мистика к Григорию Эфесскому составляют отдельную многочисленную группу из шестнадцати посланий. Между адресатами существовала особая психологическая близость. В указанных нарративных источниках содержится информация, относящаяся не только к административным вопросам, но и затрагивающая личные морально-нравственные проблемы и переживания патриарха.

Глубоко личный и дружественный тон содержат письма Николая Мистика Лаодикийскому митрополиту Константину, переписка с которым касалась сугубо духовных вопросов: «Но ты (мой святой Сын), просвещенный и душой, и умом, достойным твоей добродетели, можешь беседовать с Всесвятым Духом, Который помазал тебя, и тем более получишь от Него наставление в том, чего ищешь. В остальном да будешь ты здравствовать, тихо и мирно переходя через океан жизни и поминая в своих святых молитвах того, кто, может быть, еще жив, хотя это и сомнительно, или, может быть, ушел отсюда, что кажется яснее его участи, чем жизнь и ее суета»²⁷.

В 919 г. император Роман Лакапин (919–944) сослал Зою Карбонопсину в монастырь²⁸ и позиции патриарха Николая Мистика при дворе укрепились. Константинопольский архиерей поделился этим с наиболее преданным ему митрополитом Григорием Эфесским: «О всеобщем страдании, мой святой Сын, которое поражает церкви Божии, я знаю: слишком горько осознавал это даже без новостей, содержащихся в твоем письме. Я часто сожалел об этом и получаю единственный ответ, который, кажется, удовлетворяет тех, кто его дает, что причина кроется в общей слабости государства... <...> Теперь, уловка злого демона, через которую он помышлял поссорить и Империю, и Церковь, остановлена, и его мошеннический заговор был, благодаря Божественной Помощи, разоблачен и расстроен»²⁹.

²⁶ Corpus fontium historiae byzantinae: Consilio societatis internationalis studiis byzantinis provehendis destinatae editum. Vol. 6: Letters. P. 431. № 132..

²⁷ Ibid.

²⁸ Хроника Симеона Магистра и Логофета / пер. со среднегреч. А. Ю. Виноградова, вступ. ст. П. В. Кузенкова // Азбука веры: религиозный портал. М., 2005. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/hronika-simeona-magistra-i-logofeta/2_133 (дата обращения: 11.07.2025).

²⁹ Corpus fontium historiae byzantinae: Consilio societatis internationalis studiis byzantinis provehendis destinatae editum. Vol. 6: Letters. P. 479.

Раскол Византийской церкви 907 г., в сущности, состоял из двух аспектов — административного и личностного — это приближенность того или иного священника к патриарху Николаю Мистикю или к патриарху Евфимию I, а в каноническом — речь шла о признании или осуждении четвертого брака императора Льва VI. Дипломатическая задача по преодолению раскола состояла в консолидации союзников патриарха и увеличении их числа. С этой целью Николай Мистик обратился в письме к правящим архиереям, желая подчеркнуть завершение внутреннего процесса по объединению клира: «Братья мои (я добавлю также “сыновья”, если только вас не огорчит добавление “сыновья” по отношению к тому, кто действительно грешник, но все же ваш отец...), — ну, во всяком случае, братья и сыновья: Разделение Церкви, произведенное лукавым демоном, по промыслу Того, Кто всегда от начала приводит разделенных в единство ... <...> достигло (по Божественному установлению, как я, хотя и грешный, верю) единства...<...> Если кто-то не принимает этого единства, мне нет нужды опровергать это, поскольку, хотя я и молчу, фактов достаточно для такого опровержения»³⁰.

Важнейшим церковно-правовым инструментом ликвидации клерикального раскола патриарх Николай I считал соборное осуждение четвертого брака Льва VI, после чего следовало официально провозгласить клерикальное единство внутри Византийской церкви. Патриарх писал в одном из своих писем к митрополиту Лаодикийскому, что забота о «целостности Церкви и ее свободе от соблазнов» являлась главной целью его жизни³¹. Согласно церковному праву, высшим органом по каноническим и догматическим вопросам являлся собор епископов³². Николаю Мистикю необходимо было обеспечить преобладание на соборе большинства своих идейных союзников. Помимо наиболее стойких из них, таких как Григорий Эфесский и Фотий Ираклийский, патриарху необходимо было привлечь на свою сторону нейтральное и оппозиционное священство. Это было обеспечено примирением лидеров двух клерикальных партий — самого Николая Мистика и бывшего патриарха Евфимия I. По свидетельству «Псамафийской хроники», константинопольский архиерей многократно приходил в монастырь к Евфимию и беседовал с ним³³. Во время одной из таких встречи оба церковных авторитета «вместе откушав, установили полный мир, и, попросившись, расстались»³⁴. Таким образом подготовив почву внутри Церкви для принятия нужных ему решений, Николай Мистик созвал в 920 г. собор в Константинополе, фактически провозгласивший победу патриарха в конфликте

³⁰ Corpus fontium historiae byzantinae: Consilio societatis internationalis studiis byzantinis provehendis destinatae editum. Vol. 6: Letters. P. 487.

³¹ Ibid.

³² Кузнецова Л. О церковной иерархии. URL: <https://trsobor.ru/o-tserkovnoj-ierarhii/> (дата обращения: 18.04.2025).

³³ Псамафийская хроника. URL: <https://www.rulit.me/books/dve-vizantijskie-hroniki-h-veka-read-839902-1.html> (дата обращения: 18.04.2025).

³⁴ Там же.

со Львом VI³⁵. По результатам заседания архиереи вынесли постановление о категорическом запрете четвертого брака, а также официально провозгласили внутрицерковное единство и примирение враждующих партий³⁶.

Заключение. Николай Мистик на протяжении своего патриаршества имел союзников из среды клира. Своеобразие взаимоотношений с ними заключалось в том, что они были необходимы патриарху как для моральной поддержки, так и для укрепления своего политического и внутрицерковного положения. Ряд митрополитов в конфликте императора Льва VI и Николая Мистика сохранили верность последнему ценой своих кафедр. Переписка патриарха свидетельствует о том, что со многими священниками его связывали не только служебные отношения, но и искренняя привязанность и дружба. В периоды противоборства патриарха с императором Николай Мистик искал политической и личностной поддержки у близких ему архиереев — Григория Эфесского и Фотия Ираклийского. Благодаря политической гибкости патриарху удалось расширить круг своих союзников и в 920 г. на церковном соборе провозгласить клерикальное единство внутри Константинопольского патриархата. Политика эффективного взаимодействия Николая Мистика с союзниками из среды высшего духовенства позволила ему укрепить позицию патриаршества и Церкви в рамках Византийского государства и христианской ойкумены.

Литература

1. Гусарова С. В. Избрание Николая Мистика (901–907; 912–925) Константинопольским патриархом // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 3. С. 37–45. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2025-16-3-37-45>
2. Гусарова С. В. Канонические аспекты конфликта, возникшего у патриарха Николая Мистика и императора Льва VI на почве четверобрачия // Древний мир: история и археология: сб. научных статей / отв. ред. Ф. А. Михайловский; сост. и общ. ред. Ю. В. Куликова. М.: МПГУ, 2022. С. 251–258.
3. Гусарова С. В. Отражение идеи симфонии властей в политике Константинопольского патриарха Николая Мистика и императора Романа Лакапина // Семёновские чтения: труды XIII Всероссийской научной конференции с международным участием памяти В. Ф. Семёнова (Москва, 25 марта 2023 г.) / под ред. Т. Н. Лощиловой и Е. С. Носовой. Москва: МПГУ, 2024. С. 81–87.
4. Гусарова С. В. Этические взгляды Николая Мистика как средство защиты Византии от войн с Болгарией // Семёновские чтения. Труды XI Всероссийской научной конференции с международным участием памяти профессора В. Ф. Семёнова / под ред. Т. Н. Лощиловой и Е. С. Носовой. 2-е изд. М.: МПГУ, 2019. С. 203–206.

³⁵ Гусарова С. В. Отражение идеи симфонии властей в политике Константинопольского патриарха Николая Мистика и императора Романа Лакапина // Семёновские чтения. Труды XIII Всероссийской научной конференции с международным участием памяти В. Ф. Семёнова. М., 2024. С. 85.

³⁶ См.: Константинопольский собор 920 года // Древо: открытая православная энциклопедия. URL.: <https://drevo-info.ru/articles/13679365.html> (дата обращения: 11.07.2025).

5. Дагрон Ж. Император и священник. Этуод о византийском «цезарепапизме» / пер. и науч. ред. А. Е. Мусина. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2010. 480 с.
6. Казанцев Д. А. Симфония или цезарепапизм: роль Церкви в политической жизни Византии и Древней Руси // Государство и право. 2017. № 3. С. 88–96.
7. Костогрызова Л. Ю. Эволюция семейного права в Византии в VI–XV веках // Российский юридический журнал. 2014. № 2 (95). С. 168–180.
8. Кузенков П. В. Канонический статус Константинополя и его интерпретация в Византии // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2014. Вып. 3 (53). С. 25–51. <https://doi.org/10.15382/sturI201453.25-51>
9. Лагунов А. А. Симфония властей: недостижимая реальность идеала // Христианское чтение. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной академии Русской православной церкви. 2020. № 2. С. 134–142. <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2020-10032>
10. Сильвестрова Е. В. Римское право и механизмы регулирования брачно-семейных отношений в Византии: условия и порядок заключения брака в Прохироне // Экономика, право, власть в древнем мире. Посвящается памяти В. И. Кузицина / отв. ред. С. Ю. Сапрыкин, И. А. Гвоздева. СПб.: Алетей, 2021. С. 418–432. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 187. Сер. II: Исторические исследования, 122).
11. *Corpus fontium historiae byzantinae: Consilio societatis internationalis studiis byzantinis provehendis destinatae editum*. Vol. 6: Letters / Nicholas I Patriarch of Constantinople; Greek text and Engl. transl. by R. J. H. Jenkins and L. G. Westerink. Washington: Center for Byzantine studies trustees for Harvard University, 1973. 664 p.

Reference

1. Gusarova S. V. Election of Nicholas Mystic (901–907; 912–925) as Patriarch of Constantinople // *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. № 3. P. 37–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2024-16-3-37-45>
2. Gusarova S. V. Canonical aspects of the conflict that arose between Patriarch Nicholas Mystic and Emperor Leo VI on the basis of the fourth marriage // *Ancient World: History and archaeology: collection of scientific articles / executive editor F. A. Mikhailovsky; compilation and general editorship by Yu. V. Kulikov*. Moscow: MPG Press, 2022. P. 251–258. (In Russ.).
3. Gusarova S. V. Reflection of the idea of the symphony of authorities in the policy of patriarch Nicholas Mysticos of Constantinople and emperor Roman Lakapin // *Semenov readings: Proceedings of the XIII All-Russian Scientific Conference with International Participation in memory of V. F. Semenov (Moscow, March 25, 2023) / edited by T. N. Loshchilova and E. S. Nosova*. Moscow MPG Press, 2024. P. 81–87. (In Russ.).
4. Gusarova S. V. Nicolai Mystique's ethical views as a means of peace establishing between Byzantium and Bulgaria // *Semenov readings. Proceedings of the 11th All-Russian Scientific Conference with international participation in memory of professor V. F. Semenov / edited by T. N. Loshchilova and E. S. Nosova*. 2nd edition. Moscow: MPG, 2019. P. 203–206. (In Russ.).
5. Dagron J. Emperor and priest: A study of Byzantine caesaropapism / translated and edited by A. E. Musin. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University; Nestor-History, 2010. 480 p. (In Russ.).
6. Kazantsev D. A. Symphony or caesaropapism: The role of the church in the political life of Byzantium and Ancient Russia // *State and Law*. 2017. № 3. P. 88–96. (In Russ.).

7. Kostogryzova L. Yu. Evolution of family law in Byzantium in the 6th–15th centuries // Russian Juridical Journal. 2014. № 2 (95). P. 168–180. (In Russ.).
8. Kuzenkov P. V. The canonical status of Constantinople and its interpretation in Byzantium // Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofii. 2014. № 3 (53). P. 25–51. (In Russ.).
9. Lagunov A. A. Symphony of authorities: The unattainable reality of an ideal // Khristianskoye chteniye [Christian Reading]: Scientific Journal Saint Petersburg Theological Academy Russian Orthodox Church. 2020. № 2. P. 134–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2020-10032>
10. Silvestrova E. V. Roman law and Byzantine family law: concluding a valid marriage according to Prochiron // Economics, law, and power in the ancient world. Dedicated to the memory of V. I. Kuzishchin / ed. by S. Y. Saprykin, I. A. Gvozdeva. St. Petersburg: Aletya, 2021. P. 418–432. (Proceedings of the Moscow State University Faculty of History. Issue 187. Series II: Historical Research, 122). (In Russ.).
11. Corpus fontium historiae byzantinae: Consilio societatis internationalis studiis byzantinis provehendis destinatae editum. Vol. 6: Letters / Nicholas I Patriarch of Constantinople; Greek text and Engl. transl. by R. J. H. Jenkins and L. G. Westerink. Washington: Center for Byzantine studies trustees for Harvard University, 1973. 664 p.

Научная статья

УДК 94 (450)

DOI 10.24412/2076-9105-2026-161-129-147

Павлов Кирилл Владимирович

аспирант

Санкт-Петербургского государственного университета

Россия, Санкт-Петербург

kir2014sch603@gmail.com; ORCID: 0009-0008-7779-3631

**ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧАРДИНИ —
ПРИБЛИЖЕННЫЙ ЛЬВА X (1516–1521)**

Аннотация. В статье рассмотрен этап 1516–1521 гг. в политической практике знаменитого уроженца Флоренции эпохи Итальянских войн Франческо Гвиччардини. В исследовании сделан акцент на взаимосвязи его деятельности с интересами папства. Сделан вывод о разумном и взвешенном характере политической практики Гвиччардини на ряде занимаемых им в 1516–1521 гг. административно-дипломатических постов периода папства дома Медичи. В то же время в работе подчеркивается, что интересы папства и интересы Флоренции в период военной дипломатии на Апеннингах не были равнозначны, а папство дома Медичи, скорее, подчинило собственным интересам флорентийский политический организм.

Ключевые слова: Флоренция, папство, Итальянские войны, Гвиччардини, Лев X, Медичи, оборона Пармы.

Для цитирования: Павлов К. В. Франческо Гвиччардини — приближенный Льва X (1516–1521) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 1 (61). С. 129–147. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-129-147>

Original article

UDC 94 (450)

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-129-147

Pavlov Kirill V.

Postgraduate student

St. Petersburg University, Institute of History

Russia, St. Petersburg

kir2014sch603@gmail.com; ORCID: 0009-0008-7779-3631

**FRANCESCO GUICCIARDINI —
A CLOSE EXECUTOR OF LEO X (1516–1521)**

Abstract. The article examines the period 1516–1521 in the Italian Wars' political practice of the famous Florentine Francesco Guicciardini. The relevance of the topic is determined by the interest of Early Modern history studies in a detailed analysis of specific

episodes in the history of the Italian Wars and the activities of certain individuals which have not been considered complexly. The author places a fundamental emphasis on the relationship between the practices of Guicciardini, a prominent figure in Italian politics, and the interests of papacy. Based on the analysis of a number of works by Francesco Guicciardini himself, as well as some works by his compatriots and contemporaries, the authoritative position of the Florentine in the administrative and diplomatic corps of the pontiff Leo X (Giovanni Medici) is demonstrated. As a result of the study, the conclusion was made on the reasonable and balanced nature of the 1516–1521' political practice of Francesco Guicciardini in a number of administrative and diplomatic posts he occupied in the Medici papacy' system. At the same time, the author of the study comes to the conclusion that the interests of the papacy and the interests of Florence during that period of military diplomacy in the Apennines were not equivalent, and the papacy of the House of Medici, rather, subordinated the Florentine political organism to its own interests.

Keywords: Florence; papacy; Italian Wars; Guicciardini; Leo X; Medici; defense of Parma.

For citation: Pavlov K. V. Francesco Guicciardini — a close executor of Leo X (1516–1521) // *MCU Journal of Historical Studies*. 2026. № 1 (61). P. 129–147. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-129-147>

Введение. Фигура флорентийского дипломата, историка и мыслителя эпохи Итальянских войн 1494–1559 гг., автора знаменитых «Заметок о делах политических и гражданских» (*Ricordi*)¹ и фундаментальной «Истории Италии» (*Storia d'Italia*)² Франческо Гвиччардини (1483–1540) традиционно интересовала ученые умы различных школ и поколений. Интерес исследователей вызывали вопросы, связанные как с политической деятельностью Гвиччардини, так и с его философским и литературным наследием. Большинство работ Франческо Гвиччардини приобрели широкую известность в XIX в., на заре институционального становления исторической науки.

В первую очередь историками XIX в. были опубликованы сочинения Гвиччардини из фамильного архива: фундаментальное 10-томное критическое издание его работ под руководством итальянского ученого Дж. Канестрини курировалось наследниками флорентинца, П. и Л. Гвиччардини³. На базе вновь открытого материала источников в конце того же XIX в. персоне Гвиччардини были посвящены монографии некоторых итальянских ученых, в частности Э. Дзанони. Труды «Общественная жизнь Франческо Гвиччардини»⁴ и «Идея

¹ *Francesco Guicciardini. Ricordi // Opere di Francesco Guicciardini. Vol. 1: Storie fiorentine. Dialogo del reggimento di Firenze. Ricordi e altri scritti / a cura di E. Scarano. Torino, 1974. P. 723–848. (Classici italiani).*

² *Storia d'Italia di Francesco Guicciardini // Opere di Francesco Guicciardini: in 3 vol. / a cura di E. Scarano. Vol. 2–3. Torino, 1981.*

³ *Opere Inedite di Francesco Guicciardini / illustrate da G. Canestrini e pubblicate per cura dei conti Piero e Luigi Guicciardini: in 10 vol. Firenze, 1857–1866.*

⁴ *Zanoni E. Vita Pubblica di Francesco Guicciardini. Con nuovi documenti. Bologna, 1896.*

Франческо Гвиччардини»⁵, принадлежащие его перу, посвящены политической теории флорентинца, которую тот сам описал как систему противовеса мер⁶. По мнению Дзанони, Ф. Гвиччардини обосновывал идею дипломатического представительства как противовеса войне, а войны — как противовеса дипломатическому представительству⁷. Для аргументации собственной точки зрения Дзанони дополнил известную со времен труда Канестрини базу источников по проблеме, издав по фондам Библиотеки Строщи ранее неизвестные ученым письма из служебной дипломатической и административной корреспонденции Гвиччардини⁸. В то же время, анализируя стиль исторического повествования Гвиччардини, Дзанони обратил внимание на то, что флорентинец в значительной степени порвал с традицией его предшественников и соотечественников (Джино Каппони, Леонардо Бруни Аретино, Бьондо Флавио) строить описание истории по принципам сочинений античных авторитетов⁹. В этом смысле, по мнению Дзанони, Гвиччардини проявил новаторство, далеко идущее вперед, в сравнении с его современниками — историческими писателями XVI в., «продолжавшими следовать за Фукидидом... как за бриллиантовым образцом»¹⁰. Досконально рассмотрев модель изложения истории Гвиччардини, Дзанони задал своего рода канонический дискурс изучения наследия флорентинца, поддерживавшийся исследователями в течение всего XX в. Так, именно Гвиччардини-историку были посвящены ставшие на сегодня классическими исследованиями американских ученых Ф. Гилберта¹¹ и М. Филлипса¹².

В современной исторической науке фигура Ф. Гвиччардини изучается по-прежнему активно и всеобъемлюще. В ряде публикаций за последние годы деятельность и взгляды флорентинца рассмотрены через призму различных концепций: нарратологии, текстологии, исторической психологии и (или) антропологического дискурса гуманитарных исследований. Так, испанский исследователь Х. дель Паласио Мартин, анализируя «Заметки о делах политических и гражданских» Гвиччардини, обозначает концепцию понимания политики флорентинца как «реалистическую чувствительность» (*sensibilidad realista*)¹³. В представлении ученого соизмерение окружающей действительности с эмоциональным восприятием приводит Гвиччардини к выводу о необходимости «анализировать влияние человеческого фактора на развитие истории»¹⁴. В свою очередь, скандинавский

⁵ *Zanoni E.* La mente di Francesco Guicciardini. Nelle opera politiche e storiche. Firenze, 1897.

⁶ *Zanoni E.* Vita Pubblica di Francesco Guicciardini. Con nuovi documenti. P. 24–25.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Zanoni E.* La mente di Francesco Guicciardini. Nelle opera politiche e storiche. P. 383–492.

⁹ *Ibid.* P. 190–193.

¹⁰ *Ibid.* P. 194–195.

¹¹ *Gilbert F.* Machiavelli and Guicciardini: Politics and history in sixteenth-century florence. Princeton, 1965.

¹² *Phillips M.* Francesco Guicciardini: the historian's craft. Toronto, 1977.

¹³ *del Palacio Martín J.* “Contro a ogni ragione del mondo”: religion y realismo politico en el Ricordo C1 de Guicciardini // *Medievalia*. 2025. Vol. 28. № 1. P. 221.

¹⁴ *del Palacio Martín J.* *Op. cit.*

исследователь Э. Расмуссен предлагает относиться к политической теории Гвиччардини как к «политике воображения», реальная эффективность которой, в условиях эпохи Итальянских войн, недоказуема вовсе¹⁵. Рассматривать идеи Ф. Гвиччардини как сразу три комплексные взаимосвязанные теории — разума, опыта и истории — предлагает профессор Университета Севильи Х. Фернандес Муньос¹⁶. Тогда как польская исследовательница М. Чапиньска-Бамбара считает возможным выделить в политической теории и историческом повествовании Ф. Гвиччардини совокупное ключевое понятие «терпение» (*pazienza*)¹⁷. Наконец, в работах американской исследовательницы Дж. Гётхальс¹⁸, румынских ученых Н. Цалина и Л. М. Грозоиу¹⁹ и итальянского историка Л. Бруно²⁰ развивается компаративистский дискурс. Идеи и практика Ф. Гвиччардини сравниваются с рассуждениями его младшего брата Луиджи (1478–1551), а также с идеями и практикой его не менее знаменитого старшего современника и соотечественника, секретаря флорентийской дипломатии в 1498–1512 гг. Никколо Макиавелли (1469–1527). Гётхальс берет за основу сравнения этику и стилистику описания братьями Гвиччардини событий «Римского мешка» мая 1527 г.²¹; Цалина и Грозоиу — рассуждения Гвиччардини и Макиавелли о влиянии фортуны на историю и политику²²; Бруно — исторические аналогии, проводимые Гвиччардини и Макиавелли при анализе политического строя Рима²³.

Таким образом, в различных исследованиях, посвященных идеям и деятельности Ф. Гвиччардини, вопрос службы флорентинца римскому понтифику Льву X (1513–1521) на ряде административных должностей в 1516–1521 гг. и при обороне Пармы 1521 г. — важнейший этап его политической практики — предметно не рассматривался, что обуславливает научную актуальность и новизну данной статьи.

Источниками исследования стали ряд работ Франческо Гвиччардини: рассуждение-панегирик «Как обеспечить государство дому Медичи», также известное как «Пятое рассуждение» (*Discorso Quinto*) (1516)²⁴; некоторые письма

¹⁵ *Rasmussen E.* Politics of the imagination: Francesco Guicciardini and the conditions of effective government // *The Review of Politics*. 2025. Vol. 87. № 2. P. 191–192.

¹⁶ *Fernández Muñoz J.* Razon, experiencia e historia en los *Ricordi* de Guicciardini: el camino hacia la libertad // *Archivo Teológico Granadino*. 2025. Vol. 88. P. 93.

¹⁷ *Czapińska-Bambara M.* Taxonomy of patience in sixteenth-century Florentine political thought // *Studia Ceranea*. 2024. Vol. 14. P. 13–15.

¹⁸ *Goethals J.* Apocalypse at the gate: Marching toward the 1527 sack of Rome // *California Italian Studies*. 2024. Vol. 13. № 1. P. 9.

¹⁹ *Călina N., Grozoiu L. M.* On Francesco Guicciardini's thought and some of his considerations on Machiavelli // *Athens Journal of History*. 2021. Vol. 7. № 4. P. 264.

²⁰ *Bruno L.* Machiavelli e i conflitti horrendi ma necessari // *Roczniki Humanistyczne*. 2024. T. 72. № 5. S. 252.

²¹ *Goethals J.* Op. cit. P. 9.

²² *Călina N., Grozoiu L. M.* Op. cit. P. 264.

²³ *Bruno L.* Op. cit. S. 252.

²⁴ *Francesco Guicciardini.* Discorso Quinto. Del modo di riformare il Governo, per meglio assicurare lo Stato alla Casa dei Medici, la quale era rappresentata da papa Leone X, da Lorenzo e dal cardinal Giulio [Del modo di assicurare lo Stato alla Casa dei Medici] // *Opere inedite di Francesco Guicciardini* /

Гвиччардини периода административной службы при Лье Х, адресованные его брату Луиджи Гвиччардини и папским административным структурам (1516–1517); рапорт «Об обороне Пармы» (*Relazione della difesa di Parma*) (1521)²⁵; наконец, основные сочинения флорентинца, обращение к которым при изучении его деятельности в некотором роде канонично: «История Италии» (*Storia d'Italia*) и «Заметки о делах гражданских и политических» (*Ricordi*) (1536–1540)²⁶. Кроме того, в статье рассмотрены отдельные положения из исторического труда современника и соотечественника Гвиччардини, дипломата эпохи Итальянских войн Франческо Веттори (1474–1539) «Изложение истории Италии 1511–1527 гг.» (*Sommario della Istoria d'Italia*)²⁷.

Ход и результаты исследования. В эпоху Итальянских войн 1494–1559 гг. Флорентийская республика прошла череду последовательных трансформаций своего внутривнутриполитического устройства и вместе с тем дипломатического курса. Как известно, стартовая фаза военно-дипломатического конфликта, именуемого Итальянские войны, была определена вторжением Франции в королевство Неаполь в 1494 г. с целью борьбы за «анжуйское наследие» дома Валуа. В политических намерениях французской короны существовал и другой, впоследствии также активизированный в Итальянских войнах проект — «Орлеанское наследие», связанный со стремлением воплотить в жизнь наследственные притязания на управление герцогством Милан — историческим форпостом в Северной Италии. Пересечение интересов в этих «перекрестных» городах-государствах на разных концах Апеннин ряда европейских держав-гегемонов (Франции и империи Габсбургов в Милане, Франции и Испании в Неаполе), по мнению британских исследователей политической истории ренессансной Италии М. Маллетта и К. Шоу, почти априорно обрекало итальянский конфликт на затяжное развитие²⁸.

Illustrate da G. Canestrini e pubblicate per cura dei conti Piero e Luigi Guicciardini: in 10 vol. Vol. 2. Firenze, 1858. P. 325–343. «Как обеспечить государство дому Медичи» (*Del modo di assicurare lo Stato alla Casa dei Medici*) — наиболее распространенное в научной литературе название данного панегирического рассуждения Франческо Гвиччардини в адрес дома Медичи. В издании сочинений флорентинца под руководством Дж. Канестрини этот панегирик вошел в «компендиум» из десяти тематически схожих рассуждений Гвиччардини, объединенных издателем под заголовком «Рассуждения, относящиеся к изменениям и преобразованиям флорентийского правительства» (*Discorsi intorno alle mutazioni e riforme del governo Fiorentino*). Имея в виду, что авторский заголовок панегирика Гвиччардини нам неизвестен, здесь и далее в тексте статьи будем использовать название, наиболее распространенное в научной литературе.

²⁵ *Francesco Guicciardini. Relazione della difesa di Parma // Francesco Guicciardini. Opere / a cura di V. de Caprariis. Milano-Napoli, 1961. P. 45–57.*

²⁶ Ссылки на классическое издание писем Гвиччардини за авторством Э. Дзанони, а также на издание «Истории Италии» и «Заметок о делах гражданских и политических» с комментарием и критикой Э. Скарано, используемые в данной статье, приведены выше.

²⁷ *Francesco Vettori. Sommario della Istoria d'Italia // Francesco Vettori. Scritti storici e politici / a cura di E. Nicolini. Bari, 1972. P. 135–246.*

²⁸ *Mallett M., Shaw C. The Italian Wars, 1494-1559: War, state and society in Early Modern Europe. Routledge, 2012. P. 7–9.*

В условиях французской экспансии на Апеннинах Флоренция поступила неожиданно, отказавшись от традиционной для себя франкофильской дипломатической линии и поддержав находившийся на южно-итальянском престоле арагонский дом Испании²⁹. Это был шаг молодого наследника покойного Лоренцо Медичи Великолепного, взбалмошного и авантюрного Пьеро II Медичи. Личное решение молодого правителя, принятое вопреки интересам большинства тосканских нобилей, привыкших к разнородной кооперации с французскими дельцами, вкуче с антифлорентийским восстанием в Пизе осенью 1494 г., поддержанным Венецией и приведшим пизанцев к фактической независимости от господства Флоренции, стоило Пьеро Медичи и его дому изгнания из города³⁰. Фактическое правление Тосканской республикой, как указывает американский историк Ф. Гилберт, в этот период на несколько недель, с начала ноября по середину декабря 1494 г., принял на себя комитет из двадцати флорентийских аристократов, именовавшихся «соединители» (*Assorpiatori*)³¹. Однако во второй половине декабря 1494 г. ввиду раскола в рядах «двадцатки» правление Флоренцией перешло в руки весьма одиозной фигуры — католического монаха и ригориста Джироламо Савонаролы, поддержанного «радикальным» крылом «соединителей», с тех пор именовавшим себя «плакальщиками» (*Piagnoni*)³².

Пользуясь их безраздельной поддержкой, Савонарола оставался у власти во Флоренции почти четыре года: этот период флорентийской истории в контексте хода Итальянских войн отмечен полным возвратом Тосканской республики к профранцузскому курсу³³. Флоренция при Савонароле фактически превратилась в своего рода перевалочный лагерь французских войск на пути углубления их движения по территории Апеннин. Следствием такой политики для большинства тосканцев стали нищета и голод, а ее итогом для Флоренции — в мае 1498 г. — казнь монаха³⁴.

В новой политической модальности, существовавшей в 1498–1512 гг., Флорентийская республика под руководством гонфалоньера Пьеро Содерини выработала иную стратегию военно-дипломатической реакции на события Итальянских войн: основой ее стал генеральный нейтралитет с опорой на разрешение проблемы возврата Пизы³⁵. Успех стратегии Флоренции обеспечила сумма двух обстоятельств: заключение в 1502 г. Содерини оборонительного союза с Францией (приведшего его самого к статусу пожизненного гонфалоньера

²⁹ *Mallett M., Shaw C. Op. cit. P. 17.*

³⁰ *Gilbert F. Op. cit. P. 52.*

³¹ *Ibid. P. 52–53.*

³² *Ibid. P. 55–57.*

³³ *Павлов К. В. Голод и чума в эпоху Итальянских войн: повседневное и политическое измерение (по сведениям флорентийских источников) // История повседневности в российской гуманитаристике — взгляд из 2024 г.: монография / под ред. Д. П. Шульгиной и др. М., 2024. С. 313–314.*

³⁴ Там же. С. 314.

³⁵ *Mallett M., Shaw C. Op. cit. P. 77–79.*

(*gonfaloniere perpetuo*) и отторжение Венеции от помощи Пизе ввиду нападения на самих венецианцев в 1509 г. сил Камбрейской лиги³⁶. Последнее обстоятельство, ставшее ключевым фактором пизанского триумфа флорентинцев, впервые поставило под сомнение прочность нейтралитета Тосканской республики. Как горько свидетельствовал главный архитектор военной составляющей успеха пизанской кампании 1509 г., секретарь дипломатии Флоренции в 1498–1512 гг. Никколо Макиавелли во второй части поэмы «Десятилетия» (*Decennali*), Тосканской республике пришлось пойти на подкуп европейских держав-гегемонов для обеспечения собственного нейтралитета и решения пизанского вопроса: «Так что, желая совершить определенный подвиг, стало нужно каждому нечестивцу заткнуть рот, который он держал открытым»³⁷.

Неожиданным следствием пизанского триумфа 1509 г. для Флоренции, уже спустя три года, стал новый виток формационных изменений: в результате поддержанного Испанией переворота Пьеро Содерини изгнали и править в город вернулись Медичи. Американский историк М. Филлипс отмечает, что среди современников этого события 1512 г. во Флоренции, отметившихся историческими сочинениями, были те, кто не упомянул в них обстоятельства возвращения Медичи вовсе или описал их вскользь, чтобы «уклониться от фавора тирании»³⁸.

Среди флорентийских современников реставрации Медичи 1512 г. наиболее взвешенную оценку этому событию дал историк и дипломат Франческо Веттори. В своем «Изложении истории Италии 1511–1527 гг.» Веттори метко обозначил наблюдаемую им череду политических трансформаций в Тосканской республике словом «забор» (*steccato*)³⁹, а возвращение дома Медичи к правлению Флоренцией связал с разочарованием бывших сторонников из аристократических кругов Пьеро Содерини его режимом. Содерини сумел использовать свою власть для установления в 1502 г. режима гонфалоньерата, подобного абсолютистскому (по справедливому критическому замечанию Веттори, во многом за счет благополучного стечения внешних обстоятельств, а не исключительных личных добродетелей)⁴⁰, что в итоге не устроило аристократические кланы города, ожидавшие после бегства Медичи равнозначного влияния в управлении Флоренцией. По этой причине возвращение Медичи во Флоренцию, инспирированное внешними силами (прежде всего Испанией), не встретило серьезного сопротивления со стороны этих кланов⁴¹. Результатом же возвращения династии

³⁶ Камбрейская лига 1509 г. (фактически оформленная в конце 1508 г.) явилась временным союзом Франции, папства, Испании и империи Габсбургов, преследовавших в Итальянских войнах сугубо индивидуальные цели, но объединившихся в конкретный момент против общего врага — Венеции. Вскоре после ликвидации венецианской угрозы бывшие члены лиги повели военные действия уже друг против друга, исходя из собственных амбиций.

³⁷ *Niccolo Machiavelli. Decennali // Niccolo Machiavelli. Opere / a cura di M. Bonfantini. Milano-Napoli, 1954. P. 1070.*

³⁸ *Phillips M. Op. cit. P. 36–37.*

³⁹ *Francesco Vettori. Op. cit. P. 140.*

⁴⁰ *Ibid. P. 141.*

⁴¹ *Ibid. P. 143.*

Медичи к правлению Флоренцией стало появление в городе в некоторой степени уникальной формы государственности — дуалистической республики.

Дуализм управления Флоренцией в рамках сохранения ее республиканской традиции поддерживался домом Медичи благодаря ряду административных реформ. Так, ключевым органом государственной власти в результате реорганизации городских магистратов во Флоренции стал Комитет сорока шести (впоследствии расширенный до шестидесяти шести человек и получивший наименование *Balia*)). Этот комитет сначала (в сентябре 1512 г.) возглавил один из соправителей дома Медичи — Джованни ди Лоренцо⁴². Однако уже через месяц, в октябре 1512 г., фактический «лист» действующих лиц в *Balia*, ответственных за принятие любых значимых политических решений, был сокращен до двадцати человек, которые снова стали именовать себя так, как их предшественники образца 1494 г. — *Assoppiatori*⁴³. А лидером «двадцатки» стал младший брат Джованни, Джулиано ди Лоренцо Медичи.

Таким образом, в Тосканской республике после возвращения Медичи были предприняты все меры для создания так называемых узких правительств (*governi stretti*)⁴⁴. Ключевым обстоятельством, способствовавшим специфике практической реализации проекта узких правительств Джованни и Джулиано Медичи во Флоренции, в 1513 г. стал феноменальный политический успех старшего из братьев. Будучи кардиналом католической церкви, он после смерти папы Юлия II принял участие в выборах понтифика и сенсационно одержал на них победу, став папой Львом X, а власть над Флоренцией оставил младшему Джулиано⁴⁵. Получив престол римского первосвященника, Лев, однако, не отказался от продвижения флорентийских интересов де-факто и предпринял чрезвычайно амбициозный политический проект: он начал объединять папские владения и владения дома Медичи в единый конгломерат. Джованни передал номинально подконтрольные папству территории в Северной Италии — Модену, Реджо, Парму и Пьяченцу — в управление своему брату Джулиано Медичи, уже имевшему положение лидера флорентийской *Balia*⁴⁶. Отсюда и основания называть Флоренцию тех лет уникальной дуалистической республикой, имевшей двух братьев-соправителей, независимой и одновременно подчиненной папству (в ситуации, когда это папство представлял флорентинец). В то же время Флоренция, потерявшая союз с Францией после свержения Содерини, но не нашедшая пока ему альтернативы, оказалась в ситуации неопределенности своего дипломатического статуса.

Как полагал Э. Дзанони, союз флорентинцев с Испанией, приведшей Медичи назад во Флоренцию, парадоксальным образом был трудно реализуем из-за необходимости «предупреждения испанской сенсации в отношении

⁴² *Gilbert F.* Op. cit. P. 131–133.

⁴³ *Ibid.* P. 133.

⁴⁴ *Phillips M.* Op. cit. P. 36–37.

⁴⁵ *Gilbert F.* Op. cit. P. 133–134.

⁴⁶ *Mallett M., Shaw C.* Op. cit. P. 126.

Флоренции, подобной осуществленной Фердинандом в Неаполе»⁴⁷. Констатировав факт успешного восстановления Фердинандом Арагонским полноты своей власти над Неаполем, Дзанони бросил упрек в адрес флорентийского посланника при испанском дворе Ф. Гвиччардини, хотя и признал, что цели его миссии в Мадрид 1512–1513 гг. трудно определить⁴⁸. Вероятно, и сам Ф. Гвиччардини чувствовал некоторую неопределенность в этой миссии. Во всяком случае, среди знаменитых *Ricordi* у него будет присутствовать следующий пассаж, звучащий некоторым отголоском испанской миссии 1512–1513 гг.: «На мой взгляд, хорошо правителю, у которого есть благоразумные и честные послы, благоприятно расположенные к нему и обеспеченные настолько, что у них нет причин зависеть от других. Следовало бы лучше раскрывать им свои намерения. Но если он не может быть уверен, что его послы полностью соответствуют этому описанию, безопаснее оставить их в неведении и позволить основаниям для убеждения других быть теми же основаниями, которые убеждают самих послов»⁴⁹. Хотя в данных словах Гвиччардини не исключен и скептицизм в отношении излишнего расточительства флорентийских правителей в попытках выстраивания дипломатических и личных связей.

По мнению исследователей из Осло Х. Лейра и Б. де Карвальо, для итальянских городов-государств институт дарения вообще являлся основой дипломатической стратегии, поскольку гарантировал им жизненно важное присутствие в системе средиземноморской торговли⁵⁰. А Лоренцо Медичи, как констатирует британский историк Дж. Брайс, и вовсе регулярно совершал дипломатические дарения, а однажды даже одарил своего клиента Браччо Мартелли по случаю обсуждавшегося в городе брачного праздника⁵¹. Брайс связывает характер Лоренцо с принятой для Медичи практикой формирования узкого круга близких лиц, так называемой компании (*brigata*), отношение к которым формулировалось как «узаконенная дружба» (*pro iure amicitie*)⁵². С подобной практикой весьма соотносится, а возможно, выглядит и как ее прямое следствие «двадцатка» *Assorpiatori*, с 1512 г. существовавшая рядом с вновь вернувшимися во Флоренцию Медичи. Правда, Ф. Гвиччардини (вероятно, скорее в силу осторожности, нежели принадлежности) никогда не высказывал прямой критики в адрес *Assorpiatori*. Как бы то ни было, именно с момента возвращения дипломата из Испании и начинается история политического союза Льва X и Гвиччардини.

В «Истории Италии» Гвиччардини избрание Джованни Медичи папой под именем Льва X охарактеризовано как сенсация и триумф одновременно⁵³.

⁴⁷ *Zanoni E.* La mente di Francesco Guicciardini. Nelle opera politiche e storiche. P. 149.

⁴⁸ *Ibid.*

⁴⁹ *Francesco Guicciardini.* Ricordi. P. 727.

⁵⁰ *Leira H., de Carvalho B.* The intercity origins of diplomacy: Consuls, empires, and the sea // *Diplomatica.* 2021. Vol. 3. № 1. P. 151–152.

⁵¹ *Bryce J.* The Donati-Ardinghelli wedding of 1465: A closer rReading of Braccio Martelli's letter of April 27 to Lorenzo de' Medici // *Renaissance Quarterly.* 2024. Vol. 77. № 1. P. 48.

⁵² *Ibid.*

⁵³ *Storia d'Italia di Francesco Guicciardini.* Vol. 3. P. 54 [1096].

После этого Гвиччардини не раз проявил себя рьяным сторонником понтифика, вполне достойным узкого круга медичейских *Assorpiatori* (хотя его отец, Пьеро Гвиччардини, тяготел скорее к движению Савонароллы⁵⁴). А в 1516 г., стремясь оправдаться в крайне неоднозначно завершенной дипломатической миссии 1512–1513 гг. в Испанию, не способствовавшей установлению флорентийско-испанского союза взамен прежнего союза Флоренции с Францией, Ф. Гвиччардини и вовсе написал правящей династии панегирик — рассуждение «Как обеспечить государство дому Медичи»⁵⁵. В нем автор обозначил свое видение места Флоренции в дипломатическом проекте Медичи как политического центра единого конгломерата их земель и владений папства. «Это владение предлагает им прочную основу, на которой они могут утвердиться. Без него все, что бы они ни делали, со временем или при первой же встрече с трудностями погубит их. Сохранение этого государства было бы надежным шагом к сохранению всех остальных мест. Ведь если они откажутся от всего остального, но сохранят это, их все равно будут считать могущественными за то, что они имеют государство такого качества. Особенно те, кто вспомнят, как они получили все от папы, и поэтому не являются естественными правителями, а скорее гражданами и потомками отцов, которые были могущественными, но всегда жили как частные лица»⁵⁶.

В указании Гвиччардини о жизни отцов — соправителей Медичи как «грандов, всегда гражданственных частных лиц» (*grandi, sempre civilmente e privatamente*)⁵⁷ можно проследить интересную параллель с более ранними идеями еще одного знаменитого панегириста медичейской фамилии — Леонардо Бруни Аретино. Исследователь из Чикагского университета Г. Ридли обращает внимание на следующую деталь исторического повествования Бруни: стремление противопоставить древние тосканские свободы порядкам остального Рима и выделить именно «тосканизм» происхождения общественных основ республиканской традиции во Флоренции⁵⁸. В то же время Ридли подчеркивает, что Бруни был ярко выраженным сторонником идеи самодостаточности Тосканской республики. Ответственность за республику конституируется ренессансным мыслителем высшей формой ответственности, в сравнении с условным конструированием принадлежности к имперской легенде, в которой «Римская империя была полной противоположностью расцвету других городов, кроме Рима»⁵⁹. Медичи, в представлении Бруни, несли равную ответственность за Флоренцию со своими согражданами. Тогда

⁵⁴ *Gilbert F.* Op. cit. P. 56.

⁵⁵ *Павлов К. В.* Сочинение Франческо Гвиччардини «Как обеспечить государство дому Медичи»: нетипичный образец панегирического направления флорентийской ренессансной политической мысли // Гуманитарные исследования молодых ученых Южного Урала: науч. ежегод. Вып. 7. Челябинск, 2023. С. 13–14.

⁵⁶ *Francesco Guicciardini.* Del modo di assicurare lo Stato alla Casa dei Medici. P. 328.

⁵⁷ *Ibid.*

⁵⁸ *Ridley G.* Political obligation and self-sufficiency in Leonardo Bruni's history of the Florentine people // *Austrian History Yearbook.* 2024. Vol. 55. P. 6.

⁵⁹ *Ibid.*

как Гвиччардини противопоставил Джулиано Медичи и еще одного представителя их династии во власти, генерала Флорентийской республики Лоренцо ди Пьеро, их возвысившемуся родственнику в отношении к семейному делу — управлению Флоренцией: «Ведь имея столь молодого понтифика, они так высоко замахнулись на власть, что управление этим городом кажется им сущим пустяком. Видно, что это один из самых незначительных капиталов, которыми они владеют»⁶⁰. Тем самым Гвиччардини продемонстрировал личную приверженность именно линии Джованни Медичи внутри семейной политики: результатом этого стало его возвышение при Льве X в качестве папского администратора. Было бы справедливо отметить, что это во многом противоречило отношению Ф. Гвиччардини к институту церкви, весьма иллюстративно высказанному им в следующей записи в «Заметках о делах политических и гражданских»: «Я не осуждаю пост, молитву и прочие благочестивые дела, предписанные церковью или рекомендованные монахами. Но лучшее из всех благ — это, и в сравнении с этим все остальное ничтожно, — никому не причинять вреда и всем помогать, насколько это возможно»⁶¹. Вместе с тем все это нисколько не вступало в противоречие со следующим характерным обстоятельством биографии Льва X, зафиксированным Франческо Веттори: представитель дома Медичи стал понтификом, не имея до этого опыта священника и служа в церковных институтах на административных должностях⁶².

Положение Флорентийской республики в войнах на Апеннинах к моменту утверждения Гвиччардини в высокой должности при понтифике свелось к роли стороны-участницы итальянского конфликта, по сути, не имевшей в нем самостоятельного военно-дипломатического инструментария. В рассмотренном выше «панегирике на перспективу» в адрес Медичи Гвиччардини так характеризует данное изменение статуса Флоренции: «В настоящее время город находится в жалком состоянии, все вредит государству, потому что правительству трудно иметь враждебный народ и не иметь сильных приверженцев»⁶³. В рамках предложенного медичейской фамилией курса Флоренции оставалось довольствоваться ролью своеобразного перевалочного лагеря при организации переговоров между сторонами Итальянских войн. В этой функции республика выступила, в частности, в конце 1515 г. при Льве X на его пути в Болонью для заключения конкордата с французским королем Франциском I Валуа. По случаю визита понтифика в городе даже был устроен недельный праздник⁶⁴.

Флоренция оказалась ведомой в процессе объединения папой владений в Средней и Северной Италии под своей эгидой⁶⁵. Вместе с тем переход под папское управление отводил от флорентийских рубежей угрозу стать одним из очагов интенсифицировавшихся до предела в то время в Италии боевых действий.

⁶⁰ *Francesco Guicciardini*. Del modo di assicurare lo Stato alla Casa dei Medici. P. 327.

⁶¹ *Francesco Guicciardini*. Ricordi. P. 774.

⁶² *Francesco Vettori*. Op. cit. P. 149–150.

⁶³ *Francesco Guicciardini*. Del modo di assicurare lo Stato alla Casa dei Medici. P. 326.

⁶⁴ *Gilbert F.* Op. cit. P. 141–142.

⁶⁵ *Mallett M., Shaw C.* Op. cit. P. 117–118.

Взаимные претензии Франции и империи Габсбургов по статусу и границам Миланского герцогства усугубились вследствие испанско-имперского альянса, сформировавшегося после занятия испанского и имперского престолов Карлом Габсбургом⁶⁶. В наметившейся ситуации Лев X, получивший Модену, Парму, Пьяченцу и Реджо «в держание» от императора Максимилиана, поспособствовавшего отторжению этих территорий от владений герцога Феррары Альфонсо д'Эсте в пользу папы, поддержал унаследовавшего имперский престол Карла⁶⁷.

Данный «поворот» папы в сторону испанско-имперского альянса стал неприятным ударом для французского короля Франциска I, по свидетельству Гвиччардини, дававшему Льву X заверения «о расположении, выгодах и доверии к нему и его фамилии, больших, чем они могли бы ожидать от кого-либо еще»⁶⁸. В связи с этим Франциску I, рассчитывавшему теперь, по справедливому замечанию Франческо Веттори, «только на помощь швейцарцев»⁶⁹, предстояло для достижения цели итальянской кампании осуществить максимально неожиданный и быстрый удар. Но подобного французского успеха не последовало, что флорентинец с откровенным издевательством связал с настроениями нобилей французского королевства: «На самом деле французские дворяне вовсе не желали вступать в бой, несмотря на то, что за последние годы они одержали столько побед, что считались непобедимыми»⁷⁰.

Однако столкновение с французами в Северной Италии удалось отсрочить, но не отменить. Перед Гвиччардини в 1521 г. встала задача не дать французским войскам занять Парму, входившую в сферу его административно-дипломатической юрисдикции как уже не генерал-губернатора папской Модены, но как генерального комиссара всего папского войска. Эту должность флорентинец, как следует из составленного им в конце 1521 г рапорта «Об обороне Пармы», получил в начале того же года, передав губернаторство в Модене своему брату Якопо⁷¹. Подобное отношение понтифика и его администратора к обороне Пармы объяснялось тем, что в случае нападения французов на карту были поставлены все медичейские владения. В том числе и Флоренция, оказавшаяся в ситуации, обратной предсказывавшейся ей Гвиччардини несколькими годами ранее⁷²: теперь от способности папы защитить ближайшие к Милану рубежи в Северной Италии зависела участь «фронта» его власти в Тоскане. Громоздкий конгломерат медичейских владений в сложившейся ситуации на Апеннингах грозил развалиться как картонный домик. Генеральный комиссар папского войска при обороне Пармы отвечал не только за ее судьбу, но и за судьбу Флорентийской республики и даже всего медичейского политического проекта в целом.

⁶⁶ Mallett M., Shaw C. Op. cit. P. 136.

⁶⁷ Ibid. P. 135.

⁶⁸ Storia d'Italia di Francesco Guicciardini. Vol. 3. P. 144 [1186].

⁶⁹ Francesco Vettori. Op. cit. P. 162.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Francesco Guicciardini. Relazione della difesa di Parma. P. 47.

⁷² Francesco Guicciardini. Del modo di assicurare lo Stato alla Casa dei Medici. P. 328.

В письме брату Луиджи в 1516 г. Гвиччардини сообщал, что в подконтрольной ему Модене с войском ситуация обстояла немногим лучше, чем в его родной Флоренции. Он писал, что «хотел бы иметь возможность взглянуть на своих солдат»⁷³, предоставленных ему неким капитаном Бонджанни, однако не рассчитывает даже на «один из тех меньших отрядов, что у него есть»⁷⁴. Под меньшими отрядами Гвиччардини подразумевал вспомогательные силы, поставляемые Лоренцо ди Пьеро Медичи из флорентийских земель по соглашению с понтификом⁷⁵. Однако подобная практика зависимости Модены, Пармы, Пьяченцы и Реджо от временного привлечения войска со стороны папского сторонника Лоренцо поставила управлявшиеся флорентинцем земли в ситуацию борьбы двух группировок: сторонников понтификата Льва и дома Медичи и приверженцев автономии Модены. Как писал Гвиччардини своему брату в апреле 1517 г., эта борьба дошла до резни в пасхальный понедельник в Реджо: «...Все они взялись за оружие, оставили своих друзей и сторонников и укрепились в своих домах; я не знаю, успокоится ли дело здесь; но если оно пока успокоится, и если не будет большой демонстрации, то это начало, которое скоро вызовет другие беспорядки. Все произошло от жалкого правительства, которое там находится, ведь город сам по себе более склонен к мирному управлению, чем другие земли этой области»⁷⁶.

Однако конфликт в Реджо, как не без самодовольства отмечает Гвиччардини в письме так называемой Синьории охранителей (исполнительному органу папской власти в северо-итальянских областях), был улажен им уже в июле того же года путем простого перераспределения между его сторонами земель городского контадо⁷⁷.

Кроме того, уже вскоре после расширения своего «домена» папа начал повторствовать в экспансионистских устремлениях и своим родственникам из дома Медичи. Так, в 1516 г. от имени Льва X началась война между Лоренцо ди Пьеро Медичи и герцогом Урбино Франческо Мария делла Ровере, представлявшая собой, в каком-то смысле, борьбу между прошлым и настоящим папства. Дело в том, что Франческо Мария получил Урбино также в дар от своего родственника — предшественника Льва на папском престоле — Юлия II⁷⁸. При этом для герцогства Урбино Львом предполагалась такая же судьба, как и для выделенных его брату Джулиано земель в Модене, Парме, Пьяченце и Реджо: превращение в папский протекторат под знаменем дома Медичи⁷⁹. Но война за Урбино велась

⁷³ *Francesco Guicciardini*. Lettera a Luigi Guicciardini. 8 di Febraio 1516 // Zandoni E. La mente di Francesco Guicciardini. Nelle opera politiche e storiche. P. 400.

⁷⁴ *Ibid.*

⁷⁵ *Gilbert F.* Op. cit. P. 108.

⁷⁶ *Francesco Guicciardini*. Lettera a Luigi Guicciardini. 16 di Aprile 1517 // Zandoni E. La mente di Francesco Guicciardini. Nelle opera politiche e storiche. P. 404.

⁷⁷ *Francesco Guicciardini*. A Signori Conservatori. 20 di Luglio 1517 // *Ibid.* P. 406.

⁷⁸ *Mallett M., Shaw C.* Op. cit. P. 135–136.

⁷⁹ *Ibid.*

Лоренцо ди Пьеро очень малыми силами, предоставленными непосредственно папой, чтобы не нарушить генеральный нейтралитет Флоренции. Ф. Веттори в «Изложении истории Италии 1511–1527 гг.» писал: «Лев хотел, чтобы Лоренцо совершил подвиг в Урбино... потому что он знал, что так же, как это государство легко взять, его очень легко потерять»⁸⁰. Действительно, спустя три года Урбино при поддержке Франциска I вернулось к Франческо делла Ровере, что, по свидетельству того же Веттори, явилось для владений Медичи угрозой катастрофы: «Лев знал также, что его могут заставить отказаться от государства Урбино и вернуть Реджо и Модену, и заставить его оставить управление Флоренцией и изменить управление Сиеной, и, в сущности, подчинить папство тому, который скорее будет делать то, что ему угодно, чем бояться его»⁸¹. Под «тем, который скорее будет делать то, что ему угодно», в данном рассуждении, очевидно, подразумевается Франциск I, рассчитывавший установить свою власть в Северной Италии, в том числе на папских землях.

По мнению британского военного историка Д. Поттера, у французского монарха к 1521 г. сложилась прекрасная возможность реализовать свой проект дипломатическим инструментарием, тем более выгодным после провала в 1515–1516 гг. итальянского блицкрига⁸². Подобным средством для Франциска I могло стать заключение соглашения с Карлом Габсбургом о глобальном разделе Италии по линии «север – юг» на фоне закрепления за Карлом как новым королем Испании еще и королевского престола в Неаполе⁸³. При этом Лев X уже дал императору инвеституру на управление Неаполитанским королевством, не учитывая мнение Франциска⁸⁴. Ответным шагом в пользу понтифика со стороны Габсбурга стало подтверждение им имперской инвеституры Льву на владение Пармой и Пьяченцей. Этим шагом Карл откупался от возможной войны за эти земли с Францией, передавая их судьбу в руки папы⁸⁵. Соответственно, и на имперские войска Гвиччардини при обороне Пармы рассчитывать в полной мере не мог. Оставались дипломатические средства. Как отмечает Гвиччардини в рапорте «Об обороне Пармы», единственным возможным обстоятельством в его пользу, зависевшим от дипломатии, являлось удержание приграничных с Флоренцией областей Средней Италии от антимедичейского мятежа в поддержку Франции. С этой целью были проведены переговоры с Джентиле Бальони, синьором Перуджи, долженствовавшим повлиять и на Франческо делла Ровере, вернувшего Урбино⁸⁶. Подобным шагом Гвиччардини предупреждал и возможное выступление республиканских

⁸⁰ *Francesco Vettori*. Op. cit. P. 177.

⁸¹ *Ibid.*

⁸² *Potter D.* Renaissance France at war: Armies, culture and society, c. 1480–1560. Woodbridge, 2008. P. 31.

⁸³ *Potter D.* Op. cit. P. 31.

⁸⁴ *Ibid.*

⁸⁵ *Ibid.* P. 32.

⁸⁶ *Francesco Guicciardini*. Relazione della difesa di Parma. P. 49.

«радикалов» в самой Флоренции, рассчитывавших с оглядкой на Францию восстановить в городе режим, подобный гонфалоньерату Содерини⁸⁷.

Еще одним дипломатическим обстоятельством, на которое мог рассчитывать генеральный комиссар папских войск, уже от него не зависевшим, была размолвка венецианцев, ранее союзных Франции, с Франциском I ввиду их притязаний в отношении Брешии, Бергамо и Виченцы. По мнению Гвиччардини, это «означало бы отказ от всего, что французы еще удерживали в Италии, за исключением крепостей Милана и Кремоны»⁸⁸. Однако венецианцы не выступили против Франции, и отбивать Парму силам Ф. Гвиччардини пришлось у франко-венецианского союза. Правда, в этом ему посодествовали брат Якопо и граф Гвидо Рангони, занявшие для обороны рубежи Реджо и Модены соответственно. В итоге Гвиччардини отрапортовал: «...Я могу с уверенностью сказать, что благодаря предпринятым мной усилиям город остался под властью церкви. Это событие было важным не только потому, что оно сорвало планы французов, описанные выше, но и потому, что оно послужило примером для других, например, для миланцев, которые доблестно сопротивлялись французам, когда те проходили через Ломбардию с очень сильной армией»⁸⁹.

При детальном рассмотрении рапорта Гвиччардини, можно уточнить, что флорентинец имеет в виду под предпринятыми усилиями. Прежде всего он сумел убедить местные элиты Пармы в необходимости организации сопротивления французам⁹⁰. У города в тот момент имелся перед глазами постыдный пример предательства: местный граф Кристофоро Торелло перешел на службу войскам Франциска и стал их гонцом⁹¹. Однако Гвиччардини успешно держал речь на пармезанском совете городских общин (Credenza) о примере обороны соседней с Пармой Пьяченцы, убедив пармезанцев, что можно и нужно отбиваться от французов, следуя примеру соседей. Правда, Гвиччардини скрыл от пармезанцев один нюанс обороны Пьяченцы: ее защищали швейцарские наемники из Цюриха, прибывшие в город по соглашению с Львом X⁹². Все тем же папским приказом, переданным епископу Пистойи, было постановлено перебросить тысячу швейцарских наемников из-под Пьяченцы к Парме⁹³. Однако понтифик из фамилии Медичи скончался 1 декабря 1521 г.⁹⁴, за несколько дней до начала обороны Пармы, и швейцарцы остались в Пьяченце, не пожелав участвовать в боях против французов под началом Гвиччардини, так как не знали, кто и как в такой ситуации мог бы оплатить их услуги⁹⁵. Тем не менее именно после выступления на совете городских общин

⁸⁷ Gilbert F. Op. cit. P. 133–134.

⁸⁸ Francesco Guicciardini. Relazione della difesa di Parma. P. 47.

⁸⁹ Ibid. P. 57.

⁹⁰ Ibid. P. 52.

⁹¹ Ibid.

⁹² Francesco Guicciardini. Relazione della difesa di Parma. P. 48.

⁹³ Ibid.

⁹⁴ Storia d'Italia di Francesco Guicciardini. Vol. 3. P. 348 [1388].

⁹⁵ Francesco Guicciardini. Relazione della difesa di Parma. P. 48–50.

Гвиччардини сумел собрать в Парме отряды от имени депутатов городских общин, возглавленные капитаном Франческо Саламоне⁹⁶, и именно эти отряды успешно осуществили оборону Пармы⁹⁷.

Следует отметить, что Флоренция в период Итальянских войн получила некоторый суверенитет (или его иллюзию), основывавшийся на имени и положении дома Медичи. Однако на рубеже 1530–1531 гг. Флорентийская республика пала под натиском имперских войск Карла V. Представители дома Медичи получили титул герцогов Флорентийских, но Флоренция из независимой республики превратилась в военно-дипломатический придаток империи Габсбургов. Гвиччардини назвал главную причину падения республики: «Во Флоренции нет никого, кто любил бы свободу и народное правительство настолько, чтобы, получив более высокий уровень жизни, не думать о том, что имеет, и не отдавать все себе, особенно если на него повлияют изменения в государстве»⁹⁸.

Заключение. В 1516 г. Гвиччардини вошел в высший эшелон политической элиты при медичейском понтифике, пропуском куда ему послужил панегирик «Как обеспечить государство дому Медичи». В период понтификата Льва X (Джованни Медичи) на фоне Итальянских войн началось изменение политики папства, преследовавшего цель слияния фамильных владений дома Медичи с территориями, подконтрольными папству. Для реализации своих планов Льву X был нужен аппарат служащих, способных реализовать его проект. Франческо Гвиччардини блестяще вписался в этот аппарат благодаря своим способностям и лояльности. А после смерти Льва X он сумел организовать успешную оборону Пармы в декабре 1521 г. Однако и он, утратив поддержку папства, не сумел предотвратить падения Флорентийской республики.

Литература

1. Павлов К. В. Голод и чума в эпоху Итальянских войн: повседневное и политическое измерение (по сведениям флорентийских источников) // История повседневности в российской гуманитаристике – взгляд из 2024 г.: Коллективная монография / под ред. Д. П. Шульгиной и др. М.: Канцлер, 2024. С. 307–315.

⁹⁶ Отметим упоминание Гвиччардини, дающее нам основания предполагать, что Саламоне был не просто местным капитаном пармезанцев, но кондотьером: «После того как я получил деньги и намеревался заплатить солдатам, некоторые, подстрекаемые Франческо Саламоне, отказались, заявив, что они хотят получить полную сумму, что было невозможно. После долгих обсуждений и уговоров они повернули к воротам, требуя, чтобы их выпустили во французский лагерь. Я последовал за ними, и на другой стороне их остановил их капитан, которому показалось, что вопрос зашел дальше, чем они хотели, и они согласились на половинное жалованье». В таком случае подлинная «подноготная» успеха пармезанского предприятия Гвиччардини могла бы оказаться несколько более циничной, нежели авторская легенда: подкуп части войск противника с переходом на папскую сторону (*Francesco Guicciardini. Relazione della difesa di Parma. P. 52–53*).

⁹⁷ Ibid. P. 52–54.

⁹⁸ *Francesco Guicciardini. Del modo di assicurare lo Stato alla Casa dei Medici. P. 334.*

2. Павлов К. В. Сочинение Франческо Гвиччардини «Как обеспечить государство дому Медичи»: нетипичный образец панегирического направления флорентийской ренессансной политической мысли // Гуманитарные исследования молодых ученых Южного Урала: науч. ежегод.: электрон. сетевое изд. Вып. 7. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2023. С. 11–16.
3. Bruno L. Machiavelli e I conflitti horrendi ma necessari // *Roczniki humanistyczne*. 2024. T. 72. № 5. S. 247–263. <https://doi.org/10.18290/rh24725.15>
4. Bryce J. The Donati-Ardinghelli wedding of 1465: A closer reading of Braccio Martelli's letter of April 27 to Lorenzo de' Medici // *Renaissance Quarterly*. 2024. Vol. 77. № 1. P. 26–58. <https://doi.org/10.1017/rqx.2022.433>
5. Călina N., Grozoiu L. M. On Francesco Guicciardini's Thought and Some of his Considerations on Machiavelli // *Athens Journal of History*. 2021. Vol. 7. № 4. P. 257–268. <https://doi.org/10.30958/ajhis.7-4-1>
6. Czapińska-Bambara M. Taxonomy of patience in sixteenth-century Florentine political thought // *Studia Ceranea*. 2024. Vol. 14. P. 1–18. <https://doi.org/10.18778/2084-140X.14.07>
7. del Palacio Martín J. “Contro a ogni ragione del mondo”: religion y realismo politico en el Ricordo C1 de Guicciardini // *Medievalia*. 2025. Vol. 28. № 1. P. 207–224. <https://doi.org/10.5565/rev/medievalia.725>
8. Fernández Muñoz J. Razon, experiencia e historia en los *Ricordi* de Guicciardini: el camino hacia la libertad // *Archivo Teológico Granadino* 88 (2025). P. 93–123. <https://doi.org/10.47035/atg.2025.88.5798>
9. Gilbert F. Machiavelli and Guicciardini: Politics and history in sixteenth-century Florence. Princeton: Princeton University Press, 1965. 358 p.
10. Goethals J. Apocalypse at the gate: Marching toward the 1527 sack of Rome // *California Italian Studies*. 2024. Vol. 13. № 1. 2024. P. 1–17. <https://doi.org/10.5070/C313162134>
11. Leira H., de Carvalho B. The intercity origins of diplomacy: Consuls, empires, and the sea // *Diplomatica*. 2021. Vol. 3. № 1. P. 147–156. <https://doi.org/10.1163/25891774-03010008>
12. Mallett M., Shaw C. The Italian wars, 1494–1559: War, state and society in early modern Europe. Routledge: Taylor & Francis Group, 2012. 391 p.
13. Phillips M. Francesco Guicciardini: the historian's craft. Toronto: University of Toronto Press, 1977. 213 p.
14. Potter D. Renaissance France at war: Armies. Culture and society, c. 1480–1560. Woodbridge: The Boydell Press, 2008. 456 p.
15. Rasmussen E. Politics of the imagination: Francesco Guicciardini and the conditions of effective government // *The Review of Politics*. 2025. Vol. 87. № 2. P. 169–192. <https://doi.org/10.1017/S0034670524000718>
16. Ridley G. Political obligation and self-sufficiency in Leonardo Bruni's history of the Florentine people // *Austrian History Yearbook*. 2024. Vol. 55. P. 1–13. <https://doi.org/10.1017/S0067237824000444>
17. Storia d'Italia di Francesco Guicciardini // *Opere di Francesco Guicciardini*: in 3 vol. / a cura di E. Scarano. Vol. 2–3. Torino: UTET, 1981. 1045+979 p.
18. Zanoni E. La mente di Francesco Guicciardini. Nelle opera politiche e storiche. Firenze: G. Barbera, 1897. 492 p.
19. Zanoni E. Vita Pubblica di Francesco Guicciardini. Con nuovi documenti. Bologna: Ditta Nicola Zanichelli, 1896. 626 p.

References

1. Pavlov K. V. Famine and plague in the Italian wars: Everyday and political dimensions (according to Florentine sources) // History of everyday life in Russian humanities — A view from 2024: monograph / edited by D. P. Shulgina et al. Moscow: Kanzler, 2024. P. 307–315. (In Russ.).
2. Pavlov K. V. Francesco Guicciardini's work "How to provide the state for the House of Medici": An atypical example of the panegyric trend of Florentine Renaissance political thought // Humanitarian Research of Young Scientists of the Southern Urals: scientific annual. Issue 7. Chelyabinsk: Publishing House of Chelyabinsk State University, 2023. P. 11–16. (In Russ.).
3. Bruno L. Machiavelli e I conflitti horrendi ma necessari // Roczniki humanistyczne. 2024. T. 72. № 5. S. 247–263. <https://doi.org/10.18290/rh24725.15>
4. Bryce J. The Donati-Ardinghelli wedding of 1465: A closer reading of Braccio Martelli's letter of April 27 to Lorenzo de' Medici // Renaissance Quarterly. 2024. Vol. 77. № 1. P. 26–58. <https://doi.org/10.1017/rqx.2022.433>
5. Călina N., Grozoiu L. M. On Francesco Guicciardini's Thought and Some of his Considerations on Machiavelli // Athens Journal of History. 2021. Vol. 7. № 4. P. 257–268. <https://doi.org/10.30958/ajhis.7-4-1>
6. Czapińska-Bambara M. Taxonomy of patience in sixteenth-century Florentine political thought // Studia Ceranea. 2024. Vol. 14. P. 1–18. <https://doi.org/10.18778/2084-140X.14.07>
7. del Palacio Martín J. "Contro a ogni ragione del mondo": religion y realismo politico en el Ricordo C1 de Guicciardini // Medievalia. 2025. Vol. 28. № 1. P. 207–224. <https://doi.org/10.5565/rev/medievalia.725>
8. Fernández Muñoz J. Razon, experiencia e historia en los *Ricordi* de Guicciardini: el camino hacia la libertad // Archivo Teológico Granadino 88 (2025). P. 93-123. <https://doi.org/10.47035/atg.2025.88.5798>
9. Gilbert F. Machiavelli and Guicciardini: Politics and history in sixteenth-century Florence. Princeton: Princeton University Press, 1965. 358 p.
10. Goethals J. Apocalypse at the gate: Marching toward the 1527 sack of Rome // California Italian Studies. 2024. Vol. 13. № 1. 2024. P. 1–17. <https://doi.org/10.5070/C313162134>
11. Leira H., de Carvalho B. The intercity origins of diplomacy: Consuls, empires, and the sea // Diplomatica. 2021. Vol. 3. № 1. P. 147–156. <https://doi.org/10.1163/25891774-03010008>
12. Mallett M., Shaw C. The Italian wars, 1494–1559: War, state and society in early modern Europe. Routledge: Taylor & Francis Group, 2012. 391 p.
13. Phillips M. Francesco Guicciardini: the historian's craft. Toronto: University of Toronto Press, 1977. 213 p.
14. Potter D. Renaissance France at war: Armies. Culture and society, c. 1480–1560. Woodbridge: The Boydell Press, 2008. 456 p.
15. Rasmussen E. Politics of the imagination: Francesco Guicciardini and the conditions of effective government // The Review of Politics. 2025. Vol. 87. № 2. P. 169–192. <https://doi.org/10.1017/S0034670524000718>
16. Ridley G. Political obligation and self-sufficiency in Leonardo Bruni's history of the Florentine people // Austrian History Yearbook. 2024. Vol. 55. P. 1–13. <https://doi.org/10.1017/S0067237824000444>

17. Storia d'Italia di Francesco Guicciardini // Opere di Francesco Guicciardini: in 3 vol. / a cura di E. Scarano. Vol. 2–3. Torino: UTET, 1981. 1045+979 p.
18. Zanoni E. La mente di Francesco Guicciardini. Nelle opera politiche e storiche. Firenze: G. Barbera, 1897. 492 p.
19. Zanoni E. Vita Pubblica di Francesco Guicciardini. Con nuovi documenti. Bologna: Ditta Nicola Zanichelli, 1896. 626 p.

Рецензия

УДК 93/94(7)

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-148-153

Щеголихина Светлана Николаевна

кандидат исторических наук, доцент

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Санкт-Петербург, Россия

sveta.shc@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9345-2254

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ:

Нечипорук Д. М., Макурин А. И. Источниковедение истории США и американо-российских связей: учебное пособие. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2025. 108 с.

Для цитирования: Щеголихина С. Н. Рецензия на учебное пособие: Нечипорук Д. М., Макурин А. И. Источниковедение истории США и американо-российских связей: учебное пособие. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2025. 108 с. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 1 (61). С. 148–153. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-148-153>

Review

UDC 93/94(7)

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-148-153

Shchegolikhina Svetlana N.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Herzen State Pedagogical University of Russia

Saint Petersburg, Russia

sveta.shc@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9345-2254

REVIEW OF THE STUDY GUIDE:

Nechiporuk D. M., Makurin A. I. Source studies
of the history of the USA and US-Russian relations: a study guide.
Tyumen: Tyumen State University Press, 2025. 108 p.

For citation: Shchegolikhina S. N. Review of the study guide: Nechiporuk D. M., Makurin A. I. Source studies of the history of the USA and US-Russian relations: a study guide. Tyumen: Tyumen State University Press, 2025. 108 p. // MCU Journal of Historical Studies. 2026. № 1 (61). P. 148–153. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-148-153>

Анализ источников является основой исторических исследований, и овладение методиками работы с ними составляет главную профессиональную компетенцию историка. Современное развитие науки требует расширения и совершенствования навыков поиска источников, формирования их комплексного единства, адекватных поставленным исследовательским задачам методов изучения с применением междисциплинарного подхода и возможностей новых технологий.

В связи с этим учебное пособие Д. М. Нечипорука и А. И. Макурина представляется очень своевременным практическим руководством для профессиональной подготовки и активизации исследовательской деятельности как обучающихся высшей школы, так и специалистов.

Авторы рассматривают источниковедческие вопросы на материале истории США и американо-российских отношений. Их выбор обоснован профессиональными интересами, личным исследовательским опытом, имеющимися наработками. Таким образом, представленные учебные и методические материалы прошли первоначальную апробацию, доказали свою эффективность и верифицированность.

Каждую главу Д. М. Нечипорук и А. И. Макурин предваряют емкой исторической справкой появления того или иного типа источников, краткой историей развития методов их использования. Отметим, что, придерживаясь заявленного поля американских исследований, авторы обращаются также к наиболее значимым примерам всеобщей и российской истории, источниковедения и методологии. Такой подход дает основание заключить, что предложенные далее практические рекомендации могут быть использованы при изучении и исследовании разных исторических периодов и обществ.

Современные технологии предоставляют сегодня более широкие возможности поиска и доступа к историческим материалам. Авторы пособия сделали на этом особый акцент, в каждой главе указывая на электронные ресурсы, дающие возможность работы с источниками удаленно.

Методические рекомендации по анализу отдельных видов источников отличает тщательное разъяснение специфики каждого вида. Авторы предлагают детальный план анализа, присущий именно данному типу документов, что, безусловно, правильно и что дает возможность получать более объективные и полные результаты.

Значительную часть каждой главы составляют конкретные примеры использования предлагаемой методики на определенном источнике или в рамках заданной темы. Отметим, что авторы показывают профессиональное умение разрабатывать алгоритм анализа, владение техниками работы с материалом, знание широкой информационной базы интернет-ресурсов. Даже опираясь только на приведенные примеры, обучающийся или исследователь может повторить подобную практику применительно к своей теме.

Хорошо разработана методическая составляющая учебного пособия. Каждая глава завершается практическим заданием, для выполнения которого предлагается конкретный план в виде вопросов и пример источника или исторический материал. Полезными являются также вопросы для повторения теоретического материала, затрагивающие ключевые моменты общего понимания темы и специфические исторические сведения. Для закрепления материала, расширения знаний авторы заключают каждую главу списком актуальной литературы.

К несомненным достоинствам пособия следует отнести выбор типов источников и тем, при изучении которых эти документы могут быть использованы. В главе 1 авторы обращаются к травелогам, предоставляющим обширный материал как для изучения тем взаимодействия разных обществ и культур, так и тем, связанных с исследованием внутренней самоидентификации людей, социальных групп и социумов. Краткая история развития травелогов от Античности до XIX в. позволяет заключить, что данный тип источника вполне применим для использования при изучении разных периодов. Авторы отмечают, что травелоги иностранцев, путешествующих по России во второй половине XIX – начале XX в., являются распространенным источником: более 700 книг было издано только на английском языке с 1855 по 1917 г. Большинство из них сегодня находятся в открытом доступе онлайн. Д. М. Нечипорук и А. И. Макурин показывают, что записки путешественников следует использовать более полно, а не просто цитировать содержащуюся в них информацию. Приведя в пример анализ травелогов американцев, побывавших в России в XIX в., авторы пособия предлагают проводить сопоставительный анализ, разбираться в мотивации путешественников, отделять стереотипное восприятие от реального и т. п. Интересным опытом является также лингвистический анализ слов «путешественник» и «турист», в появлении и широком распространении

которых нашли отражение социально-политические, экономические и культурные изменения в обществе. Этим примером авторы пособия стимулируют исследователей активнее использовать междисциплинарный подход и овладеть методами работы смежных дисциплин.

Вторая глава посвящена генеалогии и методике работы в этой области. Авторы отмечают, что подобное направление изучения прошлого более разработано применительно к европейскому материалу. Но и в США довольно рано возник интерес к исследованию истории своей семьи. Значимость данного исследовательского подхода определяется двумя основными причинами. Во-первых, генеалогические поиски помогают более объективно и полно реконструировать прошлое, а также понять контекст изучаемой эпохи, понять процесс формирования «исторической памяти» американцев, их самоидентификации. Во-вторых, так как американское общество формировалось главным образом через иммиграцию, то полученные результаты генеалогических исследований вносят определенный вклад в изучение истории других стран.

Изучение происхождения личности является непростой и продолжительной по времени работой, главная сложность которой чаще всего заключается именно в поиске источников для информации. Но авторы пособия указывают, что благодаря интересу американцев к истории своей семьи существует значительный комплекс материалов «Исторического и генеалогического общества Новой Англии», созданного еще в 1845 г., других общественных, частных генеалогических организаций и проектов.

Д. М. Нечипорук и А. И. Макурин подчеркивают, что так как исторические материалы, содержащие информацию о родословной, следует искать в разных источниках, то не существует четкого алгоритма ее составления. Есть только примерный шаблон работы, с чего следует начинать и какие материалы могут быть полезными с точки зрения получаемой информации. Так, они предлагают использовать данные переписи населения, полицейские сведения, распространенные в американских газетах некрологи, данные официальных служб и т. п. Прекрасным источником являются ежегодные доклады Генерального комиссара по иммиграции, а также статистические материалы Департамента труда. В учебном пособии приводится перечень документов, которые вполне доступны для исследователя: прошение о выдаче заграничного паспорта; списки иностранных пассажиров, прибывших в США на гражданских морских судах; свидетельства о постановке на воинский учет и др. Авторы пособия вновь обращают внимание на необходимость овладения методами лингвистического анализа, так как имена и фамилии могли быть изменены, по-разному писаться и т. д. Излагая материал о возможных источниках по созданию генеалогической биографии, авторы пособия последовательно проводят историко-биографическое исследование на примере конкретного человека — актера Алана Вольф Аркина.

Таким же трудоемким материалом, требующим применения навыков работы со статистикой, являются переписи населения, характеристика которых

дается в третьей главе. В пособии отмечается, что в открытом доступе онлайн есть персональные сведения об американцах, полученные по переписям с 1790 по 1950 г. Д. М. Нечипорук и А. И. Макурин разъясняют специфику проведения переписей в США, которую необходимо учитывать, приступая к работе с ними. Переписи населения являются ценным источником, если рассматривать их как индивидуальное (биографическое) измерение статистики. Так, в темы американских опросов с течением времени включалось все больше вопросов: начиная от грамотности, рода занятий, родного языка до «жилье снимается или собственное, в залоге или нет» или даже вопрос о наличии радиоприемника. Таким образом, переписи населения иногда содержат информацию, полезную для изучения вопросов, исследуемых, например, в рамках исторической антропологии или повседневной жизни, — умения читать или писать, наличие хронических заболеваний, владение жильем и т. п. Помимо поиска, структурирования и оформления материалов, полученных из переписи населения, авторы пособия предлагают возможные способы синтеза материала. Особо подчеркивается необходимость учета при этом исторической обстановки. Для демонстрации возможностей использования подобного вида источников в пособии приводятся данные переписи по некоторым представителям послереволюционной русской эмиграции 1920–1940 гг.

Одной из самых интересных является четвертая глава, главной темой которой стала устная история. В США накоплен значительный материал, собранный в результате реализации различных проектов (частных, университетских, научных и т. п.). Так как сбор материала в рамках устной истории проводился американскими специалистами в виде проектов, то источники следует искать на сайтах университетов и исследовательских центров. Записанные интервью относятся к источникам личного происхождения, поэтому методика их анализа стандартна. При этом отметим, что устная история гораздо более полная, живая в отличие от, например, мемуаров и потому представляет особую ценность для исследователя. Благодаря тому, что в 1950-е гг. американские историки инициировали проекты по истории России начала XX в., имеется хорошая база данных устной истории, полезная для изучения как американской, так и русской истории, может быть даже в большей степени. В качестве базового исторического материала для примера анализа авторы взяли данные по истории российской иммиграции в США из проекта Центра славянских исследований Калифорнийского университета.

Глава 5 рассматривает дипломатические документы Государственного департамента США. Их главный комплекс представлен в многотомном издании «Внешние отношения Соединенных Штатов», достоинствами которого авторы считают подбор и колоссальный объем публикуемых источников, а также официальный доступ к ним онлайн. Д. М. Нечипорук и А. И. Макурин характеризуют разные формы дипломатических документов, определяют их особенности, степень значимости, формальности; дают обзор серии

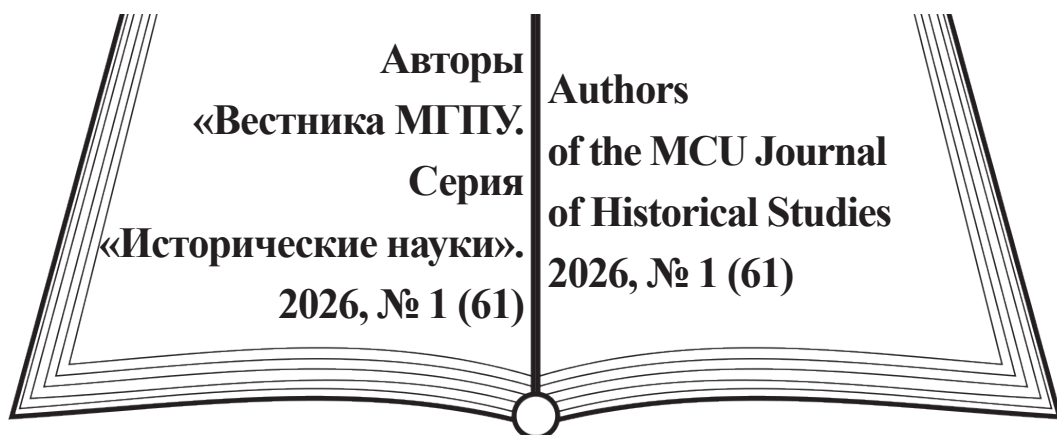
документов Государственного департамента «Внешние отношения Соединенных Штатов» с подробным описанием, где и как с указанными сборниками можно поработать. Характеризуя разные типы дипломатических документов, авторы приводят конкретные примеры источников по истории американо-советских отношений, что позволяет более четко уяснить классификацию и, следовательно, значимость документов.

В шестой главе, посвященной периодической печати, приводится краткая, но насыщенная и интересно написанная история развития прессы в США. Полезным для обучающихся и исследователей также будет раздел, касающийся жанровой классификации статей (новости, актуальный репортаж, статья-мнение и т. п.) Особенностью главы, посвященной периодической печати как историческому источнику, является то, что авторы активно ссылаются на более «современный» материал 1980–1990-х гг.

Учебное пособие дополнено приложением «Самостоятельное изучение источников по истории США на интернет-ресурсах», что представляется полезным как в качестве дополнительного материала при обучении, так и для проверки своих знаний самими обучающимися.

Авторы пособия неоднократно напоминают, что при изучении какой-либо темы нельзя ограничиваться только одним типом источников. Материалы устной истории должны дополняться данными генеалогии; данные генеалогии непосредственно связаны с информацией из статистических источников и периодической печати; статистика и периодика коррелируют с официальными документами и т. д.

Таким образом, учебное пособие Д. М. Нечипорука и А. И. Макурина «Источниковедение истории США и американо-российских связей» является качественной, профессионально выполненной работой и может быть рекомендовано для использования преподавателями, обучающимися и профессиональными историками.

Гусарова Светлана Владимировна — учитель истории Одинцовской общеобразовательной школы «Надежда», Московская обл., Россия.

Gusarova Svetlana V. — History Teacher of Odintsovo Secondary School “Nadezhda”, Moscow region, Russia.

E-mail: samoupravlenie7@mail.ru

Емельянова Александра Андреевна — кандидат исторических наук, доцент департамента истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Emelyanova Alexandra A. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History at the Institute of Humanities of Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: platonovae@mgpu.ru

Иванов Андрей Александрович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Ivanov Andrey A. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Modern History of Russia at the Institute of History of St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Кармов Тимур Михайлович — кандидат исторических наук, главный специалист отдела внешнеэкономической деятельности государственного предприятия Нижегородской области «Нижегородская областная фармация», Санкт-Петербург, Россия.

Karmov Timur M. — Candidate of Historical Sciences, Chief Specialist of the Department of Foreign Economic Activity of the State Enterprise of the Nizhny Novgorod Region “Nizhny Novgorod Regional Pharmacy”, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: timurkarmow@yandex.ru

Кискидосова Татьяна Александровна — кандидат исторических наук, заведующая сектором истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия.

Kiskidosova Tatiana A. — Candidate of Historical Sciences, Head of the History Sector of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia.

E-mail: tak_74@mail.ru

Орчакова Лариса Геннадьевна — доктор исторических наук, доцент, профессор департамента истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Orchakova Larisa G. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History at the Institute of Humanities of Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: orchakovalg@mgpu.ru

Павлов Кирилл Владимирович — аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Pavlov Kirill V. — Postgraduate Student at Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: kir2014Sch603@gmail.com

Пленкин Олег Игоревич — старший преподаватель кафедры дизайна, изобразительного искусства и реставрации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия.

Plenkin Oleg I. — Senior Lecturer of the Department of Design, Fine Arts and Restoration at the Vladimir State University, Vladimir, Russia.

E-mail: o.plenkin@mail.ru

Пыстина Полина Алексеевна — магистрант Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Pystina Polina A. — Master's degree student of the Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: st087537@student.spbu.ru

Савитский Григорий Алексеевич — студент Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Savitsky Grigory A. — Student of the Moscow City University, Moscow, Russia.
E-mail: savitskiiga250@mgpu.ru

Шеркова Татьяна Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра египтологических исследований Российской академии наук, Москва, Россия.

Sherkova Tatiana A. — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: sherkova@inbox.ru

Щеголихина Светлана Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Shchegolikhina Svetlana N. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General History at the Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: sveta.shc@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Рецензируемый научный журнал «Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». *MCU Journal of Historical Studies* принимает к публикации оригинальные, не опубликованные ранее работы на русском и английском языках по конкретным историческим, историографическим и источниковедческим темам, содержание которых соответствует научным специальностям 5.6.1. Отечественная история и 5.6.2. Всеобщая история.

Материалы для публикации научной статьи следует направлять по адресу: vestnik_hist@mgpu.ru

Объем и форматирование

Объем научной статьи — до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, список литературы, без учета метаданных. Поля — по 20 мм справа, слева, сверху, снизу. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Интервал — 1,5. Красные строки — 1,25 (выставляются автоматически). Не допускаются разрывы между абзацами, автоматические переносы, автоматическая нумерация списков.

Рисунки, схемы, таблицы и графики выполняются в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения (сканирование не допускается); нумеруются в порядке упоминания их в тексте. Все изображения, представленные в статье, должны иметь подписи и ссылки на источник, если они выполнены не самим автором. Подрисуночные подписи выполняются кеглем 12; отдельно предоставляются рисунки в формате *jpeg, не менее 300 dpi точек на дюйм.

Метаданные

Метаданные приводятся до основного текста статьи на русском или английском языке в зависимости от того, на каком языке написана статья, и затем повторяются на другом языке.

Данные указываются в обозначенной последовательности без разделения запятыми:

УДК (www.teacode.com/online/udc/)

Ф. И. О. (Иванов Иван Иванович / Ivanov Ivan I.)

ученая степень и ученое звание (при наличии)

место работы

город, страна

электронная почта; ORCID.

Ниже по центру размещается *название статьи* (не более 15 слов).

После названия научной статьи следуют *аннотация* (200–250 слов) и *ключевые слова* (7–10 слов). В аннотации указываются актуальность и цель исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова должны соответствовать теме статьи, включать основные категории и понятия, отражающие ее содержание.

Ниже ключевых слов могут быть размещены благодарности, посвящения и сведения о финансировании исследований (при наличии).

Разделы научной статьи

Введение: постановка проблемы; научная новизна и актуальность исследования; историография вопроса; источниковая база исследования.

Ход и результаты исследования: должны соответствовать целям и задачам исследования, результаты исследования представляются в максимально доказательной форме (в том числе в виде таблиц, графиков, диаграмм и т. п.).

Заключение: содержит выводы по результатам исследования в кратком систематизированном виде, по желанию автора раскрываются перспективы продолжения проведения исследований в данном направлении, даются рекомендации для практического применения результатов исследования.

Ссылки на источники

Используемые в статье источники и литература должны быть отражены в подстрочных ссылках (сносках), при оформлении которых следует руководствоваться ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: Общие требования и правила составления».

Подстрочные ссылки (сноски) на используемые в статье материалы автоматические, нумерация сквозная, кегль — 10; интервал — 1.

Литература и References

Ниже текста статьи должны располагаться разделы «Литература» и References, содержащие библиографические описания использованных научных работ (монографий, диссертаций, авторефератов и статей). В эти разделы **не включаются** источники, энциклопедии, справочники, электронные ресурсы, художественные произведения и т. п.

В разделе «Литература» приводятся названия работ на языке оригинала (русском, английском и т. п.), которые располагаются по алфавиту. Библиографические описания на языках с разной графикой оформляются в следующем порядке: 1) кириллица; 2) латиница; 3) другие виды графики, транслитерация (в русской транскрипции).

Список литературы должен составлять не менее 15 пунктов, в том числе опубликованных в зарубежных базах цитирования (Scopus, Web of Science) за последние пять лет (по отечественной истории — не менее 1/4 от общего количества пунктов, по всеобщей истории — не менее 1/3), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников (при наличии).

В разделе References работы, написанные на русском или других языках, использующих кириллицу, приводятся в транслитерации (сайт для автоматической транслитерации: WWW.TRANSLIT.RU. Режим транслитерации — LC / Library of Congress). Их названия дублируются переводом на английский язык, заключенным в квадратные скобки. В конце библиографического описания для изданий на кириллице в скобках указывается язык оригинала: (In Russ.), (In Bulg.), (In Ukr.).

Если русскоязычный источник имеет зарегистрированные метаданные на английском языке, они приводятся в разделе References (например, MCU Journal of Historical Studies).

Литература, написанная на английском или других языках, использующих латиницу, приводится на языке оригинала. Порядок размещения работ в разделе References повторяет порядок в разделе «Литература».

Несоответствие разделов «Литература» и References предъявляемым требованиям (неполные, недостоверные и некорректные данные) является одной из причин отказа в приеме рукописи к публикации.

Научный журнал / Scientific Journal

**Вестник МГПУ.
Серия «Исторические науки».**

**MCU Journal
of Historical Studies**

2026, № 1 (61)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82088 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

кандидат исторических наук, директор, профессор
Института гуманитарных наук МГПУ *В. В. Кириллов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *И. В. Омелянчук*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музаилова

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 2.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 15.05.2026 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 10 печ. л. Тираж: 1 000 экз.